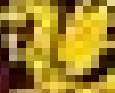

МАГІЯ ФЭНТЕЗИ

Александр ПЛАХОТИН

ТЕНЬ СКОРПИОНА

Издательство Аста-пресс

Даже бессмертные боги умирают, когда их забывают. И уходя, мстят, в тугой узел завязывая судьбы целых миров, подчиняя своей последней прихоти обитателей земли и Небес. Боги не умеют смеяться, такими их создали те, кто им служит. Люди всего лишь игрушки в руках Судьбы. И она проведет двух сыновей деревенской ведьмы по дороге ученичества и власти, любви и ненависти, богов и демонов, чести и предательства. По дороге, над которой нависла ТЕНЬ СКОРПИОНА.

Александр Плахотин

Тень Скорпиона

Автор сердечно благодарит свою жену Надежду, Сергея Здоровцова, Яна Канера, Татьяну Ларину, Владимира и Светлану Сатаровых, и Аллу Николаевну Трудакову за понимание, помощь, совет и участие.

Храни вас Небо!

ПРЕЛЮДИЯ

Он хирел с каждым днем. Не то чтобы он бился в агонии, задыхаясь от боли, охватывающей тело, просто с каждым днем все вокруг становилось для него пустым и безразличным. Пропадал интерес ко всему — к миру... жизни... смерти. Тело было уже вялым и прозрачным, и силы неспешно вытекали из него. Порой он не мог понять, что сейчас: день или ночь и какие времена настали в *гранях*.

Он забросил свои обязанности и почти все время пребывал в забытии. Лишь изредка, когда приходила Вига, находил в себе остатки сил, чтобы, поднявшись, усесться рядом и заставить себя слушать ее праздную болтовню в плывущей полудреме.

Вига, в свободном бесцветном одеянии похожая на утренний туман, брала его полупрозрачные руки в свои и щебетала о пустяках, стараясь не затрагивать неприятных тем, стремясь пробудить в умирающем хоть какой-то интерес к жизни. Но раз от раза это давалось все труднее, да и сами новости по своей сути так или иначе только ухудшали состояние.

— Вига, назови мое имя, — однажды попросил он, прерывая ее празднословие.

— Прости... — нахмурила она брови.

— Значит, ты тоже забыла... — обреченно вздохнул он. — Что ж, тогда прощай. Не приходи сюда больше. Не дело молодой и полной жизни красавице тратить свое драгоценное время на разлагающегося старика, чье имя бесстрастно изъели мгновения бесконечности.

Подбирая слова, он замолчал, щуря тусклые, почти бесцветные глаза.

— Уходи, Вига, у тебя так много дел. Жизнь порой сплетает непонятные узоры, бросая нас и все окружающее в безмерность тлена.

Вига встала, еле сдерживая слезы.

— Последний совет, *vatau*. — Он вытянул перед собой ладонь, пытаясь разобрать на ней линии судьбы. — Спутайся с каким-нибудь парнем из смертных. Желательно из тех, кто иногда видит больше собственного Я. Роди от него. Плохо, когда никто не может тебе подсказать ни твое имя, ни твое прошлое.

Здесь он слукавил. Свое прошлое он еще помнил. Как и представлял близкое будущее.

И он приступил.

Из нитей эфира он соткал бумагу и переплет, украсив его запретными рунами. Выловив из великого Ничто пустую мертвую звезду, он втер пустой свет в кожу бумаги. Призвав Знание, выждал, когда Вига последует его совету, принятому за последнее желание, и, дождавшись момента, вошел в нее, выкрав из чрева зародыш, заменив его тремя перепелиными яйцами.

Тело неродившегося, смешав с дыханием гор, он превратил в чернила.

Когда его собственное тело стало достаточно мягким и податливым, он выбросил ступню и, вырезав берцовую кость, соорудил писало.

Он тайно призвал к себе того, чье имя запрещено произносить вслух. Они заключили договор. Непроизносимый оградил его жилище от чужих глаз, вдохнул в покалеченное тело толику жизни и послал ему в услужение сорок уродцев — помесь хищных обезьян и сбившихся с пути ангелов, проклявших и покинувших своих хозяев. Уродцы-то и украли для него *Великий Кристалл*, указав на нем ту *грань*, где впервые его имя было потеряно.

Долго всматриваясь в него, он указал начало. Кристалл был возвращен на место, а из паутинок дорог и селений в его чертоги принесли двух сестер-близнецов.

За одну земную ночь, которая длилась целую вечность, и была написана *эта* Книга. Под крики боли и страсти он выцарапывал одну за другой ровные строки.

Когда труд был закончен, сестер вернули в отчий дом, а Книгу...

Не прошло и одной смены звезд, как его призвали Старейшины и был задан вопрос, на который он не смог, а может, и не захотел ответить. Его изгнали, хотя как можно изгнать изгнанного?

По пути он встретил молодого, только что народившегося божка.

— Здравствуй, старче, — с усмешкой приветствовал его божок, — куда лежит твой путь?

— Туда, где рано или поздно будут все те, кто забыл себя, дружок, — сквозь рвотный кашель улыбнулся он в ответ. — Лучше скажи мне, какая птица попала тебе по пути?

— Аист... — тихо ответил молодой бог, отводя в сторону глаза.

— Красивая... хорошая птица, — пустился он в воспоминания, — помню, две с половиной тысячи лет назад... — он осекся, всматриваясь в чужое лицо. — На какой лиге?

— На двенадцатой... — прошептал тот, шагнув назад.

— Судьба... Никто не смеет ее исправлять... — И растворился над дорогой облаков.

Божок, придя на гору Старейших, рассказал о встрече.

Седобородый, встав с выточенного руками тленных из цельного минерала кресла, призвал к себе четверых.

— Найдите Книгу. Уничтожить вам ее не удастся, поэтому просто спрячьте ее. Призовите Красу Неба на ее стражу. Наложите замок, но помните: если смертные найдут ее, все мы потеряем имена.

Четверо сделали свое дело. Спрятали Книгу среди вековых лесов и гор, на одной из *граней Кристалла*.

И не то по року судьбы, не то по воле Непроизносимого, но именно в этом мире две сестры родили в один год и тот же месяц мальчика и девочку, которые и положили начало династии царей.

И были они прокляты смертными и тем, чье имя никогда не произносится...

Так началась месть Бога, которого в суетной жизни своей забыли люди.

Глава 1

ЗАРЕВО

Быстро-быстро перебегая от одного дерева к другому, девушка то и дело оглядывалась — не заметил бы кто. Солнце уже село за вершины деревьев, и видеть в надвигающейся темноте становилось все труднее. Кое-как разобрав, где находится, она вышла на широкую лесную поляну с неказистым, скособоченным бревенчатым домом. Поправив съехавший платок и немного отдышавшись, она украдкой осенила себя знаком креста в круге и, собравшись с духом, засеменила маленькими ножками к избе.

Сидевший на еще не развалившемся крыльце старый толстый кот при неярком свете из окна казался еще более черным и массивным, чем на самом деле. Перестав на мгновение умываться, котяра безразлично взглянул на вечернюю гостью и, громко мяукнув, словно объявляя о ее приходе, продолжил вылизывать лапу.

Девушка, еще раз перекрестившись и шепотом помянув Единого и Отца Его, робко постучала в приоткрытую дверь.

— Матушка Мийяра, вы дома? — И отступила на шаг от порога.

— Дома, дома... где ж мне еще-то быть? — ворча, появилась в проеме двери сгорбленная женщина.

На вид и семьдесят, и все сто. Если бы не горб и абсолютно голый череп — память о перенесенном море, то ей можно было дать и не больше сорока. В деревне говорили, что в молодости Лысая Мийяра была чудо как хороша. «Не иначе, — шептались селяне, — от Нечистого краса такая, от Отродья».

Не всякий, кто хотя бы раз узрел статную чернобровую прелестницу, мог просто забыть увиденное.

Деревенские парни, да и грешным делом седовласые мужики, толпами ходили за первой красавицей, пока однажды проезжавший летом через деревню знатный вельможа не обомлел, встретив Мийяру, и силой не увез ее с собой в столицу, в великий Уилтаван.

Минула не одна весна. Легли в землю за деревенской околицей сначала отец, а следом и мать Мийяры. Под осиротевшим очагом поселились муравьи да шепот сквозняков. Уносила годы река Вира, что огибала село, впадая в воды могучего Келебсира. И вот однажды по дороге, что брала свое начало от Перекрестка Семи Дорог, мерно застучали копыта, закрипели колеса крытых повозок. В деревню после пятнадцати лет отсутствия вернулась Мийяра.

По бокам от нее стояли два отрока — четырнадцати и двенадцати лет.

Слуги сгружали тюки с телег. Дюжие работники зазвенели топорами, возвращая заброшенный дом к жизни.

Деревенские заприметили сразу, как изменилась их первая красавица.

Полный безразличности властный взгляд. Походка, жесты, речь — все говорило о том, что на родину вернулась едва не сама *королева*. Но первое, что сразу бросилось всем в глаза, — это обруч, придерживающий на голове богатый покров, как то водится у жителей дальнего жаркого Юга. Настороженно восприняли эту пустяковину старухи: «Не к добру это... Не по-нашему...»

Уже потом ребягня, возвращавшаяся поздним вечером из грибного похода, увидела Мийяру, нагой купающуюся в Вире. На голове у женщины не было ни одного волоска.

Дакки, деревенская знахарка, объясняла досужим бабам, что это результат перенесенного недуга. «Не иначе как от потешной болезни, — хихикала Дакки, — а может, и от мора, что в позапрошлом годе был».

Так или иначе люди сторонились ее. Деревенские пацаны пару раз поколачивали Локо и Инвара, сыновей Мийяры. И, как часто бывает, однажды крестьяне попытались вызвать *возвращенку* на откровенный разговор. «А как же! В поле не работает, хозяйство не ведет, дома сидит и с голоду не пухнет! Непонятно это, а значимо, нехорошо».

Но с чем пришли соседи, с тем и ушли.

Прошел год. Неожиданно для всех Инвар, младший сын Мийяры, сдружился с дочерью старосты хохотушкой Ули. Дело кончилось тем, что староста не вытерпел, глядя на это, и, не тратя времени на пустые разговоры, избил паренька.

Домой Инвар смог добраться только под утро. Мийяра со старшим Локо сразу же явилась к обидчику для разъяснений.

Лантан, так звали старосту, жил вдовцом, имел большой добротный дом и десяток расторопных работников, следящих за крепким хозяйством. Встретив рассерженную мать, повинился он за свою несдержанность и зазвал в дом обсудить, насколько велика обида.

По молодости староста, будучи первым женихом, не раз был отвергнут капризной красавицей.

В тот день привязанная вожжами к столу для рубки мяса Мийяра не смогла отвергнуть бывшего ухажера...

В присутствии ее сына всем двором сильничали ее до самого рассвета...

А через неделю, когда заплаканная Ули с доверенными людишками уехала к тетке, сгорел дом старшины.

Разом вспыхнул он среди бела дня на глазах у доброй половины деревни. В огне сгорел живьем Лантан и кое-кто из дворовых.

«Покарал мужика Господь. Хороший был человек. Ну да хоть погулял напослед».

Но уже вскоре порешили селяне, что не гнев Божий убил старосту. Кто заметил первым, уже никто и не помнил, но начал у Мийяры расти горб.

Дакки на вечерних посиделках доказывала товаркам: «Нечисть она. На спине ее — это ж знак Отродья. Ибо те, кто заключает с ним договор, кто берется колдовать от имени Нечистого, печать его носят».

Призадумавшись, крестьянки начали вспоминать, что еще до того, как Мийяру забрал вельможа, было в ней что-то этакое... Вспомнилось, как угадала она неурожай, а однажды предсказала надвигающуюся зимнюю бурю, что унесла несколько жизней. Да и прабабка Мийяры в свое время подшептывала наговоры и слыла сильной знахаркой.

«Верно, от бабки, упокой ее душу, — шепелявила Дакки, — и перешел к девке дар».

Рассудив между собой, бабы с мужиками в который раз пришли к дому Мийяры предложить ей уехать по-хорошему.

Крестясь, отступили люди при виде былой красавицы, поразившись, как постарела она всего за несколько дней.

Как ни странно, горбунья согласилась сразу, попросив только выстроить ей в соседнем лесу хоть какой-нибудь домишко, чтобы жить там. Почесав затылки, селяне согласились.

Прошла еще пара лет, и в лесной дом втайне друг от друга стали наведываться деревенские девки и бабы...

— Ну, принесла, что ли? — Ведьма вышла навстречу молодой крестьянке. Та робко

протянула навстречу кулечек, не смея поднять глаза.

— Да не бойся, дурочка, — беззлобно усмехнулась Мийяра, разворачивая тряпицу, — все ли здесь?

— Все, как велено было. И волос его, и нитка с рубахи, и еще что нужно...

— Вижу, вижу. — Ведунья прошаркала к грубо сколоченному столу, аккуратно выложив принесенное на широкую глиняную мису. — Ну-ка, поди сюда, — поманила она гостью.

Холостячка осторожно приблизилась к столу и даже не успела сообразить, что к чему, когда ведьма, ловко подхватив ее руку, легонько полоснула маленьким ножом по ребру тонкой ладони. Черные тягучие капли одна за другой бесшумно упали на блюдо рядом с принесенными вещичками.

— Ты, милая, иди потихоньку... — Не оглядываясь на гостью, отложив в сторону окровавленный нож, старуха начала развязывать кошель с травами, — нечего тебе здесь больше делать.

— Локо! — В дверях появился длинный сухопарый парень. — Проводи до околицы, а то заплутает впотьмах. Да не шали! — повысила она голос на сына. — Знаю я тебя!

Девушка, то и дело кланяясь, попятилась наружу, зажимая ранку и косясь на ухмыляющегося провожатого. Сейчас больше всего она жаждала вернуться домой и чтобы *этот* не провожал ее!

Локо шел чуть сзади — на узкой тропинке можно было идти только друг за другом. Селянка спешила, поглядывая на темнеющее из-за плотно стоящих деревьев небо. Загорелись первые звезды, те, что неотступно следуют за Младшей Сестрой, как верные рабы за своей госпожой.

Тропинка вывела на широкую лесную дорогу, и молодые люди пошли рядом.

— А что же, по-другому никак нельзя было? — наконец решился спросить парень. Ничего не ответив, девушка лишь ускорила шаг.

— Куда так спешить, Аргия? Сегодня тепло, вечер еще не кончился.

— Откуда вы знаете мое имя? — не останавливаясь, оглянулась девушка. Если бы она не отвернулась от стежки, то...

Обутая в короткий старенький сапожок ножка Аргии споткнулась о выбоину дороги. Ловко поймав девку, Локо тесно прижал ее к себе.

— Не надо благодарить, — широко ухмыльнулся юноша и быстро чмокнул ее в губы.

— Что вы... ты делаешь?

— Ой-ой, только не надо, а? Уж я-то знаю, что тебя привело сюда, — еще шире ухмыльнулся парень, слегка ткнув пальцем в ее живот. — *Не хочет милый на мене жениться*, — плаксивым голосом пропел-проблеял Локо, — *а говорил, а обещал, а уж как дорвался, то след сокола простыл! Матушка Мийяра, возверни кобеля!*

Аргия сжалась, не смея не то что слово сказать, пошевелиться не могла — так сковал ее страх.

— Вот и умница, вот и славненько... — прошептал Локо, снова целуя ее, — не надо кричать, не надо бояться... — между тем пробуя ее грудь.

— Оставил бы ты ее, *братец*.

Локо, не выпуская задыхающуюся от страха добычу, обернулся через плечо. Сзади, всего в шаге, заложа руки за спину, стоял Инвар.

— Тебе-то чего? — огрызнулся старший. — Или боишься, что тебя не позовут, забудут?

— Дурак ты, братец, — устало качнул головой младший. — Она, может, и не додумается, а мамка да тетки ее вмиг плод тебе припишут.

— А она у нас никому не скажет, — хищно оскалился сильник, не желая расставаться с добычей. — Ведь ты никому не скажешь, ведь так, а? — тряханул он ее, схватив за горло.

Инвар снова покачал головой и, неожиданно широко шагнув, резко выбросил вперед руку, — даже не ударив, а просто прикоснулся пальцами к шее скудоумного брата. Как раз под мочку уха.

Старший, как был с выпученными глазами и приоткрытым для ругани ртом, так и замер. — Тебе туда, — освободив девушку от объятий живой статуи, указал рукой Инвар. — Да смотри, языком не трепи, а то отсохнет. Уж это у меня лучше всего получается.

Сглатывая слезы, Аргия отступила назад, взглянула мельком на застывшего на месте *проводжато*, кивнула и, подобрав подол, бросилась наутек.

Когда топот быстрых ног стих, Инвар осторожно вынул иглу из шеи Локо.

«А ведь купился! — усмехнулся младший сын ведуньи, пряча тоненький стержень вместе со склянкой *морозящей отравы* в карман. — Поди решил, что я уже матушкиным искусством овладевать начал. Ну да ему это только на пользу будет!»

Северный ветер принес в долину свежесть. По утреннему холодку на гнедом красавце жеребце к Вире выехал высокий широкоплечий мужчина. Если бы не длинный меч, выглядывающий из-под черного плаща, его можно было бы принять за священника, странствующего по запутанным дорогам грани, проповедуя и обращая язычников в истинную веру с именем Единого на клинке. Не был он и тем, кого называют бор-От^[1]. Ему было еще далеко до мастера боя, да странник никогда и не стремился им стать.

Прошедшую ночь он провел в седле, но, несмотря на опыт подобных ночевок, сейчас ему больше всего хотелось вытянуться на свежих простынях поверх мягкой постели и забыться до тех пор, пока священное светило не разбудит на следующий день.

— Потерпи немного, Гнедыш, и тебе воздастся. — Мужчина успокаивающе провел рукой меж ушами жеребца. — Надеюсь, как и мне, — усмехнулся он, слегка тронув уставшего коня, направляя его к завидневшейся из-за холма деревне.

Фыркнув, конь, мерно переступая копытами, поплелся в сторону изб.

Едва они поравнялись с первым домом, навстречу вышел дородный селянин с косой на плече.

— Не поздновато ли для косьбы? — Всадник остановил гнедого, сверху рассматривая крестьянина. — Роса уже сошла, только косу испортишь.

— А что делать, мой господин, — остановился крестьянин, смахивая со лба выступивший пот, — поздно или рано, а косить-то надо. Скотинка ведь зимой голодной сидеть никак не может. Жрать ей, понимаешь, давай, а то молока вовсе не буде, а глядишь, и того хуже — отела. А вот про «косу спортишь», здесь вы правду казали, да уж поделать нечего. Всю ночь с мужиками Аргию, девку соседскую, по лесу искали да вот только-только на огородах нашли. Страсти... Не приведи, Ушедший!

— Может, миловаться бегала? — улыбнулся всадник, — дело-то молодое!

— Да не кажи, господин... если б с парнем каким была, энто одно, конечно, а здесь... — почесал в затылке мужик, воровато оглядываясь, — дело-то нечистое.

— Нечистое? — чужестранец с трудом подавил зевоту.

— А как же иначе?! — селянин в сердцах бросил косу наземь. — Мы нашли ее на

грядках помидоров всю в крови, еле дышащую!

— Может, ей просто плохо стало, а кровь из порезов... — еле сдерживаясь, чтобы не заснуть прямо в седле, выговорил мужчина.

— Но ведь кровь шла... — селянин перешел на шепот, — ...кровь шла у нее из... ну, между ног.

— Наверное, просто выкидыш...

— Выкинул?! Кого выкинул? Зачем? — замотал головой почтенный отец семейства.

— Выкидыш, отторжение плода... — Видя полное непонимание, пришелец в который раз возмечтал о мягкой желанной постели. — Бывают случаи, когда беременная женщина не может выносить ребенка и... теряет его.

— Не, это не так все... — бросив размышлять, поднял свою косу мужик. — Как она может быть брюхатой, если даже не замужем? Это вы, господин, меня разыгрываете! Вы уж меня звиняйте, но мне давно пора, — махнул рукой на прощанье деревенщина, — насмешили вы меня, честное слово!

— Конечно... конечно... — наконец тронул коня один из Круга Двенадцати, мастер Скорпо, или в миру — Девин Каяс, сын Докорпа.

Первый попавшийся мальчишка указал магу общинный дом, и после короткого торга и выдачи старосте задатка Каяс наконец вытянулся на долгожданной постели.

Разгоняя густой полог недолгого сна, в комнату ворвался негодующий гомон толпы.

— Деревня дворов пятьдесят, а шуму на целый Гольлор в ярмарочный день! — с досадой открыл глаза Скорпо, прислушиваясь к шуму.

В основном женские голоса требовали кого-то наказать, убить, растерзать, «покарать, чтоб неповадно было».

Опустив ноги на холодный пол, колдун попробовал проснуться окончательно. По мере пробуждения гул с улицы становился все громче и громче. Ворча, как древний старец, он добрел до стоящей в углу комнаты лохани для умывания.

Холодная вода разбудила его окончательно. Уже вытираясь, он прислушался к звукам, идущим с улицы. Крики не прекратились, наоборот, они усилились, стали настойчивее и злее.

— Интересно, а обед здесь предлагают или его надо требовать? — Он аккуратно повесил полотенце на вешалку.

В отличие от трактиров, в общинных, или гостиных, домах не было кухни, где могли бы накормить прибывшего на ночлег путника. Но из опыта Скорпо знал, что за дверью его наверняка будет ждать стол, накрытый неприхотливой деревенской едой.

Приведя костюм в порядок, мастер Двенадцати вышел из своей комнаты. В просторном зале его действительно ждали. Полноватая девушка в залатанном рубище пялилась в окно, не обращая внимания на вошедшего колдуна.

— Не меня ли, хозяйка, ждешь? — уселся за стол Каяс, механически разглаживая когда-то белую скатерть.

— А? — Девушка рассеянно повернулась к гостю. — Чаво говорите-то?

— Говорю, обед давай, — стряхнул Скорпо с ладоней частицы пыли.

— А-а-а... — согласно кивнула прислужница, неспешно пересекая комнату по направлению к закрытой корзине, что стояла на лавке.

Целиком жаренная курица, зеленовато-желтые помидоры, крупно порезанное сало,

вареный с кожурой картофель, кувшинчик кисло-сладкого яблочного вина да каравай еще теплого хлеба были быстро выставлены на стол.

— Еще чего? — услужливо поклонилась крестьянка.

— Присядь. — Мужчина кивнул на свободный стул. — Или куда спешишь?

— Да там сейчас все ведьму жечь пойдут... — с явным сожалением присела служанка, в то же время выкручивая голову в сторону окна.

— Эта которая Аргию испортила? — с удовольствием обсасывая крылышко, поинтересовался маг.

— Откуда вы знаете?! — широко раскрыв глаза, всем телом развернулась к нему собеседница. — Али вам уже все рассказать успели?

— Что успели? — Скорпо налил себе вина.

— Странный вы какой-то... — протянула девица, явно разрываясь между гостем и криками с улицы.

— Какой же я странный, милая Олина? — вытер жирные руки подобием салфетки Каяс — Самый обычный... Поверьте на слово, таких, как я — много. Даже слишком... — прибавил он, усмехнувшись.

Крестьянка долго смотрела на колдуна — явно в нерешительности: то ли бросаться наутек, то ли начинать кричать и звать на помощь.

— Успокойся, — принялся очищать клубень Скорпо, — для того чтобы узнать имя человека, необязательно быть великим волшебником, богом или уродцем Отродья. Достаточно просто взглянуть на собеседника и представить, какое имя ему лучше всего подходит.

Видя полное, смешанное с суеверным ужасом непонимание девицы, он пояснил:

— Я врач, лекарь.

— Фу!.. — с облегчением выдохнула Олина. — А я уж было невесть что про вас подумала. Тут же у нас такие страсти творятся! Да вы вот и сами-то знаете. А все ведьма эта со своими сынками...

— Сынками? — перестав жевать, поднял глаза Скорпо. — У нее даже дети есть?

— А то как же! Целых два выродка: один другого страшнее. Если бы не ихняя мать, то наши мужики уже давно бы в Вире обоих утопили. Старший девкам проходу не дает, подолы задирает, а младший и того хуже — сам колдует помаленьку.

— И сколько же им? Лет им сколько? — прищурился Каяс.

— Старшему вроде как семнадцать, а Инвару, младшему то есть, всего пятнадцать.

«Вот это да! Неужели наконец повезло! — продолжил поедать нехитрую снедь маг. — Если эта баба воистину что-то может, то ее младший отпрыск по всем законам должен был унаследовать хоть толику ее способностей...»

— А вот вы сможете Аргию полечить? — осторожно подала голос девушка. — Ведь страдает горемычная, попортили ее...

— Обязательно! — неожиданно для самого себя торжественно кивнул гость. — Если действительно девку *попортили*, то я еще и с обидчиками разделаюсь. Специалист я по этим вопросам! Ты бы пока за старостой сбегала, пока ваши дров не наломали... на свою голову. Ведьму-то прибить тоже надо умеючи.

Немного подумав, Олина кивнула и, подобрав подол рубища, стремглав кинулась в дверь.

— Вы и вправду лекарь? — утерев с лица пот, Делка отхлебнул большой глоток из глиняной кружки. Тонкие пивные струйки потекли по подбородку за ворот льняной рубахи. — Прощения просим — упрел малость. — Староста рукавом растер липкие пятна. — Олина сказала, что вы вроде можете и порчу с девки снять, и ведьме башку оторвать. Так ли?

Девин Каяс лишь молча кивнул, рассматривая почерневшую от копоти лампады статуэтку Единого в северном углу избы.

— Ежели оно все так и вы не проходимец какой... — Делка осекся, увидя, как посерело лицо гостя. — Опять же прощения просим: был давеча один. Голова что снег зимой. Сам весь в черном, меч исписан, травками всякими, что хлебом питался. А у нас тут волчара здоровенный по весне появился. Думали, оборотень — уж очень хитрым был, стервец. Так этот белоголовый, Хральд или... — Мужик почесал в затылке. — Харя, короче. Так вот, волка-то он прибил, но вот денег немерено под это дело огреб, да еще полдеревни невзначай перепортил. А серый-то не оборотнем оказался, а простым волчарой. Однако большущим чрезмерно. И получается, что Харя этот не *мастером* был, а проходимцем обычным.

Удержавшись, чтобы не расхохотаться в голос, мастер Скорпо согласно кивнул: «прощаю».

— Денег не обещаю, но вот ежели... — Делка перешел на шепот, воровато оглянувшись на входную дверь, за которой столпилась чуть ли не вся деревня, — корм для коняги будет, еще одну лошадь дам. Похуже, конечно, но на пожитки таскать сойдет. Опять же продать можно. Провизии — сколько унести, то бишь увезти сможешь. А желаешь, можешь зимой сюда вернуться, поживешь до тепла. К бабенке ладной пристроим. Короче, не обидим. Да, чуть не забыл — деньги, что ты за постой заплатил, я тебе верну все до монетки. Ты, главное, нас от колдуньи избавь, от Мийяры этой паскудной. Да Аргию излечи... Ну, так как?

— Для начала я хотел бы осмотреть эту девицу, — встал со стула Каяс, — надо убедиться, что это порча. Установить диагноз. Может, она просто заболела.

— Это чем же она таким могла заболеть?! — повысил голос староста. — Порча это, и все!.. Но посмотреть все же надо: а то как же лечить, ежели не знаешь, от чего будешь лечить, а если вылечишь не то, как же она, если...

Продолжая бубнить, Делка поковылял к выходу.

«Мозоль, что ли, натер? — удивился про себя маг, поднимаясь следом. — Когда встретил, вроде нормально ходил».

Вокруг лежащей на ворохе смятых простыней Аргии, охая и причитая, суетились две женщины.

— Это мать, а та, что совсем старуха, — местная знахарка. Правда, она зараз нас, всех вместе взятых, переживет. — Каяс издали смотрел на страждущую под разъясняющий шепот Делки.

— Так, бабы, — гаркнул старшина, отодвигая женщин, — дайте мастаку девке помочь да себя показать.

Селянки недовольно отошли в сторону, причем у Дакки ревниво задергалась нижняя губа.

— Лекарь, что ли? — надменно прошамкала знахарка. — Молодой шибко. Неуч, верно.

— Цыц, баба! Думай, на кого и что говоришь! — в голос рявкнул Делка.

— Оставьте это... — Скорпо сел на край постели.

В установившейся тишине он простер правую руку над белым лицом девушки. Немного

подержав, начал осторожно водить ладонью над телом, ожидая, что та вот-вот увязнет в тяжелой колючей грязи, покрывшей невинную душу.

Ничего... кроме еле слышного щекочущего покалывания... Только раз или два ладонь обдало холодным ветерком. Да и тот, наткнувшись на ищущую ладонь мастера, спешно ретировался, как кошка при виде голодной псовой своры. Мутные, еле различимые картинки одна за другой пронеслись перед внутренним взором волшебника.

— Ну, че скажешь? — не выдержал Делка, когда Каяс, отняв руку, встряхнул ею, словно освобождаясь от воды.

— По поводу порчи? — Колдун, встав, подошел к столу и, раскрыв принесенный с собой сундучок, начал рыться в нем. — Пересуды бабьи есть, а порчи нету...

— Как это «нет»?!! — выкатилась вперед знахарка. — Люди, Я говорю есть, а этот самоучка-выскачка брешет, что...

— Это что? — не обращая внимания на разъяренную бабу, кивнул колдун на большую деревянную кружку, от которой шел ароматный дымок.

— Отвар... — тихо ответила мать Аргии, — из ряпицы.

— Из петрушки? — Скорпо только головой покачал. — Вы что, с ума сошли? Она же вся кровью истечет!

— Правильно! — уперла руки в бока Дакки. — Чтоб дурная кровь вышла, а вместе с ней и та зараза, которой Мийяра девку попотчевала.

— Пошла вон... — Колдун, выплеснув отвар прямо на дощатый пол, продолжил рыться в своем сундучке.

— Чаво? — открыла рот старуха.

— Пошла в ссад, карга! — не выдержал старшина. — Тебе же по-человечьи сказали: не умеешь ничего, так под ногами не мешайся, пока девку совсем не уморила.

Дакки, обиженно поджав губы, выкатилась из дома. Сразу же за дверью раздалась такая ругань, что даже видавший виды Каяс поморщился.

— Да ну ее к Отродью!.. — обреченно махнул рукой селянин. — Ей сто лет на заре, а все угомониться не может, язык — что тряпка на ветру, видно, что без костей. В свое время нахваталась всего понемногу, вот и кажет из себя врачевалку. Ты лучше скажи: что, правда порчи нет? За пересуды говорить не буду, наши бабы и святого при жизни на погост сгонят, а вот...

Маг, выудив на стол мешочки и коробочки, неторопливо смешивал их содержимое в деревянной плошке.

— Скорей всего, девочка испугалась, — не отрываясь от изготовления снадобья, сказал он, — от пережитого потрясения организм девушки не выдержал, и она потеряла ребенка.

— Какого еще ребенка?! — вытаращился старшина. — Лекарь, ты чего плетешь?

— Точно... — Мать Аргии села на кровать, повесив руки. — Так оно и есть. А я уж думала, что обмишурилась... а она и вправду забрюхатела. Убью, тварь!!! — замахнулась она на лежащую без памяти дочь.

— Так что, может, и не лечить? — перехватил занесенную руку Каяс. — Все равно потом прибьете.

Женщина долго переводила взгляд с Аргии на мага.

— Ладно... делайте, что надо... Потом разберусь.

— И то дело, — согласно кивнул Делка. — Пойду покуда народ успокою, а то как бы вгорячах беды не натворили. Хотя... Мийяру все же сжечь было бы надобно, а то как же это:

ведьма, а значит...

Староста, бормоча по привычке, пошел к двери. На пороге он обернулся:

— Я вернусь еще. Ты девку, главное, подними. Лады?

Через час кровотечение остановилось, а ближе к вечеру Аргия наконец открыла глаза.

— Привет... — улыбнулся сидевший рядом Каяс, — как ты?

Девушка ничего не ответила, внимательно прислушиваясь к себе.

— Успокойся — все уже позади. Будет еще немного больно... даже, скорей, неприятно, но жить будешь. И даже рожать.

Больная метнула на него испуганный, полный мольбы взгляд.

— Увы, но этого ребенка ты потеряла. Смирись. Может, это и к лучшему.

Аргия, закрыв глаза, отвернулась к стене.

Скорпо потрепал девушку по плечу и, нагнувшись к ней, прошептал на ухо, чтобы ни мать, ни сидевший в своем углу старшина не могли слышать:

— Не беспокойся, все будет хорошо. Мать на твоей стороне, я позабочусь об этом. А сейчас спи — тебе нужен сон. Я навещу тебя утром.

— Ну что, идем на боковую? — Следом за колдуном поднялся со своего табурета старшина.

— Да, сейчас... — Скорпо, подойдя вплотную к матери девушки, как бы невзначай взял ее за руку, глядя прямо в глаза.

— Послушай меня внимательно, — тихий голос мага стелился по воздуху. Каяс говорил ровно, отчетливо выговаривая каждое слово, словно пытался внушить нерадивому школяру прописную истину. — Повторяю, слушай меня очень внимательно. Твоя дочь ни в чем не виновата. Все, что произошло, это роковая случайность. Аргия — жертва. Ты будешь защищать ее. Ты не дашь ее в обиду. Будешь ухаживать за ней, пока она полностью не поправится. Очнись! — И резко дернул женщину за руку.

— А?! Что? — встряхнула та головой, хлопая глазами.

— Я все забываю спросить, как тебя зовут? — улыбнулся Каяс.

— Меня-то? Иова... — Она растерянно оглядывалась вокруг.

— Хорошее имя! — одобрил колдун. — А сейчас я пойду, пожалуй, утром зайду посмотреть, что еще можно сделать для твоей дочери.

— Да... да, конечно... — Женщина неуверенно оглядывалась вокруг, словно пробуждаясь от долгого сна. — Вы ведь придете завтра?

— Обязательно. Спокойной ночи, — поклонился маг.

У входа он одернул застывшего Делку.

— Ты чего? Заснул, что ли?

— Да вроде того... Пойдем, наверное.

Улица встретила их вечерней прохладой. Мужчины шли бок о бок к дому старшины.

— У меня переночуешь. Выспишься, поешь нормально. Что-что, а хороший ужин и приличную постель ты сегодня заработал, — буркнул староста.

— Что-то не так? — повернул голову Скорпо.

— Да нет, все в порядке, — сплюнул Делка под ноги, — просто с головой у меня что-то... Ну, вот когда ты с Аргией разговаривал, это я помню. А потом все как провалилось куда-то.

— Устал, верно, задремал.

«Идиот! Силу соизмерять разучился? — выругался про себя колдун. — Еще не хватало, чтобы тебя самого здесь за задницу подвесили!»

У дома Делки их ждали несколько обеспокоенных крестьян.

— Ну, чего стоим? — нахмурил брови старшина.

— Так это... — выступила вперед дородная бабенка в накинутой на плечи богатой душегрейке, — тебя ждем.

— И дальше что?

— Как «что»? Народ знать желает, что случилось! Если Мийяра девку спортила, то завтра же ведьму к столбу. А ежели, как люди говорят, Аргия дитя нагуляла, да сама же его и сгубила, то сейчас же, немедля, кинуть блудницу в Виру, чтобы село не позорила!

— Тарафа! Думай, что несешь! — расвирепел староста. — Да ежели оно так и было, попробуй ее хоть пальцем тронуть! Я с тебя живьем шкуру спущу! Поняла?!

«Хотя, с другой стороны, если силу не соизмерять, то и в этом можно найти свою пользу», — усмехнулся Каяс, между тем рассматривая толпу. Его внимание привлек высокий смазливый парень, внимательно вслушивающийся в каждое слово. Что-то было с ним не так — уж слишком он нервничал.

— Так что скажешь, Делка? Только правду говори! — Тарафа расходилась все больше.

Скорпо не любил вмешиваться в подобные дела. Он вообще старался как можно реже влезать в чужую жизнь. «Что случилось, то и случилось. Значит, так было нужно». Но девушку было жаль. Да и неужели его труд и старания должны пропасть впустую? Нет, на эту деревню у него были другие планы. Второй раз за день он внутренне сконцентрировался, входя в состояние *потайного глаза*, и сделал первый шаг.

— Сударыня, я говорю вам как лекарь, что все слухи совершенно беспочвенны и не имеют под собой ни толики...

— Это кто такой говорит?! — грубо перебила его Тарафа. — Ты откуда, молодец, вообще выискался, а? Наслышаны уже про тебя, хамье бездомное!

Как ни странно, но в глазах у Скорпо слегка потемнело. Прекрасно понимая, что это мальчишество может не сойти ему с рук, он попытался как можно глубже *взглянуть* на женщину.

— Вы что-то говорили о позоре? — показывая безупречные зубы, широко улыбнулся маг. — Я так вижу, что вы замужем. И ваш драгоценный супруг тоже здесь? Отлично! Тогда поведайте ему, а заодно и всему народу о некоем событии пятидневной давности, что случилось между вами и вашим э-э-э... соседом на сеновале вашего же сарая.

Вокруг все оглохло.

— А заодно и о поездке на ярмарку в соседнее село, — закончил маг, выходя из состояния взгляда. Его немного пошатывало, но он был совершенно спокоен, зная, что сейчас это пройдет.

— Ах ты, сучка! А я еще слухам не верил! — К остолбеневшей Тарафе подлетел дюжий мужик, хватая левой рукой ее за воротник, а правой пытаясь ударить в лицо.

Изменница увернулась, оставив в кулаке супруга душегрейку, и пустилась наутек. Но не тут-то было: споткнувшись о кем-то выставленную ногу, она упала, загребая руками пыль и принимая первый удар. На обманутом муже с двух сторон повисли бабы, селясь уберечь от расправы свою подругу. На них, в свою очередь, кинулись друзья мужика.

— Заметь: про тебя я *ничего* не сказал, — шепнул опешившему Делке маг.

Не обращая внимания на возникшую драку, Скорпо обошел матерящийся круг,

направляясь к заинтересовавшему его парню. Малый, заметив его, задержался еще больше, чем выдал себя с головой. Каяс даже не стал *смотреть* на него — настолько все было очевидно.

— Теперь ты! — больно ткнул ему пальцем в грудь чародей. — Твое имя?

— Илия... — тяжело сглотнул тот.

— Илия, ты знаешь, что за все надо платить? — Юноша кивнул, не сводя глаз с ледяного лица мага.

— Не слышу?! — Голос мужчины тоже не отличался теплотой.

— Да... — еле слышно прозвучало в ответ.

— Громче!!!

— Да, знаю! — Парень трясся, как одинокий лист на ветру.

— Завтра утром у ее дома. Повтори!

— Утром... у ее дома...

— У чьего именно дома? Поясни.

— У дома Аргии.

— Молодец. Можешь идти спать, — отпустил его Каяс, возвращаясь к, старающемуся навести порядок, старшине.

Драка уже закончилась, селяне расходились по домам, на ходу обсуждая последние события вечера.

— Все в порядке? — заложив руки за спину, как ни в чем не бывало, стал рядом с Делкой магистр черной и белой магии. — А что у нас сегодня на ужин?

— Ты ведь не просто лекарь? Или я ошибаюсь? — Делка ковырял двузубой деревянной вилкой давным-давно остывшую яичницу. — Чего молчишь?

— Я ем... — проглотил Каяс жесткий кусок кое-как жаренного мяса. — Трапеза трапезой, а беседа беседой.

— Ну-ну. — Староста отодвинул тарелку с почти нетронутой едой. — Эй, мать, подай-ка вина.

Женщина с испуганными глазами молча выставила на стол огромный запотевший кувшин.

— Гостю постелила? — Делка разлил вино по стаканам. — Тогда иди ложись, меня не жди.

Скорпо покончил с мясом и с нескрываемым удовольствием взялся за стакан.

— Ты колдун... — скорее утверждая, чем спрашивая, проговорил старшина. — Из этого, как его?.. Круга Двенадцати. Так?

— Конклава, Круга. Называй, как хочешь, — с неподдельным интересом взглянул на собеседника маг.

— Ты весь день паришься в этой одежке под самое горло. Но я пару раз видел, что ты там прячешь, — хмуро пояснил мужик, сделав глоток. — Может, покажешь? Когда еще случай представится?

Волшебник неспешно развязал шнуровку плаща-балахона, выставляя на свет грудь — у самого предплечья красовалась татуировка в виде разрезанного надвое круга с фигуркой неизвестного Делке не то зверя, не то насекомого.

— Это что ж за дрянь такая? — поморщился селянин: вид животного ему не понравился.

— Скорпион. — Каяс спрятал татуировку. — Маленькое, но очень ядовитое, а следовательно, опасное насекомое.

— Ни разу таких не видел.

— Они живут в пустынях южных земель.

— Выходит, твои цеховые товарищи называют тебя «Скорпион»?

— Скорпо. По имени созвездия. Ушедший много веков назад народ высмотрел в небе созвездие, очертаниями схожее с этим, — название соответственно на их языке. На антыни. Тебе это о чем-нибудь говорит?

Делка молча налил по новой.

— Вначале я было решил, что ты один из охотников на ведьм и другую мерзопакость из детей Отродья. Вроде той, того... Хари. Но твой меч не из серебра, да и выглядишь как вполне нормальный человек. Сам вызвался помочь, не требуя денег вперед, как тот белоголовый.

— Положим, волосы у меня тоже белые, — провел по голове Каяс — Между прочим, они у меня такие от рождения, а не от мутации.

— «Мута» чего? — не понял Делка, но колдун только махнул рукой: «забуди».

— Я также думал, что вы сидите у себя по башням и пещерам и не высовываете носа на улицу, разве что только собираетесь на очередной шабаш. Но сейчас вроде не *переход года*, хотя ты и держишь путь в сторону Башни Лео. Так какого ты вылез из своей норы? — Он вплотную наклонился к спокойному лицу гостя. — Ты же знаешь, что в наших краях не жалуют вашего брата. И то, что ты сегодня учинил возле моего дома... это просто непростительная глупость с твоей стороны. Тебя же могли порвать в клочья!

— Могли, — согласно кивнул Скорпо, — но, по-моему, эта Тарафа так надоела своим соседям и, главное, мужу, что моя невинная выходка была им только на руку. Так сказать, предлогом для более активных и откровенных действий.

Делка невольно рассмеялся, сокрушенно качая головой.

— Кстати, о выходке, — Каяс пригубил вино, — а почему ты не отдал меня на растерзание односельчан? Или ты не был уверен в том, что я колдун?

— А зачем? Ну убили бы тебя, и что с того? Девочка бы сама выздоровела? Ну, может, когда-нибудь... В смысле, что полностью оправится. Потом то, что ты о ведьме и о ее ублюдках выспрашивал, это ведь не просто так? Глядишь, и призовешь ее к порядку, а то и вовсе... — Он провел пальцем по кадыку.

— А может, я с ней объединиться хочу? Чтобы вместе искоренять род людской на потребу своей черной душе?

Старшина, не опуская поднятый стакан, долго глядел в лицо волшебнику.

— Тогда бы ты не говорил мне об этом, — наконец выпил он вино.

— Мой покойный учитель, бывало, говорил: для того чтобы обмануть, необязательно лгать, чаще всего достаточно просто сказать правду.

— В этом есть резон, — кивнул Делка. — Только живым ты мне нравишься больше.

— Я тебе нравлюсь?

— Да, есть в тебе что-то от человека.

Каяс поперхнулся. За последние лет двадцать всякое приходилось слышать о себе. Но такого еще не было. И мало того, что в лицо, так еще и от простолюдина.

Ночь перешагнула за половину. Разговор прервался. Мужчины смотрели, как догорает свеча, роняя капли воска на затертый от времени стол.

— Я видел, что ты с Илией разговаривал, — прервал молчание Делка, — я так разумею, это он Аргию обрюхатил?

Чародей утвердительно кивнул.

— Крутые у него родители. Жесткие, — рассматривая собственную ладонь, заметил староста. — Папаша тот хотел сам старостой стать, да народ меня выбрал. А про мамашу лучше к ночи не поминать — настоящая ведьма! Только что по небу не летает. Вот скажи, почему, если баба при деньгах и красоте, так обязательно стерва, каких земля не рожала? Чуть что не по ней, так в крик-плач, в драку, как заправский боец, лезет. Она же сама парню невесту из соседнего села подобрала. И девка та — что ее отражение в луже. А малый и пикнуть не смеет.

— Ты лучше про Мийяру, про ведьму вашу, расскажи... — прогоняя сон, потянулся Каяс.

— А что про нее рассказывать? Хотя история еще та... Ну, коль желание имеешь, слушай.

Они разошлись только под утро, когда Младшая Сестра, молчаливым взглядом проводив старшую подругу, отправилась запрягать лошадей в Небесную Колесницу.

Наскоро умывшись и второпях перекусив, чародей и старшина отправились к дому Аргии.

Улица была пуста, но уже то тут, то там скрипели двери хлевов и натуженно мычали коровы, встречая спешащих на утреннюю дойку хозяек.

Идя по пыльной улице, Каяс спиной ощущал взгляды, впивающиеся в него из-за щелей заборов и чуть приоткрытых ставень. «Чего они ждут? Чуда? Или первой же возможности перерезать мне глотку? Прав был Делка, не стоило вчера выказывать свое мастерство! Надо было все решить как-то по-другому... по-человечески».

— Я так понимаю, что у Аргии отца нет? — нарушил молчание маг.

— Уже два года как умер, — буркнул староста, кивая в ответ на приветствие вышедшей навстречу селянке, — грудная болезнь.

«Она еще и сирота, — мысленно выругался про себя Скорпо. — По плечу ли такая ноша — брать на себя ответственность за чужую судьбу? Ладно, сделаю все, что можно, раз влез в это дело!»

Девин Каяс никогда не считал себя человечным. За те годы, когда, постигая законы высшей магии, поневоле возишься в дерьме и крови и лишь иногда окунаешься в высокие материи структур природы грани, становишься черствым, а скорее равнодушным к людям. И сейчас чародей прекрасно осознавал, что им движет не желание помочь попавшей в грязную передрагу девушке, а стремление выстроить законченную мозаику событий, осколки которой он узрел в помутненном сознании Аргии. Выстроить и найти свою выгоду.

Тот или нет? Сквозь мутную пологу увиденного Каяс почувствовал огромную силу, которая таилась в этом парне. Хотя *силой* это назвать можно было с большим натягом. Потенциал. Неразвитый, неотшлифованный. Нужен искусный ювелир, чтобы довести до ума эти возможности, сделать из сына ведьмы настоящего чародея, волшебника. И Скорпо было необходимо убедиться, что перед ним подлинный самородок, а не обманка, которую пытается тебе всучить за бриллиант пройдоха-ювелир на портовом базаре.

Сперва Аргия должна рассказать о случившемся. Честно, откровенно, с самого начала. И если увиденное не было миражем, то следующий шаг вассала Виги лежал в логово Лысой

Мийяры.

Скорпо сокрушенно покачал головой: уже не одно десятилетие члены Конклава Двенадцати вынуждены скрывать места своего пребывания. Прятаться, как сказал накануне Делка, «по башням и пещерам», чтобы владыки королевств не могли достать братьев по ремеслу. В чем причина? Каяс считал, что скорей всего в страхе перед тем, что однажды чернокнижники решат прибрать себе их троны и королевства. Глупость! Откровенная человеческая глупость, порожденная привычкой равнять всех по себе.

И вот настоящие чародеи объявлены вне закона, в то время как в деревнях и городах процветают ведьмы, ведуны, волхвы, обычные шарлатаны, добрую половину которых можно смело предать огню или познакомить с виселицей, не забыв потом как следует забить в сердце кол из священного дерева. Другое дело эльфийские друиды и гномские каради, они берут силы у природы, у земли и камней. Но эти! Полная мешанина от заклинаний старых черных культов и откровенного язычества до святых молитв Единой Церкви и других конфессий. И все эти чудотворцы в той или иной степени затрагивают такие силы, что иногда просто непонятно, почему этот мир еще не раскололся, растворившись в пустоте Хаоса!

— Мы пришли, — остановил размышления чародея Делка.

Они стояли у невысокого плетеного заборчика дома Аргии. На другой стороне улицы, переминаясь с ноги на ногу, топтался Илия. Даже отсюда было видно, как его лихорадит от волнения.

— Трясется малый, — довольно усмехнулся старшина, — значит, ты угадал, его работа!

— Угадывают гадалки, а мне как-то не по чину, — отрезал Скорпо, поманив парня к себе. Тот нерешительно, словно по незнакомой тропинке через болото, перешел улицу.

— Значит, так, про тебя и Аргию мы все знаем. Поэтому не вздумай дурить. Нашкодил — отвечай. В том, что произошло, твоя и только твоя вина. Как девчонка с тобой решит, так все и будет. Уяснил?

Пряча глаза, Илия молча кивнул.

— Сейчас мы с Делкой заходим в дом, — спокойно продолжил Каяс, — ты стоишь здесь и никуда не уходишь. Когда будешь нужен — позовем.

«Ну, Вига, благослови!» — воззвав к своей богине, чародей постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, переступил порог.

Давно проснувшаяся Аргия слабой улыбкой на бледном лице приветствовала вошедших мужчин. Иова, бросив хлопотать у выгоревшей печи, поклонилась в пояс, как самым дорогим долгожданным гостям. Чародей и староста ответили тем же, не погнушавшись нагнуться до земли.

«Ох уж эти обычаи северных земель и прилегающих к ним территорий!» — усмехнулся про себя Скорпо^[2].

— Как ты себя чувствуешь? — как и вчера, присел на кровать чародей.

— Спасибо, хорошо... — отчетливо ответила Аргия.

— Ну и славно. — Каяс положил руку на тонкое девичье запястье.

Он прикрыл глаза, словно вслушиваясь, о чем шепчет кровь, спеша по голубым нитям вен.

— Что я скажу... — открыл Скорпо глаза. — Дней через десять ты окончательно поправишься. Организм молодой, сильный... так что мои услуги, думаю, больше не

понадобятся.

— Как мы можем отблагодарить вас? — прижимая руки к груди и чуть ли не падая на колени, обратилась к волшебнику мать.

— Как?.. — Скорпо сделал вид, что задумался. — А рассказом! — И, видя непонимание со стороны женщин, добавил непреклонным жестким тоном, переведя свои холодные пустые глаза на больную, — ты расскажешь мне все, что случилось в тот вечер. Все, от начала и до конца. Со всеми подробностями и деталями, начиная с того, на кой ляд тебя вообще понесло к Мийяре.

Аргия вздрогнула, ее наполнившиеся влагой глаза беспомощно заметались от старосты к матери, словно они могли защитить, запретить этому человеку заставлять ее говорить вслух о том, что хотелось спрятать в самые дальние уголки памяти, чтобы забыть о страхе и ужасе, пережитых ею.

— Рассказывай, — сухо велел чародей и, смягчив тон, добавил: — Кое-что я уже знаю, но мне бы хотелось расставить все на свои места... знать истину... — он провел ладонью над глазами девушки, — говори...

И Аргия заговорила.

Тихо, неуверенно, замолкая через слово, она начала свой рассказ.

Как и предполагал Каяс, все было очень просто. А потому и пошло, как и вся мирская жизнь. Она и он. Он и она... История настолько тривиальная, что маг только вздохнул про себя, набираясь терпения, дабы не прервать рассказчицу и не потребовать перейти сразу же к тому, что на самом деле интересовало его больше всего.

Итак, молодые люди полюбили друг друга, как говорится, с первого взгляда. Но мать Или и слушать не желала об избраннице сына, приготовив ему другую невесту. Под давлением парень пошел на попятную, решив, что «так оно, может, будет и лучше». И все бы хорошо, если бы не неожиданная беременность Аргии. Но несостоявшаяся свекровь тут же заявила, что «ее мальчик здесь ни при чем и пусть бесстыдница убирается на все четыре стороны, если не желает вручить своего ублюдка *истинному* отцу», иначе она опозорит ее на всю деревню. Каково же было удивление, точнее, шок Аргии, когда еще и *ее милый*, отводя глаза в сторону, попросил ее обратиться со двора, ежели та и вправду желает ему счастья.

— Вот здесь ты и решила вернуть любимого, обратившись к колдунье, ведь так? — недобро усмехнулся Каяс. — Что именно потребовала принести Мийяра? Постарайся ничего не упустить — от этого многое зависит. Например, твое будущее...

Косясь на хранивших молчание мать и старшину, Аргия перечислила затребованное. Внимательно выслушав, чародей отметил, что предметы были выбраны тщательно, а ведь малейшая неточность или, того хуже, ошибка в подборке могли повлечь за собой весьма неприятные последствия.

«Старая школа стихий. Ничего нового — все проверено поколениями». Последние сомнения рассеялись: женщина действительно могла привораживать, а возможно, и колдовать. И еще... как ни старался Скорпо, войдя в разум девушки, так и не смог он рассмотреть лица колдуньи. Непроглядной темнотой было укрыто оно... Ответ был только один: Лысая Мийяра специально выставила защиту на тот случай, если к делу ее рук так или иначе прикоснется другой *мастер*.

— Здесь все ясно, — подытожил Девин Каяс, — а что было дальше? Там, на дороге?

Аргия пошла пятнами, ее стало заметно лихорадить.

— Эй, лекарь! — подал голос Делка. — Мож, не стоит, а? Кабы девка еще и умом не

тронулась... Глянь, как побелела вся!

— Ты ушла от Мийяры, — не удостоив старосту даже взглядом, настойчиво продолжил допрос Каяс — Ты пошла одна? Ведь нет? Кто пошел с тобой? Кто тебя провожал?

— Локо... — закрыла глаза Аргия.

— Что произошло потом? — Маг низко склонился к лицу девушки.

— Он... он... он хотел меня... — И больная разразилась рыданиями.

— Но у него ничего не получилось. Этому помешал его младший брат, Инвар, правильно? А теперь очень подробно расскажи мне о том, что произошло между братьями там... в лесу...

Путаясь в словах, прерываясь на плач, но кое-как Аргия все же довела свою исповедь до конца.

Чародей был обескуражен. Получалось так: либо парень обладал искусством эльфийских друидов, что еще как-то можно было допустить, хотя и непонятно, как это могло произойти (эльфы свято хранили свои тайны), либо Инвар владел некоторыми приемами искусства бор-Оттов! Что тоже казалось неправдоподобным, потому как мастера боя хранили собственные секреты еще надежней, чем эльфийские волшебники.

В первый раз за много лет Каяс почувствовал себя по-настоящему в растерянности. Концы не сходились с концами, не возникало даже намек на правильный ответ. Определенно ясно было лишь одно — мальчик представлял собой если не уникам, то, на самый худой вариант, личность незаурядную, щедро одаренную природой.

— Дорогая, — Скорпо принял решение, — из твоего рассказа я понял, что мое лечение было правильным. Повторю еще раз: ты будешь совершенно здорова и в будущем сможешь иметь детей. Более того, — он заговорщицки подмигнул, — их будет много.

Девушка слабо, как-то недоверчиво улыбнулась.

— Но оставим будущее для будущего. Сейчас самый последний вопрос. Твои необдуманные действия привели к тому, что Илия твой. Ты, точнее, Мийяра, приворожила его. И ныне он пойдет за тобой, куда бы ты ни пошла. Он будет поступать так, как захочешь этого ты. Он будет говорить только то, что пожелаешь услышать ты. Но нужно ли тебе это? Мне кажется, что тебе нужен не беспрекословный раб, а нормальный, живой человек. Если ты хочешь это исправить, скажи. Это в моих силах. У тебя уже было время подумать. Итак?

Несмотря на еще раннее утро, Илия стоял уже не один, а с парой плечистых сверстников. Когда Каяс со старостой показались из избы, молодежь перестала шептаться, напряженно всматриваясь в мужчин.

— Илия, подойди ко мне, — приказал колдун, указывая на место рядом с собой.

Юноша в сопровождении дружков подошел к магу.

— Вас я не звал, — хмуря брови, сухо проговорил Скорпо.

— А мы тоже знать все хотим! — безапелляционно заявил один из них, с лицом, покрытым мелкими прыщиками.

— Да! — поддержал его второй, высокий миловидный русак. — У Илии от нас тайн нет. А оставь мы его одного, так ты, лекарь, быстро ему голову задуришь.

— Если голова пуста, то умом ее не наполнишь! — оглянулся чародей на Делку. Тот криво усмехнулся, словно отвечая: «Ты мальчик большой, что делать, и сам знаешь».

Расценив ухмылку старосты по-своему, парни осмелели и, отодвинув Илию за свои спины, вплотную подступили к Скорпо.

— Сдается, мил-человек, что ты не лекарь, — заявил прыщавый, как бы невзначай

собирая пальцы в кулак.

— Есть мысля, что ты и сам колдун, — поддержал приятеля русак, — и появился здесь не просто так, а чтоб свою проб... — Делка удивленно крикнул, заглушая слова молодчика, — ...что в лесу отсиживается, от суда честных людей спасти.

— А заодно и Илию на этой сучке женить! — Красавчик сделал шаг в сторону для маневра.

— Ребята, ребята!.. Ну не надо! — подал голос бывший ухажер.

— Значит, я колдун? А может, тогда вас всех заколдовать, а? Так... для разнообразия и урока ради?..

Скорпо лихо подсек прыщавого, поддержав его таким образом, чтобы он не разминулся лицом с вытоптанной землей. Мало того, Каяс, наступив малому на спину, отпустил русаку такой удар в подбородок, что тот отлетел назад, заваливая своим телом низенький плетень.

Далее чародей направился к попятившемуся Илию.

— Я тебе говорил, что за все надо платить? — Каяс демонстративно убрал руки за спину. Парень перестал пятиться и кивнул, не отрывая глаз от поверженных товарищей.

— А теперь слушай! Повторюсь еще один раз: все, что произошло, случилось только по твоей вине. Это твоя вина и твоя ноша. И никому ее не передать! Ни друзьям, ни матери. У тебя своя голова на плечах. И своя жизнь. И как ты будешь жить... С чистой ли совестью или с грузом на душе, который и шагу не даст ступить спокойно, это решать только тебе! Чего хочет Аргия и что она решила, я тебе не скажу — ты сам должен сделать свой выбор!

Маг, развернувшись на каблуках, пошел прочь.

Старшина, глядя то на барахтающихся в пыли парней, то на полного смятения Илию, размышлял: а не самое ли что ни на есть настоящее чародейство он увидел сейчас? Ведь для того, чтобы излечить тело больного, требуется только умение, а вот для того, чтобы душу?..

Не удержавшись, Делка поддал под зад начавшему было подниматься прыщавому и отправился за Каясом.

«Надо же еды ему в дорогу собрать да до леса проводить. Лошадь, опять же, обещал. А то как это: обещать и не дать! Да и в хозяйстве, глядишь, пригодится. Хотя какое у него хозяйство? И опять же...» — привычно бубня про себя, широко шагал следом староста.

Втянув в себя узкими чуткими ноздрями воздух, тварь недовольно заворчала. Воздух был холоден и пуст. На расстоянии полночи бега лишь несколько мелких грызунов, затаившихся под толстыми корнями деревьев, да примерно столько же ширококрылых черных птиц, что устроились на ночлег на недоступных ветвях.

Завидев вышедшего из своего логова ночного бродягу, встревоженно ухнула сова. Ухнула и, резко набрав высоту, ушла прочь, стараясь как можно быстрее улететь подальше от проклятого места.

Тварь широко оскалилась, поводя пересохшим языком по осколку недавно выломанного клыка. Зуб зашелся немилосердной болью, которая немедленно отозвалась в голове, перебежала дальше в плечи и устремилась к спине. Совсем уж по-щенячьи заскулив, существо встряхнуло лысой головой, закрыло пасть и, дождавшись, когда боль наконец уйдет, снова прислушалось к запахам.

Ночь бесконечной темнотой спешно укрывала уставшую землю, зажигая на безоблачном небосводе желтые огоньки. Долгожданный порыв ветра принес с юга резкий запах гниющего мяса и чего-то еще. Тот, второй, был похож на запах жилища муравьев,

однако так же пахли и земляные жуки, живущие так глубоко, что не стоило тратить силы, чтобы добраться до них.

Существо потянулось, разминая одеревеневшие от долгой неподвижности мышцы, и, еле переступая, поплелось на запах.

Это была старая, уже начавшая разлагаться собака. Наверно, псина ушла подальше от всех, чтобы спокойно встретить долгожданную смерть. Крупные зеленые мухи роились над оскаленной в агонии мордой, садясь на мертвые глаза.

Существо не любило падаль. Но то, что зовется желудком, было пустым, и голод натужно подвывал в пересохшем горле. Помогая передними лапами, осторожно, чтобы не потревожить больной зуб, тварь начала разрывать тонкую кожу собачьего брюха, сглатывая шерсть и маленьких белесых червячков, добираясь до кишок.

Засохшая черная кровь была безвкусной, а мясо царапало горло и язык. Но он ел и ел, глотая непережеванную пищу, недовольно косясь на жужжащих мух.

Добравшись до твердых ребер, тварь застыла, уставившись на яркий шар, что вдруг завис над самой ее головой.

Существо замерло, внутренне сжавшись, не понимая, что перед ним, и не в силах бросить свою добычу и пуститься наутек. А шар заискрился, стал расти и, переливаясь разными цветами, вытягиваться в высоту.

Тварь, забыв о падали, попятилась, не осознавая, что встает на задние лапы.

«Со... ско...» — взорвалось в разжиженном мозге.

«Иар... иар...» — завывла перед тварью мерцающая фигура не то бога, не то человека.

Существо закрыло глаза, чувствуя, как по дрожащим ногам потекла вонючая моча.

— ГАН УО! — звонко рассмеялся явившийся и, резко взмахнув подобием ноги, вмял ее в грудь твари, проламывая хлипкие кости грудины. — БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, СМЕРД!

Опрокинувшись на спину, Инвар закричал и наконец открыл глаза.

Был день, и за покосившимся окном избы, весело шурысь, светило солнце.

Мальчик провел рукой над коленями, с ужасом понимая, что это случилось опять. Он поднялся с усыпанного соломой пола, соображая, где мать сложила выстиранное сухое белье и где сейчас Локо. И как не попасться ему на глаза.

Быстро переодевшись, Инвар вышел из спальни в подобие зала, пряча за спиной скомканную рубаху. Оторвавшись от печи, мать взглядом указала на стоящую у двери корзину с ворохом грязного белья.

«Она всегда все знает!» — покорно вздохнув, Инвар засунул свидетельницу ночного кошмара в глубь корзины.

— Садись ешь. — Абсолютно лысая женщина выставила на стол деревянную мису с дымящейся кашей. — Что тебе приснилось сегодня? — Села она рядом.

Отрицательно мотнув головой, младший сын подтащил к себе горячую тарелку, берясь за почерневшую от времени ложку. И только сейчас осознал, что во рту стоит запах мертвечины и...

Чтобы мать не заметила, он отвернулся, якобы заинтересовавшись чем-то на полу, и осторожно, двумя пальцами извлек из щели между зубами маленького белесого опарыша.

— Нынче у нас гость будет. — Лысая Мийяра смотрела в сторону. — Великий гость! — И добавила, горько улыбнувшись: — Пойди, рот прополоскай.

Привязав Гнедыша к столбу коновязи и пристроив рядом подаренную Делкой

плохенькую рыжую кобылку, Каяс смело постучал в приоткрытую дверь.

— Не видно, что не заперто?! — раздалось в ответ. — Если хочешь, можешь даже зайти.

Удовлетворенно хмыкнув, маг перешагнул через порог.

— Ну, здравствуй, что ль, *гость дорогой!* — Голос шел из полумрака горницы. — Как там Аргия? Говоришь, подлечил девчущку? Да присаживайся, не стой столбом, как паж за тронном.

— Спасибо. — Гость уселся на указанный табурет, с нескрываемым любопытством разглядывая хозяйку. Через глубокие морщины на раньше времени постаревшем женском лице проступали знакомые черты. Да и голос, сама манера говорить — все это было очень и очень знакомо!

— Что, Девин Каяс, не узнаешь? — улыбнулась ведьма, показав отличные белоснежные зубы. — А ведь было время, ты не только не сводил с меня глаз, но даже грезил мной, пытаешься ухаживать, несмотря ни на что и ни на кого!

Скорпо встал, упираясь руками в стол.

— Создатели Кристалла! — выдохнул он. — Госпожа Де Увал!

— Забываешь, Девин: принц Керит, упокойся его душа в мире, так и не дал мне ни своего имени, ни всего остального...

— Принц умер? — оправившись от удивления, сел на место чародей. — Прости, я не знал.

— Честно говоря, я и сама не знаю, умер он или нет. Когда меня выселяли из усадьбы, по крайней мере, он был при смерти.

— Сестра с матерью настояли? Хотя можешь не говорить, эти две... *дамы*, по-моему, были с самого начала не в восторге от тебя...

— ...и моих детей, которых принц хотел сделать своими законными наследниками. Сам-то как? Вижу, все бродишь по земле? Еще не осел? А, судя по наряду, также и не разбогател. На старость хоть накопил? — открыто усмехнулась Мийяра.

— Есть небольшой запасец, — в тон ей ответил чародей. — И на старость хватит, и на черный день есть. А в остальном ты права — дом, семья и спокойная жизнь... это не для таких, как я. Хотя ныне я странствую не по зову души...

— ...а по зову долга, — закончила за него женщина, — я не ошиблась?

— Как всегда — нет. — Скорпо распустил шнуровку на воротнике мантии-плаща. — Уверен, что знаешь, зачем я здесь.

— А ты скажи! Вдруг я наконец ошиблась! — игриво качнула плечом Лысая Мийяра — в ней еще жила та женщина, которую много лет назад знал Каяс.

— Мне нужен тот, кто через какое-то время займет мое место, станет носить имя Скорпо и сможет передать наши знания другим, чтобы они не растворились в веках, дабы...

— Если опустить напыщенность пустой брехни, то тебе нужен ученик, — махнула рукой ведьма, останавливая поток слов. И после долгой паузы продолжила: — Полагаешь, Инвар подойдет?

— Для начала мне надо взглянуть на него.

— Чуть позже взглянешь... — Мийяра в задумчивости барабанила пальцами по столу. — Ты хотел что-то спросить у меня? Можешь не стесняться...

Сколько раз Скорпо копался в чужом разуме, читал чужие мысли... но когда *сам* попадаешь под прицел *видящего*... И самое обидное: как чародей ни старался поставить упреждающий щит, у него не получалось. Точнее, не успевал выставить.

— Я слышал, что ваша покойная матушка обладала некоторыми способностями, — сказал гость.

— Мама ничем не обладала, — раздраженно отмахнулась Мийяра, — бабушка, та другое дело, но мама... Маму трогать не будем!

— Тогда все более-менее становится на свои места. Насколько я помню, сила потомственных ведьм передается по женской линии через поколения.

— У черных — без разницы, — буркнула ведьма, — кстати, ты знаешь, что после Инвара никто из нашего рода не будет обладать способностями? Нет? Бабушка говорила, что наша сила уйдет вместе со вторым мужчиной подряд.

— Я знаю, — кивнул Каяс — Тебе жаль, что с Инваром уйдет сила вашего рода?

— Не знаю. Может, это и к лучшему... — Женщина потупила взгляд, а затем вдруг резко посмотрела в глаза магистру Двенадцати. — Я не считаю себя слугой Отродья, но кто может поручиться, что *эта* сила не послана именно им?

Черный котяра нахально прыгнул на колени чародея, настойчиво требуя ласки.

— Брысь отсюда, изменник! — шутливо прикрикнула на любимца Мийяра, прерывая тягостную тишину.

— Так я могу поглядеть на Инвара? — перешел к делу Каяс.

— *Поглядеть* можешь, — поднялась с места женщина, направляясь во двор.

Царапнув когтями колени, кот сиганул следом за хозяйкой — а не перепадет ли вдруг чего-нибудь вкусенького.

Готовясь к встрече, Скорпо попробовал сосредоточиться, внутренне сконцентрироваться, возможно, к долгой и нелегкой беседе.

Сегодня все решалось? Похоже, что да. А нет... Значит, можно попробовать поискать кандидата в ученики по бесчисленным лесным деревенькам Бревтона, удаляясь все дальше на восток. Многолюдные Гольлор и Мериден, что находились на юго-востоке соседнего королевства, Каяс отмел сразу — искать там юношу с хоть более-менее значимыми магическими способностями — дело пустое. Если они еще не попали в поле зрения собратьев по цеху, то наверняка, провозгласив себя очередными чудотворцами, открыли свое дело, излечивая страждущих или доводя до погребального костра тех, на кого указали эти самые страждущие, требуя «Небесной справедливости». Или примкнули к одному из множеств религиозных течений, коими пестрела восьмая грань, что тоже приносило устойчивый доход.

— Добрый день. — Стоявший в дверях подросток явно пребывал в нерешительности.

«Какой же ты худой! Как еще только душа из тела не сбежала?!» — вздохнул про себя Девин Каяс.

— Мама сказала, что вы хотите поговорить со мной? — наконец переступил он порог.

— Так оно и есть, — Скорпо жестом пригласил мальчишку к столу и добавил вслух: — Не бойся. Присаживайся, Инвар.

— А я и не боюсь... — Деревянно переставляя длинные журавлиные ноги, юноша прошел вперед.

— Как тебе здесь живется? — начал издалека Каяс, тем временем осторожно нащупывая ауру собеседника.

— Да нормально вроде... — пожал плечами паренек, — немного скучно, правда. Мы ведь никуда не ездим. Все на одном месте.

— Детство хорошо помнишь? — Чародей, встретив клубок из страха и неустойчивой

энергии, осторожно искал вход. «Он?!! Он ли?»

— Отрывками... — Инвар с начала разговора прятал глаза, стараясь не встречаться взглядом с мужчиной. «Может, заберет отсюда? Подальше от этих сумасшедших людей и не менее сумасшедшего братца?»

— Расскажи... — Каяс нашел тоненький вход в подсознание мальчишки и осторожно двигался по нему.

— Я очень плохо помню детство... Так, всякие разные картинки, и больше ничего.

— Отца помнишь?

— Смутно... Я видел его редко.

— Ясно. — Скорпо, наконец войдя в разум «ученика», ликовал: «Он! Он!!! ОН!!! Потенциал не просто выше среднего, он — огромен! Только не понятно, что *это?*...»

— Раз детство помнишь плохо, то наверняка не забыл, как ты успокоил Локо?

Инвар, непроизвольно дернувшись точно от огня, прищурился на чародея.

— Только не надо мне говорить, что ты использовал высшую магию или что-то в этом духе во имя справедливости и доброго дела. — Выйдя из полутранса, Девин Каяс мысленно встряхнул руками, высвобождаясь из *чужого*... По столу пробежала огненная змейка и, вспыхнув цветком, погасла в воздухе разноцветными капельками.

— Ух ты! — выдохнул юноша. — Здорово! Дяденька, а вот гвоздь проглотить можешь?

— Вообще-то я предпочитаю более достойную пищу, хотя могу и это, — подыгрывая пареньку, улыбнулся Каяс, — но поверь мне на слово, я могу заставить и тебя сожрать целый мешок этой дряни... Да и не только этой. — Оскалив в усмешке зубы, волшебник взглядом поднял со стола огарок свечи и послал его как раз меж бровей насмешника.

— Вы там спрашивали чего-то? — отдирая со лба кусочек воска, пробурчал Инвар.

— Мне что, вопрос повторить?

— Когда матушка велела Локо девчонку проводить, я решил посмотреть, все ли будет нормально.

— Нормально? — Колдун недоуменно пожал плечами.

— Так ведь Локо еще в прошлый приход с Аргии глаз не сводил. Ну я и смекнул, что братец может деваху прямо в лесу опрокинуть.

— И ты решил доброе дело сотворить: девушку спасти, ведь так?

— «Девушку спасти»? — почесал затылок Инвар. — Если бы Локо с ней худое сотворил, кто знает, чем бы это кончилось? А деревенским же только повод нужен, чтобы нас всех на соснах повесить. Вот и получается, что и свою шкуру спас, да и чужую.

«Вот тебе и на! Никакого великодушия — личная безопасность превыше всего!»

— Ворожить да колдовать — в этом я плохо смыслю, а у матушки одно пойло есть — «морозящая отравка» называется. Одной капли хватит, чтобы человека надолго успокоить, вот я ею братца и... — Инвар развел руками, показывая, что он сделал с «братцем».

— И выставил это так, словно заколдовал его, — внимательно рассматривал паренька чародей. — Спрашивается, зачем?

Инвар долго молчал, потом, видимо сообразив, что лгать бессмысленно, пробубнил:

— Боюсь я его... Он меня сильнее, раз чуть не убил совсем, а так, глядишь, и сам бояться начнет.

Каяс, понимающе кивнув, встал и зашел за спину мальчишки.

— А хочешь по-настоящему научиться колдовать? Хочешь овладеть искусством магии? — Скорпо положил широкие ладони на худые плечи.

— Вы хотите взять меня к себе в ученики? — выдохнул сын Мийяры.

— А почему нет?

— Думаете, у меня получится?

— А мы сейчас попробуем. Считай, что это экзамен. Условия просты. Сдашь его хотя бы на «хорошо» — едешь со мной, чтобы в будущем стать великим волшебником. Нет — останешься здесь пугать деревенских и дальше дрожать за свою попку. Ты готов?

Мальчик только кивнул.

— Вот свеча. Бить сейчас никого не надо — просто передвинь эту штуку по столу. Естественно, что руками трогать ее нельзя.

— И чья *ет* лошадь? — Локо оценивающе оглядывал жующего травку привязанного Гнедыша. — Хорош! Монет на двадцать потянет, а то и больше. Мать, у нас гости?

Сидящая на поленнице Мийяра только приоткрыла один глаз и сразу же закрыла его — припекающее солнце разморило ее.

— На чужое добро не зарься — свое наживай! А в дом не ходи пока, там разговор серьезный. Если все пройдет хорошо, то Инвар уедет. К делу пристроен будет.

— К делу — это хорошо, — проведя языком по желтым зубам, оглядел еле стоящую на своих четырех кобылу, — дрянь, и семи монет не стоит! Хотя с добрым кнутом...

Словно понимая сказанное человеком, лошадь тяжело вздохнула, пытаясь сорвать несколько зеленых травинок.

— Ну и сколько *этот* гость даст? — присел рядом с матерью Локо. — Или ты собираешься сыночка запросто так отпустить?

— Не твое дело... — Ведьма недовольно поежилась, несмотря на жару. — Держи язык за зубами, и глядишь, вместе с Инваром поедешь.

— Ну-ну... — Перспектива поездки куда-то, да еще и с младшим братом, не особо радовала парня. Его больше устраивала жизнь здесь, в лесу, под боком у всемогущей матери. Но совету он решил внять и замолчал, посматривая на приоткрытую дверь избы.

Инвар весь изошел потом, но сколько бы он ни напрягал лицо, ни таращил глаза, проклятая свеча так и не сдвинулась с места.

— Ты не суетись — результат уже есть, вон сколько мух, глядя на тебя, от страха разлетелось! — поморщился чародей. — Так, хорош мучиться, — хлопнул он мальчишку по плечу. — Давай начнем сначала. — Каяс сел рядом. — Посмотри на эту свечу немного по-другому. Во-первых, расслабься. Просто расслабься, как после дня тяжелой работы. Знаешь, бывает, что все тело болит, нещадно ноет. И вот тебе, как подарок свыше, достается огромный чан горячей воды с настоем хвои. Ты погружаешься туда по самое горло, вытягиваешь ноги и закрываешь глаза. Вода окутывает тебя, свежий запах заполняет разум. Голова немного кружится, и ничего больше не хочется... Ты сам — вода... Ты растворился в ней... Ты можешь просочиться сквозь щели лохани на землю. Влиться в нее. Или, превратившись в пар, подняться к небу над *великим ничто*. Ты видишь мир по-другому... Ты сам мир... Вселенная... Ты — узорчатый листок на ветке дерева... Ты — одна из миллиарда снежинок в выпавшем с утра снеге... Ты что угодно, как этого сам пожелаешь... Ты — камень или перо птицы... Ты — кусок льда и сухая хворостина... Ты — свеча, лежащая на столе... Перекались вперед, назад, как тебе захочется, зажгись, в конце концов, ибо это СВОБОДА!

— О... эээ-э аа-а... А как это?! — ворвался в комнату Локо и затряс брата за плечо. Зависший было в воздухе огарок упал на стол, и тело Инвара молнией прошла боль.

Юноша взвыл, задыхаясь под волной нахлынувшей ярости и беспредельной боли. Черная искрящаяся мгла накрыла Инвара с головой, и сквозь эту грязь на него смотрели безумно радостные и ненавистные глаза Локо! Охватив разом мерзкую жижу, Ведьмин сын скомкал ее и запустил в искаженное лицо, обессиленно падая на стул...

Девин Каяс открыл сначала один глаз... затем второй... Его ученик тупо таращился перед собой, обеими руками вцепившись в стол, из-под его пальцев струйками шел сизый дымок.

Там, где стоял так не вовремя появившийся братец, не то клубился туман, не то вихрилось облако пыли. Принюхавшись, Скорпо с облегчением удостоверился, что не дым!

«Дверь чинить придется, — машинально отметил чародей про себя. — Надеюсь, Мийяра сумеет привести в порядок своего любопытного отпрыска».

Каяс встал с пола и, отряхнув одежду, спокойно продолжил вслух:

— И прежде всего — контроль! Контроль, контроль и еще раз контроль!

— Значит, ты хочешь, чтобы я забрал с собой еще и Локо? — Скорпо не скрывал недовольствия — И что прикажешь мне с ним делать?

— А что хочешь... — Мийяра придирчиво рассматривала новую дверь. — Пристрой его к делу, пусть какому-нибудь ремеслу научится. К себе брать необязательно. У тебя же полно знакомых. Наверняка и для Локо найдется местечко.

— Куда я его засуну?! Он хоть что-то умеет, кроме того, что девкам платья задирает?

— Вообще-то речь идет о моем сыне! — погрозила пальцем ведьма. — Хватит разговоров, не на базаре. Мое условие таково: забираешь с собой обоих, а дальше это только твоя забота, как поступать с моими мальчиками.

— Одно слово: ведьма! — в сердцах сплюнул Каяс — У меня даже лишняя лошадь всего одна, а двигаться придется быстро. Очень быстро!

— Тебе денег на покупку дать? — Женщина удовлетворенно кивнула, оглаживая свежеструганные доски новой двери. — Вот что значит мужик в доме!

Девин только рукой махнул.

Сборы были недолгими. Невесть с чего Лысая Мийяра начала поторапливать мужчин с отъездом.

— Мама, но скоро ночь! — попробовал протестовать Инвар. — Мы даже не успеем из лесу выйти.

— Захотите — успеете, — затягивая узел дорожного мешка, буркнула мать, между делом поглядывая на небо.

К удивлению молодых людей, Скорпо не протестовал, молча подтягивая упряжь лошадей. «Мийяра что-то учуяла, — думал маг про себя, — неужели деревенские возжелают посчитаться со мной? Или с Мийярой?»

— Ты двигай отсюда, а о себе я сама могу позаботиться. — Женщина отозвала чародея в сторону.

— Уверена? Давай мы здесь переночуем, может, они не посмеют... — предложил было Каяс, но его оборвали.

— Ты что, не понял? Им не я — ты нужен! Или у тебя есть желание устроить маленькое

побоище? Кажется, вне закона тебя еще не объявляли.

«Так-так... Ну, Делка!»

Скорпо взял лошадь под уздцы и уже вслух произнес:

— Попрощайтесь, ребята!

Локо только сухо чмокнул мать в щеку и молча, с независимым видом отошел в сторону, уступая очередь младшему. Подойдя вплотную, Инвар обнял мать, уткнувшись ей в грудь. Как ни старался Скорпо, он так и не расслышал прощальных слов матери и сына. Ему самому колдунья на прощание ничего не сказала.

Инвара Каяс посадил сзади себя, старшему досталась еле передвигающая копытами кобыла.

Дорога так или иначе выводила к околице деревни. «Конечно, есть искушение попробовать пройти через лес, но в наступающих сумерках в незнакомом месте заблудиться — проще простого, — размышлял чародей. — Ладно, если Небу угодно столкнуть меня с местными... значит, такова Его воля!»

На этот раз уже знакомая Скорпо парочка — русак и прыщавый — привели с собой едва ли не целый отряд. Навскидку чародей насчитал человек двадцать молодых здоровых парней.

Селяне дожидались мага сразу же у выхода из леса, там, где, сойдя с дороги, можно было пройти через холмы в обход недружелюбной деревни.

— Чай не ждал нас?! — ухмыляясь во весь рот, вышел вперед прыщавый. — Или думал уехать, не попрощавшись с добрыми людьми, а?

— Что ж, можно и попрощаться... — прискорбно вздохнул чародей, обнажая абсолютно черное лезвие меча, при виде которого молодежь попятилась назад.

— Ну и кто первый прощаться? — со свистом рубанув воздух, осклабился маг. — Кстати, мальчик, как твоя спина?

— Господин Каяс, — подал сзади голос Инвар.

— Во-первых, с этого момента ты называешь меня учитель. Или мастер Скорпо. Как тебе больше нравится.

— Мастер Скорпо, — в ужасе прошептал ученик, — нас же просто камнями закидают.

— Кто? Эти? Эти могут! — кивнул волшебник.

— Да что мы с ним цацкаемся! — прошепелявил русак, поднимая с земли камень.

— Я не с ними! — во все горло проорал Локо, пытаясь спрыгнуть с лошади. — Меня насильно захватили!

— Учитель, побьют же нас! — с неподдельным ужасом шептал Инвар. — Сделайте что-нибудь, вы же маг, волшебник.

— Жизнь, значит, любишь... — кивнул Скорпо куда-то за спины сгрудившихся парней. И вдруг, вернув оружие в ножны, скрестил руки на груди. — Ребятки, это не за вами случайно?

Недоверчиво обернувшись, молодцы явно растерялись, а кое-кто даже попытался скрыться в лесу, но было уже поздно... Молча, словно духи легендарных воинов, восставших из могил для великой мести, направлялись к месту несостоявшегося побоища мамыши юнцов. И мелькали в воздухе тенью легендарных мечей метлы и ухваты, со звоном опускаясь на нерадивые сыновьи спины под боевые кличи героических времен...

— Скотина безрогая! Я кому говорила дома сидеть!

— Ты меня когда-нибудь слушать будешь? будешь?! будешь?!!

— Тебе жить спокойно надоело? На подвиги потянуло?!

— Не смей кричать, кобель перекормленный! Тебя еще дома отец с вожжами дожидается!

Уворачиваясь от ударов разгневанных матерей, парни бросились врассыпную. То там, то здесь ловкие матроны вылавливали из кучи-малы своих отпрысков и пинками, да и просто за ухо, конвоировали до дома.

— При случае надо будет перед Делкой извиниться. И спасибо не забыть сказать, — потер переносицу чародей и слегка толкнул пятками Гнедыша.

Уилтаван встретил путников запахом конского навоза и гомоном улиц. Цепкие глаза нищих провожали своеобразную троицу: плечистого, белоголового, по-монашьи строго одетого, мужчину на великолепном гнедом жеребце. Да еще и с худющим, чуть ли в не лохмотьях подростком за широкой спиной и бледного парня с откровенно злыми глазами на облезлой рыжей кобыле.

От Северных ворот троица свернула в один из многочисленных проулков, какими изрезан квартал цеховиков, и уверенно двинулась в глубь домов. Длинные ряды *безделушных* мастерских сменили аппетитно пахнущие пекарни, а затем снова мастерские, но уже портных, скорняков и оружейников, то и дело перемежающихся с небольшими пивными того или иного цеха.

— «Трезвый меховщик», «Лезвие меча», «Нить и игла», — с нескрываемым любопытством вертел головой Инвар. — «Кровь и лоза», «Печень и...» — Юноша чуть не свалился с крупа лошади, разбирая незнакомое слово. — «Печень и cystis»! — наконец выговорил он. — Учитель, а здесь кто собирается? В смысле, что это за слово такое?

Пряча улыбку, Скорпо молча правил конем, высматривая нужную ему улочку. Еще немного поблуждав в лабиринте квартала, они наконец въехали в более зажиточную часть района. Здесь уже не было покосившихся закопченных лачуг и одинаковых одноэтажных строений из серого камня с толстыми общими стенами. Вместо них мимо проплывали узорчатые железные изгороди богатых домов.

— Это тоже мастерские... — пояснил Каяс, — так сказать, элитные. Здесь живут те, кто сколотил себе более-менее приличное состояние.

— И чем же они занимаются? — восторженно прошептал Инвар, глядя на роскошное здание из фиолетового азарского камня.

— Ювелиры, медики, учителя...

— Учителя?! — фыркнул ученик. — Вот уж про кого никогда бы не подумал!

— Мой мальчик, — не оборачиваясь, проскрипел Каяс, — запомни раз и навсегда: *хорошее* образование — это очень дорого. Кстати, мы приехали.

Ворота открыл совершенно седой старик. Легко спрыгнув с коня, маг вручил поводья прислуге и, кивнув юношам следовать за ним, направился к дому. По тому, как уверенно он двигался по усыпанной речным песком дорожке, было ясно, что здесь Скорпо не впервые.

На пороге роскошного двухэтажного особняка, приветливо улыбаясь, их ожидал хозяин дома.

«Отродье меня заberi! Какой красивый мужик!» — невольно восхитился Инвар.

«Эльфийский ублюдок поди...» — с первого взгляда возненавидел хозяина Локо.

Ювелир Ень-Иро был эльфом на одну четверть. От деда он унаследовал тонкие черты лица и белоснежные шелковистые волосы. На этом его сходство с древним народом

заканчивалось. Не по-эльфийски широкие кости, самые обыкновенные серые глаза и нос с причудливой горбинкой. Будь он экспонатом для тех, кто всю жизнь спорил о превосходстве людской расы над другими, то победа человеческой крови была бы признана безоговорочно. И все же, несмотря на грубость человека, природа наделила Ень-Иро редкостной для мужчины красотой, что, право, доставляла ему некоторые неудобства. Будучи по своей сути добропорядочным и верным супругом, бывало, ему приходилось буквально отбиваться от какой-нибудь зарвавшейся красотки из придворцового квартала, что усомнилась в слухах о непогрешимости ювелира. Хотя именно это и помогло ему подняться от бедного подмастерья до того уровня, которой он занимал ныне: его основными клиентами были богатые и знатные женщины!

Спустившись со ступеней, Ень-Иро заключил в объятия старого приятеля.

«Уж не любитель ли мальчиков наш *схадов* чародей?» — недовольно поморщился Локо, глядя, как маг и ювелир, долго хлопая друг друга по плечам, то отстранялись, словно не могли никак насмотреться, то снова прижимались, как нежные подружки.

— Пройдем в дом, дорогой Каяс, уверен, Тизария будет рада снова видеть тебя! — Ень-Иро просто светился от счастья.

— Надеюсь, для моих спутников найдется место под твоей крышей? — Скорпо кивнул в сторону молодых людей.

— Конечно! Ты еще спрашиваешь! Это твои ученики? — Подхватив чародея под руку, радушный хозяин повел его в дом.

— Ребята, за нами! — не поворачивая головы, скомандовал волшебник.

В гостиной братья замерли, поразившись еще больше, чем ранее. Если ювелир был красивым мужчиной, то его супруга...

У Локо враз загорелось все внутри, едва он только увидел эту женщину.

— Эй, молодец! — резко развернулся к нему чародей. — А ну-ка остынь! Или мне успокоить тебя по-другому?

— Извините... мэтр... — Молодой человек перевел взгляд на стоящую в углу изящную статуэтку единорога.

— Что-то не так? — обеспокоился Ень-Иро. Как ни странно, но для прожженного ювелира, в чьих жилах текла кровь мудрых эльфов и пройдох-людей, он был несколько наивен.

— Все в порядке, мой дорогой. Так, легкое недоразумение. — Чародей встал между Локо и женщиной. — Приветствую вас, прекрасная Тизария, — склонил голову Каяс перед дамой.

— Здравствуй, старый друг! — Хозяйка приобняла Скорпо за плечи. — За прошедшие четыре года ты ничуть не изменился: все так же появляешься неожиданно и все так же учтив и галантен.

— Издержки профессии... — поклонился маг.

— Что я слышу? — удивленно вскинула густые длинные брови хозяйка дома. — Учтивость и галантность уже стали издержками профессии? Боги, неужели ты сменил ремесло?

— Я имел в виду, что появляюсь неожиданно... — покраснел Каяс.

— Тизария, прекрати смущать гостя! — расхохотался Ень-Иро, призывно хлопая в ладоши. — Эй, Поакор, вина для гостей!

— Надеюсь, мэтр Скорпо все так же предпочитает красное зерстское, чуть-чуть

разбавленное водой? — Старый слуга выставил на инкрустированный стол оплетенную бутылку и три высоких бокала темно-синего стекла.

— Молодые люди, ужин ждет вас наверху, в вашей комнате. — Старик приглашающе повел рукой. — Пойдемте, я провожу.

— Он что, научился читать мысли? — кивнул вслед ушедшим Скорпо.

— Поакор с нами уже не один десяток лет. И он самый лучший и преданный слуга из всех, кого я видел. — Полуэльф, разлив вино, первым поднял бокал. — За встречу!

— Не в обиду тебе будет сказано, дорогой Девин Каяс, — хитро прищурилась Тизария, — но ты ведь посетил Уилтаван не только для того, чтобы повидать старых друзей. Ведь так?

— Ты же рискуешь, милый друг, — поддержал жену Ень-Иро. — Насколько я помню, по закону ты имеешь право посещать город только перед Праздником Зимнего Равноденствия. А сейчас... — Он указал за окно, где на яблонях наливались соком плоды.

— Значит, я опять все перепутал... — обреченно вздохнул Девин Каяс, — а что вы хотели? Вечное недоедание, жизнь в обветшалых хижинах, постоянно на ветру, в снегу. Конкуренция опять же...

— Давайте о заботах и проблемах потом! — По новой наполнил бокалы ювелир. — Сейчас нам подадут еду. Поверь мне, не всегда стоит смешивать приятное и не очень.

После ужина волшебник в сопровождении гостеприимных хозяев прогуливался по саду ювелира. Обговорив с супругами последние новости, Скорпо перешел к делу.

— Значит, ты хочешь оставить мне этого паренька? — нахмурился Ень-Иро.

— Мой друг, Локо нравится мне не больше, — сорвал с ветки аппетитно пахнущее яблоко гость. — Но, увы, мне он будет только мешать. Не след ему видеть то, чем я собираюсь заниматься с Инваром. Магии он не научится, а проблем будет создавать достаточно.

— Понимаю, — кивнул полуэльф, — а так как ты пообещал его матери позаботиться о мальчике, то решил *подарить* мне ученика? Полагаешь, искусству ювелира он сможет научиться?

— Искусству — вряд ли, ремеслу — наверняка.

— Хотелось бы все же талантливого человечка, — призадумался мастер.

— Ень-Иро, клянусь, что как только в следующий раз попаду на ярмарку в Гольлоре... — торжественно начал чародей, — я найду тебе что-нибудь подходящее.

— В Гольлоре? На ярмарке? — наивно посмотрел ювелир на волшебника.

— Дорогой, мне кажется, что наш гость просто шутит. — Женщина укоризненно взглянула на Скорпо.

— А, понял! — рассмеялся Ень-Иро. — Мэтр, вы, как всегда, полны остроумия! — Отсмеявшись, он продолжил: — Вот ежели этот... как его... Локо! Так вот, если этот Локо не справится, что мне прикажете с ним делать?

— А что хотите, — надкусил яблоко маг, — хотите — закоптите, хотите — зажарьте на вертеле. Желаете, перекиньте его другому... мастеру. На самый худой конец можно пристроить его в городскую стражу, там ума большого не надо, так что не пропадет. Но я уверен, что до этого не дойдет.

— Мне идея про жаркое очень понравилась, — взяла мужчин под руки Тизария. — Все нынче так дорого! Милый Каяс, вы не представляете, сколько с меня запросили на прошлой

неделе за окорок. Разориться же можно!

— Да?! — непонимающе нахмурился ювелир. — И сколько?

Как ни напрягался Локо, прижимая ухо к толстому оконному стеклу, он так и не смог разобрать, о чем говорил и почему так заразительно смеялся Каяс с ублюдком-эльфом и его бабой. Единственное, что не подвергалось сомнению, это то, что речь шла о его судьбе.

«Неужели хочет оставить меня здесь? — не находил он себе места. — Я ему что, какой-то крестьянин, чтобы меня можно было отправить в подмастерья?! Нет, *многоуважаемый маг*, я не согласен!»

— Ну что ты весь исходился? — видя терзания брата, не выдержал Инвар. — Не хочешь здесь оставаться, так и скажи. Хотя знаешь, быть ювелиром не так уж и плохо: посмотри, какой он себе дом построил. А какая у него жена? Недаром люди говорят: «Где деньги, туда и женщины тянутся!» Глядишь, разбогатеешь, сможешь и себе такое позволить.

— И когда это будет? Лет через десять? Двадцать, тридцать? А что будет завтра? — сплунул Локо на дорогой ковер. — Сидеть и корпеть над камнями, ожидая, когда с неба свалится богатство? Люди говорят!.. — вдруг осекся он. — Говорят, сказываешь?! Ну-ну...

— Что ты задумал? — с нескрываемым страхом в голосе встал ученик мага со своего табурета. — Я же вижу, ты что-то задумал!

— Кто? Я? — отвернулся от окна Локо. — Ничего особенного. Просто... что мне мешает найти себе занятие по душе? Уилтаван большой, наверняка найдется что-то и для меня. В смысле то, чем мне будет нравиться заниматься!

— Локо, — подойдя к брату, Инвар взял его за руки, — ты именно *это* задумал? Только, пожалуйста, не лги мне.

— Успокойся, не собираюсь я никому глотки резать. Поживу пока здесь, а там видно будет, — улыбнулся парень.

«Врешь ты все. Неладное задумал, я знаю», — не поверил Инвар.

«Только дайте мне попасть за ворота, только дайте!» — криво улыбнулся старший сын Лысой Мийяры.

— Вручаю тебе этого отрока, дабы ты обучил его своему ремеслу! — торжественно произнес древнюю формулу Девин Каяс, передавая Локо ювелиру.

«Вручаю... Словно вещь какую!» — еле не выдал малый вслух.

— Принимаю и обещаю научить всему тому, что знаю и умею сам! — поклонился Ень-Иро.

— Мы уезжаем. Попрощайся, — повернулся колдун к Инвару.

— Ты это... береги себя... Хорошо? — еле сдерживая неожиданно нахлынувшие слезы, пробормотал ученик колдуна.

— Ты чего, Инвар? Нюни подбери! Будто на всю жизнь прощаешься! Свидимся еще! — обнял брата за плечи Локо. — Не будь бабой! Мы с тобой еще на этом свете пошумим! Если что, я тебя найду. Твой сказал, где, если понадобится, тебя можно будет найти. Так что давай, братишка! Не лей слез, выше голову!

Пока Инвар взбирался на лошадь, Каяс отвел Локо подальше в сторону. Ничего не говоря, он молча взял парня за подбородок и посмотрел ему в глаза.

Молодой человек почувствовал, как холодная скользкая змея, извиваясь и шипя, через горло проползла ему в голову и пристроилась где-то за лбом.

— Только попробуй... — просипел кто-то. Локо так и не понял, кто именно — не то змея, не то ненавистный колдун. — Я все скажу Ень-Иро...

Мотнув головой, Локо стряхнул с себя оцепенение, ища взглядом Скорпо. Волшебник прощался с ювелиром и его женой: прижимая руки к груди, что-то клятвенно обещал.

«Почудилось... наверное... — Вытер испарину парень, и тут же в голове злобно зашипело, предупреждаяще ударяя в висок. — Значит, не показалось...» — обреченно побрел подмастерье в отведенную ему комнату.

Как Инвар и Каяс выезжали из усадьбы, он не видел. В это время он лежал на твердом топчане, уткнувшись лицом в вышитую мериденским узором подушку, и судорожно глотал слезы. Плакал он первый раз в жизни.

Поначалу, глядя на эту парочку, стражник было что-то заподозрил и даже хотел позвать на помощь капитана, но вдруг, неожиданно для самого себя подумав: «А оно мне все это надо?» — безразлично махнул рукой и не только не стал задерживать этих двоих, но и поспешил открыть перед ними Южные ворота, выпуская путников в ночь. Уже не спеша, задвинув на место тяжелый засов и для верности хлопнув по нему вдетой в железную перчатку рукой, служивый широко зевнул и заторопился в каменную сторожку, где его ждали полусонный капитан и полтора кувшина недопитого темного пива.

— Кто там был? — Зевнув, старший приоткрыл один глаз, устало наблюдая, как наполняется пенным напитком кружка, но подниматься с удобного лежака ради сиюминутной прихоти было просто лень.

— А... так... гномы какие-то... — Не дожидаясь, когда осядет пена, приложился к кружке стражник. — Ни схада не дали, жлобье мелкое.

— У этих воды в дождь не допросишься, — еще раз зевнул капитан, заворачиваясь в плащ поплотнее, — ты на пиво не налегай, еще разморит... — и, уже засыпая, пробормотал сквозь усы: — Ты их в «список вышедших» не вноси, без толку все это, а меня на Младшей Сестре разбудишь...

Солдат, с презрением глянув на старшего, отцепил от пояса мешающий меч и, усевшись поудобнее, наполнил очередную кружку.

«И куда Отродье понесло этих орков? — рассеянно смотрел он на свечу, чувствуя, как пивко потихоньку достает его. — Вот в Вильсхолле закон правильный — нелюдям даже носа показать нельзя. А у нас? Ходят-бродят гоблины толпами среди ночи, приличным людям спокойно посидеть не дают...»

Как того требовал обычай, ворота постоянного двора «Южный Тракт», что стоял на самом Перекрестке Семи Дорог, были открыты и днем и ночью. С красными от недосыпа глазами хозяин трактира, даже не разобрав, кто перед ним, впустил под крышу заведения «не то гномов, не то орков», невнятно буркнув о пустующих комнатах, что прямо около кухни, и завалился спать дальше. Не раз бывавший здесь Скорпо уверенно проследовал к указанной двери, лишь молча кивнув Инвару следовать за ним.

— Учитель, и зачем мы здесь? — Молодой человек с нескрываемой тоской оглядел скудное помещение. — Не лучше было бы остаться у вашего друга и спокойно переночевать у него? Тут даже нельзя как следует выспаться! — брезгливо указал он на деревянный топчан с пожелтевшими от времени простынями.

— А выспаться, мой дорогой, уже не получится. — Сбросив на стул плащ, Каяс с

блаженством стягивал сапоги. — Скоро утро, и гостиница будет полна народа. Причем разного... — Чародей, смахнув с постели пыль, не раздеваясь, лег, пристроив длинный меч между собой и стеной так, чтобы в случае необходимости он без промедления мог оказаться в руке. — Так что лучше ложись-ка спать, дружок, после обеда у нас будет куча дел. — Набросив на себя одеяло, волшебник закрыл глаза.

— В этой дыре? — недоверчиво спросил мальчишка, с опаской присаживаясь на край кровати. — В нашей лесной хижине и то чище и спокойней.

— А перед сном мама давала тебе кружку горячего молока... — с иронией протянул из своего угла маг.

— У нас не было коровы... — с обидой буркнул Инвар.

— Все детство коту под хвост. — И, не дожидаясь, пока ученик сможет придумать что-нибудь достойное в ответ, отвернулся к стене.

Мальчик лишь показал широкой, перетянутой ремнями спине язык и накинул себе на голову одеяло.

Лежа, как мышка в норке, он вспомнил дом. Запах кухни и шелест леса за окном. Скрип половиц и тоскливое пение неувлимого сверчка. Вялый дурман проник под одеяло, нашептывая сон, смыкая глаза и изгоняя разум из этого мира...

Крючковатые, покрытые следами ожогов сильные пальцы рванули застежку Книги.

— Открывайся по-хорошему, — прохрипел он, повторяя попытку, но Книга не поддалась. — Открывайся, открывайся! — ломая ногти, царапал он застежку.

Где-то высоко прогремел гром. Появившиеся со стороны востока темные тучи укрыли Сестер и души идущих. Становилось все холоднее, и еще с утра шедший легкий снежок прямо на глазах начинал превращаться в буран. Повторным раскатом пронесся над землей гул грома. И вот только сейчас в возбужденном мозгу мелькнуло: «Гром? Зимой?!»

Вспыхнула молния, ярким светом озаряя тусклые звезды, выглянувшие из-за туч. И тут же немедля, словно ожидая этого сигнала, разрешения Небес, древний фолиант начал нагреваться.

Лишь почувствовав запах горелого мяса, он понял, что руки его горят. Он отбросил Книгу в сторону и воткнул дымящиеся конечности в снег, закричав от боли. Раздалось шипение остужаемой плоти, и вместе с ним в третий раз раздался гром, и молния, вспоров небесную мглу, ударила рядом.

С таким треском разламывается камень...

Он поднял голову и с благоговейным ужасом узрел, как размыкаются оковы, спеленавшие страницы заветной книги...

Встав на колени, он, как раб, на четвереньках пополз к своему господину...

Там, где был фолиант, вспыхнуло, взметнувшись в небо огненным лучом, ослепляя глаза.

— АРТАГА СКАНГАР ЛАС!!! — раздалось из света. — ТЫ МОГ БЫ ПОТОРОПИТЬСЯ, ЖАКХЕ!

Протирая ослепшие глаза, он попытался рассмотреть говорившего, но сияние было слишком ярким.

— НЕ МОЛЧИ, ТАР-ГАТХЕ, — шелестел, приковывая к себе, голос, и вместе с тем оглушая, прижимал к земле. — ТЫ ВЕДЬ ЧТО-ТО ХОТЕЛ, СМЕРД? ТАК ГОВОРИ, И ТРАТЬ ВРЕМЕНИ ПОНАПРАСНУ!

— Я... я... — Он так и не смог подняться с колен.

— НЕ МЯМЛИ!!!

— Я хочу, чтобы... — набравшись храбрости, он начал говорить, но новый раскат грома приглушил его слова.

— ТЫ УВЕРЕН, ЧТО ЖАЖДЕШЬ ЭТОГО? — в голосе *дужунн Лоуусу* была слышна насмешка, — ХОРОШО... ДА БУДЕТ ТАК!!!

Он почувствовал, как что-то утраченное и давно забытое вливается в его тело, наполняя его мощью. Слова, когда-то намертво засевшие в его памяти, наполняются смыслом. Он встал, расправив плечи, осознавая и чувствуя, как судорожно забились под ногами *силовая жила* и что весь мир стоит перед ним на коленях.

— НЕ НАДОРВИСЬ, МИЛАЙ! — Он наконец рассмотрел духа.

Его черты постоянно менялись. То он был мерцающим разными оттенками шаром, то переливался из фигуры человека в неведомое животное, которое затем становилось правильным кубом или пирамидой, и так далее.

— НУ-КА, ПОПРОБУЙ ЧТО-НИБУДЬ! — пролаял огненный пес, возникший из засохшего дерева.

— *Лаин ом, э за вида утоун...* — нараспев принялся он читать заклинание левитации, чувствуя, как, задрожав, невидимые силы из земли вливаются в него, поднимают вверх...

— НАДО ЖЕ, СЛУЧИЛОСЬ! — расхохотался *Бунн Лоуусу*. — Ну, извини, если что не так! — чуть слышно добавил он и, не дожидаясь возможного вопроса, слившись в точку, растворился.

— Эй! А... — растерялся он, зависнув в воздухе. — А как же...

Тучи над головой моментально рассеялись, освобождая путь звездам. Снег хлопьями падал на землю, засыпая следы произошедшего.

Недоуменно пожав плечами, он двинулся по воздуху сквозь лес, не сходя с *линии*. Тысячи мыслей разом клубились в его голове. Все то, что он планировал, о чем мечтал последние десятилетия, было готово материализоваться, обрести реальность.

— Мне нужна армия, — вслух думал он, — несокрушимая, преданная армада, перед которой склонят головы боги.

Где-то вдалеке раздался знакомый смех. Он огляделся и открыл глаза...

Смех слышался из-за стены комнаты. Инвар откинул одеяло и сел, свесив ноги с койки.

Учитель куда-то ушел, и юноша был совершенно один. Немного поразмыслив, он решил выйти наружу.

Оперевшись о высокую для него кровать, он по-девичьи взвизгнул, бросив взгляд на отнятые ладони. Ему почудилось, что его красные, точно обваренные, руки еще дымились.

Поплевав на ладошки, он спрыгнул на пол и направился к выходу. Что-то необъяснимое не давало ему покоя. Но вот что?

Трактир, что называется, ходил ходуном. И это несмотря на то, что был только полдень!

Отыскав взглядом учителя, Инвар решил присоединиться к нему и, осторожно огибая сидящих за столами, направился к чародею. Тот о чем-то договаривался с невероятно толстым, пестро одетым гномом.

Лавируя между покачивающимися людьми и гномами, юноша таки добрался до своего наставника и сел рядом. Тот, даже не удостоив взглядом пришедшего, выложил перед собеседником в ряд шесть золотых монет уилтаванской чеканки. Удовлетворенно кивнув,

гном моментально сгреб их к себе за пазуху и, встав, приглашающе кивнул колдуну.

— Посиди пока здесь. Я вернусь быстро, — наконец обратил внимание на ученика Скорпо и отправился вслед за гномом в сторону двери.

Оставшись один, Инвар оглядел стол, за которым сидел. Пара больших глиняных кружек, остатки аппетитно пахнущей снеди. Мальчик ощутил, как настойчиво заявляет о себе голод.

«Если я съем немного, учитель ведь не будет сильно ругаться?» — решил про себя юноша и, отломав изрядный кусок вареной телятины, стал усердно запихивать его в рот.

Сочное мясо быстро разжевывалось молодыми острыми зубами. Потом наступил черед каравая хлеба и солидного куска мягкого склизкого сыра.

Насытившись, Инвар почувствовал жажду — сыр был изрядно пересолен. Обшарив взглядом стол, мальчик обнаружил потный кувшин и, даже не поинтересовавшись, что в нем, от души глотнул, наслаждаясь горьковатой прохладой.

«Пиво? — огорошено осознал он. — Мама настрого запрещала!.. — испуганно вытерев губы, отставил он полупустой сосуд. — Хотя мама далеко... А какой от пива вред? Да никакого!»

Горький вкус напитка мальчишке понравился, и, не удержавшись от соблазна, он наполнил кружку, по-видимому, Каяса и приложился к ней, даже не дожидаясь, когда сойдет пена.

Утолив жажду, Инвар принялся рассматривать окружающих. Голова немного кружилась, предметы слегка теряли очертания, но это только придавало наблюдению некую пикантность.

Глядя, как у ближайшего человека раздваивается голова, как, впрочем, и все остальное, Инвар расхохотался излишне громко.

Промолчи он, и всего, что случилось потом, можно было бы избежать...

«Раздвоенный» раздраженно оглянулся на паренька раз, другой и, не выдержав, встал, направляясь к нему.

— Ты над кем ржешь, стервец?! — Возвысилась над Инваром огромная туша. Посмотрев на нее, ученик волшебника расхохотался еще громче — уж слишком нелепо выглядела малюсенькая голова над огромным, свисающим через ремень пузом.

Человек побагровел (отчего стал еще смешнее) и, ухватив одной рукой парня за шиворот, поднял его над скамьей, отводя другую лапищу для удара.

— Так, мож, скажешь, что во мне такого потешного?! — проревел мужик, перекрывая гомон гуляющего трактира.

— Ты... Вы... ты... — захлебываясь, попробовал объяснить Инвар, тыча пальцем в чужой живот. — Дяденька!.. — наконец собрался он. — Ну и жирный же ты!

Не сдержавшись, мужик двинул кулаком насмешника в глаз. Инвар опрокинулся на спину, очутившись аж на другом столе.

Больно ударившись спиной о столешницу, юноша зашелся истерическим смехом. В ответ вконец озверевший мужик подскочил к нахалу и, стащив его на пол, с размаху поддел ногой под дых.

Инвар задохнулся, выплевывая наземь все, что он съел и выпил. Хмель моментально улетучился из головы. Он понял, что его просто убивают.

Окончательно озверевший пьяный мужчина избивал мальчишку, не жалея сил, молотил ручищами по всему, что не успел прикрыть ослабший Инвар.

Он бы и убил парня, если бы не оттащили его собутыльники.

Сквозь кровь, что наплыла с рассеченного лба на глаза, перед Инваром проплывали злые, неприветливые лица. Потные... бородатые... со шрамами... с огромными бородавками и...

Инвар почувствовал, как темнеет в его душе... Как заполняется грудь злобой и такой ненавистью, что его самого замутило от этого. И, не сдержавшись, выплеснул он то, что бурлило в сердце, как гной, вырвавшийся из надавленного чирья под неумелой рукой.

Мужика опрокинуло на ближайший стол, протащив по грубо сколоченной столешнице, и свалило наземь. Некстати подвернувшийся купчик вдруг взлетел к потолку, сшибая по ходу высоко подвешенное колесо с огарками еще не зажженных свечей. Стоявший рядом гном с косящими от выпитого глазами, завертевшись, словно в припадке, вокруг себя, ударился об стол, сдвигая его в сторону и дрыгая в воздухе ногами, опрокинул сородичей, вставших на его пути, заверещал, поминая Отродье и богов Небесной Горы.

С головы до ног залитый кровью, Инвар в страхе отступал назад, только сейчас осознавая смысл произошедшего.

Неведомо, чем бы закончилось все это — новой кровью, смертью или еще боги знают чем, если бы не ворвавшийся в это царство хаоса и погрома Девин Каяс не проорал во все горло:

— А ну хорош!!! Это я всем говорю! Прекратить, или, клянусь Небом, я превращу в крысу каждого, кто посмеет двинуться или даже пикнуть! — Маг держал над раскрытыми ладонями жужжащий огненный шар.

— Волшебники... отца их в ссад!.. — проворчал кто-то из волнующейся толпы, но Скорпо, проглотив оскорбление, встал, закрывая собой ученика.

— Инвар, — сквозь зубы прошипел он, — быстро в комнату! И запереться там! Не открывать никому! Пошел! Живо!.. — и, быстро-быстро размахивая острым клинком в воздухе, пошел на давящуюся в злобе толпу, освобождая ученику проход.

— Ну-ка дыхни! — заперев за собой двери, Каяс взял за шиворот своего ученика.

— А что я? — попытался защититься Инвар. — Ни при чем я! Этот первым начал!

— Правда? А кто в стельку нализался, как последняя свинья, не знаешь? Ведь если бы не ты, то... — Скорпо задохнулся от ярости.

Юноша сжался, потупив взгляд. «Все! Теперь назад, к матери, отправит! Прощай большой мир!..»

— Пойми, мальщ, — неожиданно ослабил хватку чародей, — мы с тобой не в том положении, чтобы привлекать к себе внимание. Я, как теперь и ты, объявлен вне закона. Нам разрешено появляться среди людей только раз в год... а сегодня, к сожалению, не тот день! Но и это только полбеды...

— А в чем же тогда настоящая беда? — поднял голову ученик.

— Уходить нам отсюда надо. — Волшебник многозначительно кивнул на доносящийся из-за двери шум. — И чем быстрее, тем лучше.

— Вы... боитесь их? — Инвар даже пригнулся. — Сударь, ведь вы же... маг! Вы же можете одним движением руки превратить их всех ну-у... Да во что угодно!

— Правда? — Каяс, подперев дверь скамейкой, лихорадочно открывал тяжелые оконные ставни. — Тогда расскажи, как ты это себе представляешь?

— Ну... — почесал в затылке паренек, — ну... слова какие-нибудь сказать, там...

заклинание в смысле...

— Хорошо, произнес, а дальше что? — спросил чародей, расшатывая перегородку рамы.

— Как «что»?.. Все вокруг превратятся... в камень, допустим.

— Хорошо. По-твоему, надо просто-напросто произнести несколько слов, и после этого что-то должно произойти. — Достаточно расшатав, чародей начал вынимать раму полностью. — Ты прав в том, что после произнесения вслух некоторых слов что-то с кем-то происходит. Объясняю принцип действия. И в самом деле некоторый порядок слов, точнее звуков, интонация и громкость, с которой они сказаны, тон, я бы даже сказал, мелодичность и кое-что еще во всей своей совокупности вызывают ряд действий, чаще всего связанных с изменением физического и химического состава некоего предмета или предметов. Это и называется заклинанием. В данном случае заклинание формы. Существуют также и другие виды заклинаний, но сейчас речь не об этом.

Скорпо наконец вынул раму и, осторожно положив ее на пол, стал собирать вещи.

— Так вот... В большинстве своем заклинание формы действует лавинным способом. Может, я выразился неправильно, но эффект именно такой: все, кто подвергся этому магическому воздействию, словно накрываются лавиной. То есть кто-то произнес заклинание, и на некоторой площади все обращается в камень... или того хуже. Повторяю еще раз: все! Есть ли защита для произнесшего заклинание? Да. Это или контрзаклинание, которое произносится перед основным, или некий предмет, артефакт, обладающий предохранительными свойствами *именно от этого заклинания!*

Инвар слушал открыв рот.

— И что же случилось бы, если бы я поступил, как предложил ты? Допустим, я успел бы произнести необходимые слова прежде, чем нас убьют. Кстати, это вполне вероятно. Я имею в виду заклинание. И что же дальше? Ни у меня, ни тем более у тебя нет при себе ничего такого, что могло бы нас спасти от собственного же магического воздействия. Я-то, конечно, может, успел бы произнести еще и контрзаклинание, но вот ты?.. Сомневаюсь! — Чародей, закончив сборы, передал заплечный мешок ученику, свой закинул себе за спину и взял в руку меч. — Еще вопросы будут?

— А вот вы какой-то шар в руке держали. Это, я так понял, оружие было...

— Во-первых, это была «иллюзия»... — криво усмехнулся Каяс — Настоящий *ол-фари* при первом же соприкосновении хоть с чем-нибудь сжег бы этот трактир. Да и вызвав (создав) его, просто так... не убереешь. Это же не кошелек: захотел — достал, захотел — спрятал. А так все видят: большое, страшное и опасное... а жить хочется всем. Долго и счастливо...

— Так, может, вы создадите еще пару иллюзий, и мы спокойно выйдем через дверь?

— Испытывать судьбу лишней раз? Слуга покорный! Где гарантии, что, как только откроется эта дверь, нас не настигнут арбалетными болтами? Ладно, ты готов? Тогда за мной. И поверь мне, мой мальчик, этим выходом тебе придется пользоваться не один раз!

Тяжело вздохнув, Инвар полез в выставленное окно следом за учителем.

Войдя в конюшню, Инвар немало удивился, обнаружив там того самого толстого гнома, с которым Девин Каяс о чем-то договаривался до начала заварушки.

— А я уже думал, что увижу вас не так скоро, сударь. — Похоже, чародей также удивился неожиданному «гостю».

— Мэтр, вы же знаете, «что дело есть дело». А отношения клиента и окружающего его

мира — это личное дело самого клиента, — недовольно пробурчал толстяк, вытаскивая из-за пазухи объемистый сверток. — Ваш заказ, господин маг.

— Отлично. — Скорпо чуть развернул сверток, чтобы убедиться, что там именно то, что он просил. — Благодарю вас, дорогой Катт-Арр.

— Не за что, — пожал плечами торговец. — До свидания и всего хорошего. — Поклонившись, гном направился к выходу.

— Подождите! — окликнул его Каяс — Когда вы в следующий раз будете в этих краях?

— Может быть, через полгода, может, через год, — выпятив живот, остановился Катт-Арр. — Вы желаете сделать заказ?

— Да. Еще несколько манускриптов Сио, если можно.

— Хотите разных, или вы ищете определенные экземпляры?

— Без разницы, но желательно без повторений.

— Будет сделано, — важно кивнул коротышка, — что-нибудь еще?

— Бунп Лоуусу, если попадется, — с самым серьезным видом попросил волшебник.

— Бунп Лоуусу? — расхохотался гном. — Бунп Лоуусу!!! Да вы шутник, господин маг! — И, не переставая смеяться, продолжил путь.

— Бунп Лоуусу... — отвернувшись, прошептал Инвар. Он уже слышал это название. Слышал или знал... Только вот откуда?

— Забавный тип, да? — улыбаясь, смотрел вслед Катт-Арру маг.

Вместо того чтобы поскорей убраться подальше, как думал Инвар, учитель недалеко отъехал от Перекрестка Семи Дорог и устроился в кустиках у развилки Южного и Юго-Западного трактов.

— Если бы не твоя выходка, — разъяснил Каяс молодому человеку, — то нам бы не пришлось сидеть здесь в засаде, а спокойно поговорили бы с нашим приятелем в гостинице. А когда он появится здесь, только одному Небу известно!

Инвар лишь жалобно всхлипнул в ответ, потирая заплывший глаз.

— Ладно, не хнычь. Считай, что первый урок ты уже получил. — Скорпо пристально вглядывался вдаль. — Кстати, можешь считать, что ты прощен — они уже едут.

«Они? Маг же сказал, что хочет поговорить с *одним* приятелем?» — Мальчик взглянул в указанную сторону и оторопел. К ним торопливой рысью приближались двое всадников. Один — обычный молодой парень, с виду лет на пять старше самого Инвара. Но вот второй!

Первый раз в своей недолгой жизни сын Лысой Мийяры видел орка живьем. До плеч — обычное тело человека, только... помясистей, что ли? А вот выше округлых широких плеч возвышалась самая обыкновенная поросычья голова, над верхней губой орка выступала пара небольших клыков. Но больше всего мальчика поразили толстые обрубки-пальцы, сжимающие веревки поводьев. Инвара аж передернуло от отвращения.

— Только не вздумай показывать ему свое отношение, — одними губами предостерег Скорпо, — в лучшем случае тебе набьют и второй глаз.

Тем временем всадники приблизились к ним, лихо осадив коней.

— Прихвет тебе, великий шаман! — прохрипел орк, вскинув руку, и Инвара чуть не вырвало — меж острых зубов болтался толстый, неестественно красный, как у собаки, язык. Видимо, поэтому речь его была такой же отчетливой, как если бы сам Инвар попробовал говорить с набитым едой ртом.

— Привет и тебе, Ост Шагар, сын Ажатона, — вскинул в ответ руку Каяс. —

Приветствую и тебя, молодой бор-От! — чуть поклонился молодому человеку колдун.

— Айдо... — поклоном же поздоровался парень, при этом причудливо сцепив пальцы рук перед собой, — меня зовут Айдо, и я хочу выразить свое восхищение, познакомившись с вами, мэтр Скорпо.

— Благодарю, — снова поклонился Каяс. — Не хочу показаться невежливым, но предлагаю для дальнейшей беседы удалиться в более укромное место. После инцидента в «Южном Тракте» мое общество может быть неблагоприятным для вас.

Оседлав коней, чародей и его ученик двинулись следом за Айдо и орком в глубь леса. Выбрав поляну попросторней, они отпустили коней пастись, а сами, усевшись в кружок, продолжили разговор.

— Мастер Айдо, — начал первым чародей, — не скрою, что уже давно искал встречи с вами и вот только теперь благодаря Ост Шагару наконец имею счастье беседовать с вами.

— Я могу ответить на это теми же словами, уважаемый маг, — широко улыбнулся бор-От, отчего его чуть раскосые глаза стали еще более узкими. — Но ведь не только простое любопытство заставило вас искать меня?

— О да! У меня есть некое предложение.

— Слушаю и внимаю! — отозвался юноша.

— Дело вот в чем. Когда я еще только постигал азы своего ремесла, мой наставник учил меня не только искусству магии, но и искусству боя, за что я не раз возблагодарил его в своих молитвах. Теперь у меня самого есть ученик, — Каяс указал на Инвара, — и я хочу, чтобы и он овладел этим искусством. Я понимаю, что это будет нелегко, — перехватив критические взгляды орка и юноши, поспешил успокоить чародей. — Прошу немного: ему необходимо научиться лишь нескольким простейшим приемам самообороны и, что самое главное, контролю. Вы же, наверное, видели, что он учинил в трактире?

Присутствующие рассмеялись, отчего зардевшийся Инвар отвернулся, закрывая синяк под глазом.

— Благодарю за доверие, мэтр, — начал Айдо, но Каяс тут же прервал его.

— Умоляю, только не надо говорить о своей молодости и прочих глупостях! — протестуяще выставил вперед руки Скорпо. — Мастер, у вас великолепнейшая репутация! Вы, пожалуй, один из лучших бойцов грани. И это несмотря на *ваши годы!* Именно поэтому я и пригласил вас — И, видя еще некоторое сомнение на лице *мастера боя*, добавил: — В конце концов я тоже хочу немного поучиться у вас, — и покорно склонил голову перед юношей.

Орк удовлетворенно хрюкнул, лукаво глядя на Айдо.

— Ничего не могу возразить! — только и развел руками бор-От.

Перед тем как расстаться, Скорпо, отведя орка в сторону, очень долго о чем-то беседовал с ним. Оставшись один на один с Айдо, Инвар растерялся. Что особенного было в этом человеке? Да ничего! Одного роста с ним, цвета волос. Даже можно сказать, что ровесники! Однако же его учитель только что на коленях перед ним не ползал! Скорпо называл этого малого «бор-От». Инвар долго вспоминал, что означает это слово, но так и не смог вспомнить. Единственное, что пришло на ум: так вроде называли «очень злых, сильных молодцов, которым нет равных в бою и поножовщине».

— О чем печалишься, ученик волшебника? — прервал молчание Айдо.

— Да так... — еще больше растерялся Инвар, — слишком много всего произошло за

последние дни. Аж голова кругом.

— Так это же хорошо! — рассмеялся молодой человек, неожиданно хлопнув Инвара по плечу. — Если вокруг что-то происходит, значит, все еще не умерло, и получается, что мы еще живы!

«Какую-то нелепость он сейчас сказал. — Юноша отвел глаза в сторону возвращающегося к ним Каяса. — Слава Небу... Слава Небу...» — мысленно воздал он хвалу и только сейчас понял, что боится этого человека. Как никого никогда не боялся. Волна чего-то страшного шла от него... Страшного и сильного...

Инвара передернуло, он еле сдержал рвотный спазм — до такой степени страх овладел им.

— Все в порядке, малыш? — положил руку на плечо ученика подошедший чародей, и мгновенно рассеялся коричнево-золотой туман, отпуская сжавшееся нутро.

— Да... спасибо... — Инвар растерянно оглянулся, улавливая краем глаза отъезжающего восвояси Ост Шагара.

— А раз все хорошо, то нам пора в путь! — Скорпо взял под уздцы Гнедыша. — До Заблудшего Леса вроде бы и немного, но нам лучше поторопиться.

— Мы едем в лес? — не поверил ученик.

— Да, в лес, — с усмешкой подтвердил Каяс. — А если быть точнее, то домой.

— Домой?

— Да, дружок, домой! На ближайшие годы он станет для тебя домом. Так что... — маг лихо вскочил на коня, — так что в путь.

— Дом... — чуть не плача, выдавил из себя Инвар, усаживаясь на кобылу. — Дом. Новый дом.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Капля... еще одна капля...

В просторном гроте пусто и холодно.

Здесь всегда холодно.

И всегда пусто.

День за днем... ночь за ночью...

Виток за витком, догоняя солнце, змеей заглатывающей собственный хвост, спешит время, неудержимо просачиваясь в песок.

Сегодня он пришел опять. Сквозь шорох падающего снега слышен скрип под его копытами. Дыхание Стражника растапливает воздух, взгляд пронизывает стены, и кажется, что эти бесцветные глаза смотрят в упор.

Сейчас он уйдет, чтобы завтра прийти снова. Как и вчера... Как и тысячи лет назад.

Стражник уходит. В который раз? Счет дням давно потерян.

И не вырваться из этих стен... никогда не вырваться...

Капля...

Еще одна капля...

И еще одна...

Глава 2

УТРО

Сколько раз объяснял Каяс своему ученику, но до того так и не дошло, зачем ему знать язык, на котором на этой грани никто никогда не говорил и, верно, говорить и не будет! Кроме магов, правда. Ладно, Айдо натаскивал парня боевым приемам и прочей военной мудрости! Несмотря на то что мальчик просто не мог совладать с хитроумной школой боя, его успехи на поприще контроля энергии и изучения *антыни* — мертвого языка — были значительными.

Инвар таки научился владеть собой, не выплескивая налево и направо ту сокрушающую мощь, что рождалась в момент непреодолимого страха или гнева.

— Понимаешь, в чем дело, — пускался в разъяснения Девин Каяс, — если ты не можешь управлять своими чувствами, своим подсознанием, то тебе как магу цена — медяк. Твой мозг должен быть всегда холоднее льда, мысли четкими и ясными, но готовым в одно мгновение предъявить нужную формулу или заклинание. Но если все же однажды тобой овладел гнев и он вот-вот выльется в поток энергии, ты обязан усмирить его, подчинить собственной воле. И, когда ты научишься это делать... вот тогда ты сможешь, как только пожелаешь, вызывать эту силу! Властвуй над нею. А не наоборот! А пока ты не достиг этого порога, — глядя в пустые глаза ученика, закончил Скорпо, — тебя ждет Айдо и книги!

Молодой бор-От, по всей видимости, даже и не подозревал о существовании таких слов, как «пощада» и «сострадание». Едва только Инвар появлялся на площадке перед входом в пещеру, где они жили, в крепких руках мастера боя возникала длинная палка, и малейшая неточность в движении тут же наказывалась.

Мальчик молча сносил боль, старался и через полгода научился правильно регулировать дыхание, окреп телом и даже безукоризненно выполнял несколько ухваток из разряда оборонных.

Не то, чтобы мальчишке было не так одиноко получать подзатыльники, не то ради разнообразия, но, бывало, Каяс и сам выходил на боевую учебу на пару с Инваром. До этого уже владевший неплохими навыками чародей поднаторел в искусстве боя и даже несколько раз рискнул выйти на схватку с молодым мастером. Во всех четырех случаях Скорпо, естественно, потерпел полное поражение, но два последних раза, к неописуемому своему восторгу, заставил Айдо изрядно попотеть.

Обычно занятия заканчивались на закате, и после скромного ужина Инвара отправляли в лабораторию, где на огромной каменной плите, издали напоминающей стол, его ждали книги и манускрипты.

При свете сальной свечи мальчик до рези в глазах заучивал незнакомые слова антыни, каждый раз проклиная создавший его давно вымерший народ вместе с Айдо — от постоянных тренировок распухшие пальцы еле двигались, а сидеть на одном месте было просто невозможно.

Однажды, когда строчки на выцветшей от времени кожи сливались в одну длинную полоску, Инвар не выдержал и, набравшись наглости, высказал учителю все, что думал по поводу мертвого языка и его значения в мире живых. Каяс бесстрастно выслушал ученика и, ничего не сказав, спокойно вышел из комнаты, оставив мальчика один на один с мыслями. «И что теперь со мной дальше будет?»

Когда перепуганный юноша дошел в своих фантазиях до расчленения и сожжения живьем, явился Скорпо и велел двигаться за ним. Опять же мысленно попросившись с матушкой, парень поплелся на улицу, где... ему был вручен небольшой листок с текстом на ненавистной антыни. Велев прочитать текст «как следует», под нескрываемую усмешку Айдо Каяс поспешил отойти подальше от ученика.

Терзаемый смутными догадками, Инвар прочитал написанное, старательно выговаривая звонкие окончания слов и даже умудрясь найти рифму.

Насколько сын Мийяры понял текст, в нем говорилось что-то о дыхании вулканов, земле и воде.

Только Инвар кончил читать, моментально завоняло протухшими яйцами и... его окатило таким потоком грязи, что он тут же упал, придавленный тяжелыми комьями жидкой земли.

— Как я уже говорил ранее, большая часть формул заклинаний написана на антыни, — раздалось прямо над головой ворочающегося в луже мальчишки. — Надеюсь, я достаточно ясно объяснил важность изучения этого языка? В особенности произношения? Кстати, вот если бы ты правильно произнес эту формулу, то тебя умыло бы теплым весенним дождем. Желание попробовать еще разок не возникло?

Инвар ничего не ответил, с отвращением сплевывая вонючую грязь.

Вручив покупателю заказ, Локо поспешил потратить полученную «за ноги» монетку в «Открытом Доме», славящемся на весь Уилтаван не только великолепным пивом, но и тем, что к нему бесплатно подавались вываренные, пахнущие укропом и заморскими специями раки.

Взяв сразу две кружки, молодой человек уселся за ближайший стол и, осушив до половины первую порцию пива, принялся за рачков, с наслаждением высасывая из-под панциря соленое жестковатое мясо.

Время обеда кончилось давным-давно, а до ужина было еще далеко, и поэтому кабак был почти пустым. Парочка полноногих девах выметала мусор из-под столов и скамеек; хозяин, закончив убирать стойку, скрылся на кухне, откуда доносился его раздраженный голос, кого-то отчитывающий за нерасторопность и пережаренный лук.

Не без сожаления поглядывая на округлый зад служанки, Локо с потаенной тоской разгрызал очередного рака, мелкими глотками потягивая пиво.

— Что, парень, нравится девка? — прозвучало слева, и подмастерье ювелира чуть не подавился от неожиданности. Рядом с ним восседал невесть откуда взявшийся мужичок.

Наградив незваного гостя взглядом, полным безразличия, Локо уткнулся в свою кружку.

— Не хочешь со мной разговаривать? — Судя по всему, от мужика не так просто было отделаться. — Очень жаль. Тебе же хуже, — отвернулся он в сторону.

— Это с чего же? — не выдержал Локо, через силу отрываясь от пива. — Почему это мне должно быть хуже?

— Не хотел говорить, не захотел поддержать разговор, а мог узнать что-то новое и полезное для себя, — повернувшись обратно, мужик с легкой усмешкой рассматривал парня.

— Например? — с явной неохотой выдавил сын ведьмы.

— Например, как можно заработать, особо не утруждаясь. А если будешь умницей и проявишь себя, то сможешь выбиться из подмастерьев в люди. Или ты жаждешь всю жизнь протоптаться в учениках ювелира?

Локо сделал большой глоток, смачивая пересохшее горло.

— Ты кто? — облизав губы, парень всем корпусом повернулся к соседу.

— Я-то? — Мужик кивнул вышедшему из кухни хозяину. — Допустим, меня зовут Глэм.

— И замолчал, дожидаясь, пока служанка, поставив перед ним кувшин с вином, не уйдет восвояси. — Да, меня зовут Глэм, а тебя, по-моему, Локо, ведь так?

— Что с того? — пожал плечами парень. — Ты знаешь меня, я только что узнал, как зовут тебя. И что дальше?

— Дальше?.. — немного растерялся Глэм: он ожидал другой реакции, но, быстро взяв себя в руки, спокойно продолжил: — Я уполномочен сделать тебе некоторое предложение, от которого ты не откажешься.

— Даже так? — глухо рассмеялся Локо, догадавшись, что перед ним один из *тайников* — людей из тайной службы при дворе Владыки Бревтона. Будь он ночным ремесленником, то подсел бы не один. Да и разговор не был бы таким дружелюбным. А для начала съездили бы по зубам. Не со зла, а так... чтобы поговорчивей был.

— Что *вам* от меня нужно? — Уже решив, что наверняка согласится, что бы ему ни предложили, Локо отставил кружку в сторону. Он был уверен, что предложение будет выгодным по-любому.

— Вижу, ты догадался, кто я? — Глэм выложил перед собой железную пластину: знак четырехугольника в четырехугольнике.

— Я не знаю, *что это*, но я знаю, *кто вы*. — Локо равнодушно рассматривал вещь. — Поэтому давайте сразу к делу.

— К делу так к делу, — с виду удовлетворенно согласился тайник, хотя внутри напрягся — уж слишком быстро этот парень дал свое «добро», да еще вслепую. — Нас интересует твой хозяин, мэтр Ень-Иро. Точнее, его клиенты и их заказы. Насколько нам известно, именно ты разносишь товар по адресам.

Перед тем как ответить, Локо долго смотрел в глаза Глэма.

— И зачем вам я? Уверен, что если бы вы захотели, то узнали бы обо всем этом и без моей помощи.

«А мальчишка не так прост! Определенно, он подойдет для нашего дела».

— Ты прав, спорить не буду. Но посмотри на это с другой стороны. Зачем выделять для слежки целую ватагу, если можно обойтись всего одним человеком. Причем тем, кто постоянно находится на территории усадьбы да еще задействован в том, что нас интересует в первую очередь.

— А если я откажусь? И расскажу о нашем разговоре Ень-Иро? — не удержался Локо. — Что тогда?

— Два варианта, — Глэм откинулся на спинку стула, — или тебя находят мертвым за городской стеной, или торжественно сопровождают обратно в деревню, откуда тебя и притащил сюда мэтр Скорпо.

«Даже это знают! — внутренне восхитился Локо. — И зачем я об этом спросил?»

— Но я думаю, что до этого не дойдет, — махнул рукой тайник, — кстати, а куда делся колдун? Мы так и не смогли понять, каким образом он умудрился выбраться из города незамеченным. Или он никуда и не уезжал?

— Понятия не имею, — честно признался парень, — он уехал той же ночью. А как... куда... это его дело.

— Ладно, пока оставим это. Значит, ты согласен? — Как по волшебству на столе

звякнул аккуратный кошелечек.

Вместо ответа Локо взял кошель, взвесил его и спокойно положил себе за пазуху.

— Отлично! Где ты был сегодня?

Уже подходя к дому, Локо заметил невзрачного парня, следовавшего за ним по пятам. Перед тем как постучаться в ворота усадьбы, подмастерье, не удержавшись от соблазна, кивнул *зрячему* как старому знакомому. Тот, словно кивок этот предназначался вовсе не ему, принял самый равнодушный вид и прошествовал мимо, причем с первого шага умудрившись наступить на лошадиное яблоко.

«И зачем все это? Может, не доверяют?» — рассмеялся Локо, нетерпеливо ударив в ворота повторно.

— Что громыхаешь на всю улицу? — открыл ворота Поакор. — Пожар, что ли?

— Еще какой! — хлопнул себя по низу живота подмастерье и, шустро прошмыгнув мимо старика, отправился в отведенный для слуг нужник.

Уже закончив свое дело, сквозь щели уборной молодой человек увидел жену ювелира. Тизария в сопровождении одной из служанок шла из сада, неся корзины с плодами.

Локо только не зарычал, еле сдерживаясь при виде обернутой в полупрозрачные шелка красавицы, и тут же получил холодный удар в висок — заклятие Скорпо следило за ним. Локо замутило.

Опершись о деревянную стенку, малый согнулся пополам, задыхаясь от боли.

«Скорпо! Отца твоего в ссад! — глотал разящий воздух Локо. — Все равно... рано или поздно... клянусь!»

Повторный удар свалил его с ног.

Ближе к ночи мучимый животом поваренок нашел его без сознания, со спущенными штанами, с головой в дыре нужника.

Как потом Локо ни заискивал перед пацаненком, но с того дня слуги меж собой, а бывало и прямо в лицо называли Локо «засранцем» и никак более.

Кипятком вспузырилась земля, и из-под черных комьев показались еще не сгнившие пальцы.

— Смелее... смелее... — шептал он, — поднимайся...

Наконец рука показалась полностью, а уже затем и коричневая, местами полностью сгнившая голова. Ввалившиеся яблоки глаз мертвеца уперлись в стоящего над ним человека.

— Добро пожаловать в мир живых, дорогой! — ухмыльнулся человек.

Зорситэ ответил стоном, продолжая высвобождаться из могилы.

Тошнотворный запах гнили окружил вызвавшего, послышался стон, который нормального человека обратил бы в бегство, но он стоял, радостно взирая на дело рук своих.

А мертвецы, разбуженные смертным, поднимались из своих жилищ и шли к Нему, оставляя за собой на снегу слизистые следы. Вот они встали вокруг, ожидая, что скажет Повелитель.

— Все же маловато вас, — критически оглядывая свою армию, вслух размышлял человек, — да и мясцом неплохо было бы обрасти. А то от первой же стрелы рассыпетесь.

Сзади раздался испуганный крик. Он обернулся, увидев, как удирал к деревне запоздалый прохожий. Зорситэ угрожающе прогудел, не решаясь двинуться без приказа.

— Голод... — со свистом произнес ближайший, еще недели две назад бывший

мужчиной мертвец. В его голосе звучала мольба. — Дай нам жизни... Повелитель... Мы хотим есть...

— Да, подкрепиться, наверное, стоит, — кивнул он и указал на видневшиеся за деревьями леса дома, — это все ваше. Ступайте!

Еле передвигая ноги, зорситэ двинулись вперед.

— Как ни крути, неплохой задался денек, а? — захохотал за спиной Бунп Лоуусу, и Он вздрогнул от этого смеха. — Что еще желает *Властелин мира*?

Перед самым Праздником Зимнего Равноденствия Айдо объявил о своем отъезде.

— Я сделал все, что мог. Чему мог, научил. Так что делать мне здесь больше нечего — дороги ждут, — перед тем как отправиться в путь, сказал бор-От.

— Вообще-то нам тоже пора в дорогу. Если хочешь, давай поедем вместе, — предложил Каяс.

На Перекрестке Семи Дорог они расстались.

— Мне в Мериден, — указывая на восток, разъяснил Айдо.

— Почему туда? — не скрывая сожаления, встрял в разговор Инвар.

— Не знаю... — недоуменно нахмурился мастер боя, — просто в эту сторону посмотрел мой конь, вот и все.

— Нормально! — выдохнул паром ученик, глядя ему вслед.

— Долго объяснять... да и не нужно... — тронул Гнедыша чародей, — поехали, хоть поедим нормально, а то все на сухарях да на сухарях.

На первый взгляд изнутри «Южный Тракт» не изменился.

Маг и его ученик, сбив с ног снег, уверенно прошагали к столу, что стоял рядом с жарко пылающим камином. Пока Скорпо пошел распорядиться насчет обеда, юноша, подсев к огню, протянул к нему озябшие руки.

В широкой трубе ветер пел танцующему на углях огню. Убаюкивающе и приятно. И главное — успокаивая душу. Щеки зарделись при мысли о доме и маме. Почему-то вспомнился запах соломы и живое тепло старого кота, любившего устраиваться на коленях Инвара. «Как это было давно и вроде недавно», — грустно улыбнулся мальчик, пододвигаясь ближе к камину.

— А я узнал тебя, щенок! — Его вздернули за воротник, разворачивая на ходу.

Только что не пуская слюну, над ним высился тот самый мужик, с кем они повздорили прошлым летом в этом самом трактире.

На сей раз обидчик не стал рассусоливать и сразу двинул пареньку в нос.

Инвар так и не понял, что произошло... Вроде бы одна его рука перехватила летящую лапищу у самого запястья, по ходу выворачивая ее вправо, а другая, уцепившись за кожаный пояс округ огромного живота, потянула обидчика к себе, а затем...

Что-то пролетело над головой, вереща, а потом уж и запричитав как-то совсем по-бабьи.

В спине ощущалась терпимая, но неприятная боль, и парень с удивлением обнаружил, что лежит на столе, а его обидчик с выпученными глазами медленно сползает по стене.

«Вот это да! — в свою очередь вытаращился Инвар, слезая со стола наземь. — Как это я его, а?»

Немногочисленные посетители остолбенели, глядя на происшедшее. Два кряжистых мужика, видимо, сотоварищи побитого, оставив недопитые кружки и молча встав из-за стола, не спеша направились к ученику чародея, заходя по сторонам.

Инвар не успел даже как следует сконцентрироваться, вызывая энергию, как широкая тень накрыла его из-за спины. Звякнуло железо, и краем глаза мальчик заметил острое лезвие меча у самого своего плеча. Осторожно повернув голову, Инвар увидел клыки, торчащие из пасти свиной головы.

— Ну... Кхто? — громко прорычал Ост Шагар, поводя обнаженным мечом.

— Слышь, орк, отвали! Не твое это дело! — крикнул один из дружков, спешно разматывая кистень.

— У тебя вроде пиво не допито! — кивнул на оставленный стол другой. — Гляди, нагреется!

— Он схын моего друга. Значит, мой другх. Враг моего друга — мой врагх. — Орк вытащил свободной рукой длинный нож. — А пиво я давхно уже выпил...

Возникла пауза. Дружки понимали, что просто так орк им малого не отдаст, а связываться с вооруженным бойцом? У людей на будущее были совершенно иные планы.

Недовольно ворча, то и дело бросая исподлобья угрожающие взгляды, сотоварищи отправились поднимать друга.

— Где шаман? — Ост Шагар вложил меч в ножны.

— Я здесь, сын Ажатона. — Оказывается, Скорпо все это время был рядом. — Большое спасибо за помощь, но Инвар мог и сам позаботиться о себе. — Чародей вложил свою руку в ладонь орка.

— А если нет? — обиженно высунулся из-за спины Шагара ученик.

— Значит, Айдо зазря потратил на тебя время, — холодно отрезал чародей. — Друг мой, ты, верно, голоден? Прощу тебя, раздели с нами нашу скромную трапезу.

Отказаться от подобного предложения — значит, кровно обидеть. С достоинством кивнув, орк позволил проводить себя к быстро накрываемому столу.

— Еще один прибор и еды еще столько же, — приказал Каяс мальчишке-слуге. Тот бросился исполнять заказ.

Усевшись поудобнее, они принялись за еду. Чинно, не торопясь, почти не разговаривая. Уже потом Каяс объяснил Инвару, что у племени орков считается неприличным и даже оскорбительным вести беседу за едой. За пивом — пожалуйста, но не во время обеда!

— Едешь на Совет шаманоф? — отодвинув в сторону пустые тарелки, орк пригубил пиво.

— Надо показаться, — кивнул Скорпо, — скоро же зимнее равноденствие.

Шагар понимающе сжал губы, отчего его клыки высунулись наружу еще больше. Отведя взгляд в сторону, Инвар поежился — картина была не из приятных.

— Замерз, олдоу^[3]? — Слава Небу, Шагар не понял ученика мага.

— Да, немного... — догадался подтвердить Инвар.

— Тэндх^[4] плохо любит холод. Олдоу-тэндх ешь больше, — вроде как посочувствовал орк. — Меня есть даргакаш. Он твой.

Мальчик вопросительно посмотрел на учителя.

— Душегрейка на овечьей шерсти. Можно, возьми, — кивнул Скорпо.

— Спасибо... — поблагодарил юноша не то Каяса, не то орка.

Тяжело встав, орк отправился за подарком в отведенную ему комнату.

— Парень, если ты не научишься скрывать свои эмоции, то рано или поздно тебя просто убьют. И, знаешь, они будут в чем-то правы. — Из коридора показалась кряжистая фигура Шагара, и чародей замолчал.

— Учитель, я не смел спросить, но я понял так, что мы едем в Уилтаван?

— Не совсем. Намного севернее от него есть одна деревушка с запоминающимся названием — Репьевый Куст. Недалеко от нее возвышается Башня Лео. С давних времен именно там и происходит Совет.

— Совет Конклава Двенадцати? — с благоговейным ужасом прошептал молодой человек. — И там будут все маги нашей грани?

— И их ученики... — подтвердил Каяс, улыбкой встречая Шагара.

— Я принес, — объявил орк, выкладывая перед Инваром аккуратный сверток. — Каяс, — прохрипел он, усаживаясь, — твой враг хочет ваша кровь. Если хочешь, могу проводить до большой город.

— Ты полагаешь? — Чародей окинул взглядом зал и с неудовольствием отметил, что упустил тот момент, когда «друзжки» покинули заведение.

— Знаю... — важно подтвердил сын Ажатона.

«Надо будет расспросить учителя, откуда такая преданность и дружелюбие у этого свинорылого», — Инвар мысленно завязал на память узелок.

— Я тебе все потом объясню... — повернулся к нему чародей, и мальчик снова заметно вздрогнул. За прошедшие полгода с лишним он так и не смог привыкнуть, что Скорпо читает его мысли!

Без происшествий и приключений пестрая тройца добралась до Южных Ворот Уилтавана. Без происшествий, это если не считать пару закопанных в лесу обезображенных трупов. Таким образом, в главный город Бревтона Инвар въехал полный ужаса и впечатлений.

— Нужен буду, искать меня в корчма, — протянул руку Шагара перед расставанием.

— Благодарю, — от всей души пожал предложенную пятерню Скорпо. — Я вернусь через неделю. Возможно — две.

— Я стараюсь сделать все к твой приезд, — развернул своего коня орк.

— Весьма надеюсь... — уголками губ улыбнулся волшебник вслед сыну Ажатона.

Инвар только сокрушенно помотал головой: «У учителя еще и какие-то дела с этими уродами!»

— Дружок, запомни раз и навсегда, — Каяс даже не смотрел на своего ученика, — нет друга преданней орка. Не считая эльфов, правда. Но эти парни редко снисходят до дружбы с человеком. Так что в войне между расами победят именно люди, — направил он Гнедыша к городским воротам.

«Небо, о чем он? — ужаснулся мальчик. — Какая война? Кто? С кем? Лучше бы сказал, увижусь я с Локо или нет?»

К немалому удивлению чародея, Ень-Иро встретил старого знакомого не так радостно, как весной. От Каяса не ускользнула некоторая натянутость, даже настороженность или опаска, с которой его приняли.

«Видимо, из-за того, что я могу быть под наблюдением. Отлично его понимаю! Что ж, не будем злоупотреблять гостеприимством и поспешим удалиться».

Обед проходил в тягостном молчании. Чета ювелира как-то вяло поглощала пищу, словно она не доставляла им должного удовольствия.

— Кстати, — решил нарушить тишину Скорпо, — как там мой протеже?

Рука Тизарии вздрогнула, и вино из поднесенного ко рту бокала выплеснулось на парчовое платье.

— Что-то не так? — удивленно вскинул брови маг. — Надеюсь, он не причинил вам лишних хлопот?

Вместо ответа полуэльф только умоляюще взглянул на Скорпо, настороженно скосив глаза на поглощенного трапезой Инвара. Понимающе кивнув, волшебник замолчал, вернувшись к еде. Пока ножи и вилки скрипели о фарфор тарелок, разрезая изысканные блюда, Скорпо как можно осторожнее попытался проникнуть в разум хозяина.

Попытка не осталась незамеченной — Инвар, перестав жевать, удивленно вскинул глаза на учителя, пытаясь разобраться, не почудилось ли ему? Дабы избежать ненужных вопросов ученика, Скорпо моментально разорвал контакт и спокойно продолжил обед.

Покончив с трапезой, волшебник отпустил мальчишку к брату, наконец оставшись с Ень-Иро один на один.

— Мэтр, что случилось? — напрямик спросил чародей, как только Тизария вышла из гостиной.

— Все очень плохо, дорогой Каяс, — поникшим голосом начал ювелир, — этот Локо... — и замолчал, отвернувшись в сторону.

— Пожалуйста, продолжай. Если ты все мне не объяснишь, то я никак не смогу тебе помочь.

— Да... конечно... — обреченно кивнул Ень-Иро, — дело в том... — И, собравшись с духом, проговорил скороговоркой: — Локо связался с тайниками. И теперь следит за мной и женой. За каждым нашим шагом.

— Ты уверен?

— Более чем! Локо несколько раз видели с Глэмом. Как они разговаривали друг с другом. А этот Глэм... он один из зрячих. Что-то вроде старшего у них.

— Если их даже и видели вместе, то конечно же для того, чтобы выслеживать тебя. Как же иначе! — рассмеялся Каяс — Мой дорогой, не такая уж ты и большая фигура, чтобы устанавливать за тобой надзор. Наверняка их больше интересует...

— Ты многого не знаешь, — прервал говорившего полуэльф. — Все не так просто, как ты думаешь. — Губы его задрожали, а глаза наполнились слезами.

— Неужели?.. — Ужаснулся своей догадке маг, и Ень-Иро только кивнул, закрывая лицо руками.

— Ты решился взяться за старое? — все-таки попытался уточнить Девин Каяс.

В ответ молчаливый кивок.

— Так... — протянул маг, откидываясь на спинку высокого кресла. Сказать ему больше было нечего.

Как и многие ювелиры, Ень-Иро занимался также медициной и алхимией. Если первое служило неплохим дополнительным доходом к основному ремеслу полуэльфа, то второе было настоящей страстью тогда еще совсем юного мастера. В поисках необходимых книг по запрещенной науке он потратил немало сил и денег, но все же сумел собрать неплохую библиотеку и познать азы. Кстати, именно в поисках этих книг и познакомились, а уж затем и подружились молодые Ень-Иро и Девин Каяс.

К сожалению, а может быть и к счастью, полуэльф не достиг полного совершенства в любимой науке. Под давлением *единоверцев* владыка Меридена, где жил тогда Ень-Иро, усилил запреты на «лженауки», и после нескольких показательных судов неудавшийся

алхимик, но прекрасный ювелир отошел к своему основному занятию, лишь изредка вспоминая о несбывшейся мечте...

В одной из книг Ень-Иро обнаружил формулу *оссари* — яда, выпариваемого из некоторых редких, а потому и драгоценных материалов. «Прелесть» оссари была в том, что действовал он только спустя пять, а то и восемь дней после того, как жертва принимала его. Обнаружить следы отравления было практически невозможно — все указывало на сердечный приступ, отказ легких, на все что угодно, только не на насильственную смерть. Практически... если только сразу, после того как покойнику закрыли глаза, не опустить усопшего в соляную ванну. Мутноватая белая жидкость через некоторое время приобретала темно-синий цвет, выдавая присутствие древнего яда.

Именно на изготовлении этой отравы и сделал первые в своей жизни *настоящие* деньги молодой ювелир. А уже после второго заказа смог выплатить все долги, приобрести достойный инструмент и внести первый взнос за аренду мастерской.

После продажи шестой порции оссари Ень-Иро переехал в Уилтаван, купил небольшой домик, даже умудрился выгодно и в то же время по любви жениться и, наконец, зажил спокойной размеренной жизнью, даже и не вспоминая об источнике первоначального капитала.

— Это была моя вторая клиентка... — сквозь прерывистое хриплое дыхание рассказывал полуэльф. — Она заказала оссари для своего мужа. Я тогда проверял: он действительно был деспотом...

Каяс страдальчески закатил глаза.

— Нет, правда, он был негодяем и неверным супругом, — горячо доказывал ювелир, — хотя теперь... — он опустил глаза, — ...хотя теперь какая уже разница.

— Эта женщина появилась в Уилтаване? — перешел к делу чародей.

Друг только кивнул в ответ.

— Она узнала тебя?

Еще один кивок.

— И что она хочет? Денег? Чтобы ты изготовил еще яду?

— Нет... — поднял лицо несчастный ювелир.

— Нет? Тогда что же? — удивился чародей.

— Меня... — еле слышно пролепетал Ень-Иро, оглядываясь, словно боясь, что она могла стоять рядом и все слышать.

Какое-то время Каяс, широко открыв глаза, лишь смотрел на друга, а потом, не выдержав, громко расхохотался, отчего собеседник еще сильнее вжал голову в плечи.

— Прости... — отдышавшись, продолжил Скорпо, — она хоть ничего?

— Ей уже давно за пятьдесят, а, может быть, и больше... — пробурчал бедняга.

— Тогда в чем проблема? Кто поверит полоумной бабе, вздумавшей на старости лет вспомнить грехи былой молодости! Сама-то она не боится попасть на аудиенцию к палачу за убийство собственного мужа? — улыбнувшись, закинул ногу на ногу чародей.

«Вига! И зачем мне все это надо?!»

— Дело не только в этом...

— Как? Это еще не все? Продолжай. — Маг сбросил улыбку с лица.

— Кто-то копался в библиотеке. И нашел формулу оссари.

— Ты уверен?

— Посуди сам. Я обнаружил это совершенно случайно, когда полез за томиком... —

Ень-Иро мило покраснел, — томиком Хат-Дина. Пыль сверху этой книги была вытерта, а на других — нет.

— На томике Хат-Дина? — не удержался Скорпо.

— На книге по... — замялся несостоявшийся алхимик.

— Я понял, о чем речь, — Каяс прервал мучения друга. — Ты думаешь, что Локо разобрался в формуле? Или, того хуже, уже сам начал варить зелье?

— Самому ему ума не хватит, — махнул рукой полуэльф, — да тут не столько ум, сколько сноровка нужна. Умение. Здесь надо быть настоящим мастером.

— Ладно, убедил. Допустим, тайникам стало известно, что ты располагаешь заветной формулой. Допустим, эта престарелая *поклонница* даст показания против тебя. Что дальше? Обладать знаниями и пользоваться ими, по-моему, две разные вещи, ты так не считаешь?

— В начале лета умер главный советник Владыки. Через месяц неожиданная смерть постигла сразу двух приближенных повелителя. И вот совсем недавно скоропостижно скончался двоюродный брат Владыки — благородный Ариетт д'Амарио.

— Ты полагаешь, что все они ушли из жизни не без чьей-то помощи? И наверняка уверен, что все они были отравлены? И, несомненно, оссари?

Ень-Иро, опустив голову, коротко кивнул.

— Почему ты так решил, я не спрашиваю. Вернемся к основной теме: ты хочешь, чтобы я убрал Локо из твоего дома?

— И как можно дальше... — прошептал Ень-Иро, глазами указывая наверх.

Чародей в ответ только укоризненно покачал головой: «*Ты что и кому предлагаешь, приятель?*»

Ювелир прижал дрожащие руки к груди: «Друг, очень тебя прошу».

«Да, загнала тебя жизнь в угол. Дальше уже некуда... — нахмурил чело волшебник. — И что мне теперь со всем этим делать?»

Едва Инвар вошел в комнату, как Локо тут же схватил его за руку и без всяких объяснений потащил за собой.

Ученик мага попытался было воспротивиться такому произволу со стороны старшего брата, но Локо только сильнее сжал тонкое запястье и ускорил движение.

Под недовольным взглядом Поакора молодые люди выбежали из ворот и устремились в переулки Уилтавана. То и дело оглядываясь, Локо тащил братишку за собой, пока не остановился перед дверями двухэтажного домища с широкими нараспашку дверями.

«Открытый Дом», — прочел про себя Инвар, — кабак, что ли?» И чуть не упал, споткнувшись о высокий порог.

Поддержав братца, Локо усадил его за ближайший стол.

— Слышь, Инвар, — слизывая с едва пробившихся усиков пот, прохрипел Локо, — посиди здесь пока. Дело у меня тут. А потом и поговорим спокойно, лады? — И, не дожидаясь ответа, отправился к стойке.

— Хорошо... — только и успел сказать уже в спину растерявшийся парень, — я посижу.

«Открытый Дом» был совершенно не похож на «Южный Тракт». «Чище, просторнее и главное, тише, — отметил Инвар и тут же поправил себя: — А с чего быть шуму? Посетителей здесь всего трое: я, брат да тот мужичок, который вошел за нами».

«Так-так!.. — удивился ученик, видя, как «мужичок» направился прямо к Локо, заводя с ним о чем-то разговор. — Это и есть то самое *дело*, ради которого мы мчались сюда?»

Инвар сконцентрировался, стараясь мысленно дотянуться до беседующих. Невидимая бесшумная птица расправила свои крыла, оттолкнулась и воспарила над пустующими столами, тяжело устремляясь вперед.

— Это что еще за хрень! — неожиданно выругался Глэм, едва успев начать разговор. Болотного цвета камень на перстне вдруг засветился, отбрасывая в стороны матовые искры.

Резко обернувшись, он вперил взгляд в мальчишку, сидящего с самым скучающим видом.

— Сосунок?! — не поверил своим глазам тайник.

— Вы о ком? — повернулся к нему Локо. — А, этот! Брательник мой — Инваром зовут. А что, собственно, произошло?

— Магическая атака... — деревянным голосом изрек Глэм, — кто-то хочет покопаться в моей голове.

— Чушь... хотя... — прищурился Локо на брата, — «неужто Инвар успел достичь таких высот? Так быстро...»

— Что «хотя»? — тайник полез за пазуху. — Что сказать хотел?

— Так ведь мастер Скорпо в городе... — вывернулся Локо.

— Да? Помолчи-ка... пожалуйста...

В первый раз за все время учебы контакт был ясным и прочным. Инвар читал все мысли «друга» брата. И все эти мысли, нити настроения были как на ладони. И если бы Инвар захотел, то мог бы одним движением пальца заставить этого человека... ну... хотя бы встать и помочиться прямо здесь, прилюдно. Но...

«Ублюдок... сын жакхе и гоблина... мразь...» — От такого голова у Инвара неожиданно закружилась, щеки загорелись. Слово за словом хлынул на него поток отборнейшей ругани.

«Отродье меня побери! Он смог как-то меня обнаружить!» — Инвар еле сдержался, чтобы не выдать себя. А чтобы не запаниковать, он как можно осторожнее вышел из человека.

«Что, мурло, ...? Али за штаны испугался?!» — последнего ученик Скорпо просто не понял, но интуитивно схватился за пояс.

Собеседник Локо повернулся к нему лицом и улыбнулся.

Только от той улыбки мальчику стало холодно... и почувствовал он себя на краю если не могилы, то пропасти точно.

— На, держи! — Глэм толкнул к Локо небольшой, с детский кулачок, сверток.

— И что это? — с нескрываемым любопытством нагнулся к столу парень.

— Защита... — Тайник развернул кулечек, там находилась маленькая, чуть больше комара, серьга. — Я так понял, что вон тот малый — твой брат. И еще я понял, что он — ученик Скорпо. Выходит, сам колдун гостит сейчас у твоего хозяина...

Локо, не скрывая брезгливости, поморщился.

— Скорпо известен тем, что может спокойно проникнуть в чужую голову, прочесть все, что там творится, и заставить этого человека делать все, что вздумается этому проклятому чародею!.. Надеюсь, ты не захочешь, чтобы твои потаенные мыслишки прочитал какой-то магик? Тогда надень это и не выпендривайся.

Без лишних слов Локо притянул к себе серьгу.

— Парень, если бы мы надеялись только на свои силы и не прибегали к подобным штукам, то смысл наших трудов уже давно был бы равен нулю.

— Чего? — насторожился сын ведьмы.

— Проехали... — обреченно махнул рукой тайник. — Короче говоря: надень эту штуку, и Скорпо не сможет копаться в твоей пустой башке. Это ты хоть уразумел?

— Давно... — сквозь зубы ответил Локо, разглядывая вещицу. С виду — обычная дешевка, коей полно на рынках. Камень — явно фальшивый, захват ушка — ржавый, словно его не чистили лет этак сто.

— И мне это надевать? — брезгливо скривил он рот.

— Не понял? — оскалился тайник.

— У меня это... — Локо теребил мочку уха, — не проколото, вот...

— В квартале отсюда тебе проколют все, что ты им подставишь!

— И зачем тебе это? — недоуменно протянул Инвар, указывая на кровоточащее ухо брата.

— Модно!.. — чуть ли не прорычал тот в ответ.

— А... — понимающе кивнул ученик колдуна, но Локо не дал ему продолжить.

— Какого Отродья ты копался в его башке?! — схватил он мальчишку за плечи. — Тебе делать было больше нечего?

— Нечего... — раскрыл рот Инвар, — а ты откуда знаешь?

— Оттуда! Или ты думаешь, что только тебе перепали способности *нашей* матушки?! — нашелся старший.

— Да нет... — задумался младший сын ведьмы. — Ладно, раз уж ты все знаешь, тогда объясни мне, что этот человек хотел от тебя?

— Не твое дело... — отрезал было Локо, но, вспомнив последние указания Глэма, сменил гнев на милость. — Я тут немного влип... Подробности говорить не буду. Тебе их знать ни к чему. Просто делай вид, что ничего не произошло, больше от тебя ничего и не требуется.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Вряд ли. И не вздумай лезть в это дело. Понял?

— Да... — облегченно выдохнул Инвар: мысль о том, что старший *братик* заставит что-то делать ради его спасения, удовольствия не вызывала. — Ты точно сам справишься? — все же решился он вызваться.

— Успокойся, дорогой! — хлопнул Локо ладонью по плечу. — Лучше расскажи, как ты сам? Как твое обучение?

Что-то фальшивое звучало в голосе брата, но Инвар так обрадовался смене темы разговора, что не обратил на это особое внимание. Ухватив старшего под руку, он оживленно пустился в повествование о последних месяцах.

Осторожно, чтобы не привлекать к себе внимание, Глэм двинулся за молодыми людьми. Предчувствие, интуиция говорили ему, что младшему тайнику может понадобится его помощь. А может, и самого тайного советника.

Уже под вечер, слегка замерзнув, братья вернулись к дому ювелира.

В быстро надвигающихся сумерках Локо все же смог рассмотреть, что снег перед

коваными воротами усадьбы был утоптан так, словно здесь потанцевал весь Уилтаван.

«А может, не стоит и заходить?» — встрепелось нехорошее предчувствие у подмастерья ювелира, но тут же, словно из-под земли, перед ним возник сам мастер Скорпо.

— Как погуляли? — приветливо улыбаясь, шагнул он к ним. — Сильно замерзли? В доме вас ждут еда и тепло. Или предпочитаете стоять здесь? — Он взял ребят под руки. — Поверьте на слово, внутри лучше. — Он сжал локоть старшего сына Мийяры, собравшегося было дать деру.

Мурашки пробежали по спине Локо. Он уже догадался, что его ждет дальше. Его уберут из этого дома. Только вопрос: как? Под каким предлогом? И главное — куда?

Каяс ввел ребят в ярко освещенный зал.

«А где еда?» — недоуменно завертел головой Инвар. Но увы, длинный широкий стол был пуст, зато рядом с ним вместе с хозяевами стоял совершенно незнакомый богато одетый мужчина.

— Инвар, Поакор проводит тебя в комнату, — сухо произнес чародей.

— Пойдемте, молодой господин. — Слуга слегка, вроде невзначай, подтолкнул его к выходу. — Вас ждут ужин и постель.

— Да-да, иди, Инвар! — В голосе волшебника звучала просьба, но тут же в голову ударил холодный, злой, даже угрожающий тон приказа. — «Ступай отсюда! Вон! И быстро!!!».

Беспомощно оглянувшись на побелевшего Локо, ученик мага позволил вывести себя из комнаты.

— Теперь с вами, молодой человек. Позволю себе представить господина Келари. Являясь человеком, полностью отвечающим за вас и ваши поступки, я отдаю вас в его распоряжение с этого момента и до конца жизни. Все детали сделки уже оговорены с господином Ень-Иро, вашим *бывшим* учителем и хозяином. Мэтр Келари, он ваш.

— Благодарю, — сухо поклонился мужчина, — полагаю, что на этом наша сделка будет считаться заключенной?

— А все долги выплаченными, — подтвердил Каяс.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Локо внутренне сжался, прикидывая возможности побега — кем бы ни был этот человек, ничего хорошего он не сулил.

— Даже не думай... щенок... — Келари щелкнул пальцами, и из-за портьер в комнату шагнули два рослых парня, облаченных в клепаные кожаные доспехи.

«Отродье! Солдаты... Значит, Скорпо решил определить меня на действующую службу?»

— Добро пожаловать в Красный Легион, парень! — пророкотал военный.

«Красный Легион Бревтона? О, нет...» — Локо затошнило. Худшей судьбы он не пожелал бы и самому злейшему врагу. Теперь все, прощай, воля. Даже у каторжников есть шанс выжить и увидеть свободу!

— Не плачь, телок! Зато теперь ты увидишь весь мир!

Ему заломили руки, выталкивая вон, но Локо все же успел крикнуть, разбрызгивая слюну:

— Скорпо! Я вернусь! Слышишь?! ВЕРНУСЬ!!!

— Буду ждать с нетерпением! — Чародей взял со стола бокал с вином. — Всегда к твоим услугам.

Холодное, чуть сладкое вино опрокинулось в пересохшее горло.

«Почему?.. — настойчиво билось в висок. — Почему я не смог войти в его разум? Почему?!»

Когда волшебник, а это был именно он, в этом Глэм не сомневался, увел мальчишек за собой, тайник увидел, как тут же к воротам усадьбы подъехала крытая карета.

— Это еще кто? — вслух удивился тайник. Но из кареты никто не выходил, и Глэм, вытащив неизменную фляжку, приготовился ждать до последнего.

Ждать пришлось недолго. Только-только он сделал второй глоток очень крепкого мутного белесого вина, как из ворот показались люди.

Младшего тайника тащили по снегу солдаты, во главе с... Глэм так и застыл с деревянной баклагой в руках. За упирающимся Локо, словно на плацу, вышагивал Келари — командир корпуса Красных Легионеров.

— Вот это да! — Тайник, развернувшись, побрел прочь, бормоча про себя: — Значит, мэтр Скорпо знает у нас с господином Келари. Надо сказать, сюрприз. И еще какой... Выходит, что легионер, зная того или нет, а я считаю, что *зная*, вмешался в дела тайной службы. Так или иначе паренька надо спасти хотя бы потому, что он весьма ценный свидетель, а завтра корпус во главе с Келари выходит в Гольлор для переправки на Острова Вепря для усмирения восстания по просьбе тамошнего Владыки. И скорей всего застрянут там на год, а может, и более... Вывод? — Глэм встал посреди улицы, тупо упершись взглядом в замерзающего нищего.

— Подайте на хлеб во имя наступающего праздника и Отца нашего Единого и других богов! — заголосил тот, протягивая обезображенную волдырями ладонь.

— Да... конечно... — Глэм протянул недопитую флягу и, только тут сообразив, что делает, отдернул руку — видели бы сейчас все это его коллеги... у многих бы сердце остановилось!

Глядя в глаза попрошайке, тайник вылил вино на мостовую, после чего кинул пустой сосуд себе под ноги.

Запахнувшись плотнее в подбитый мехом плащ, он устремился в сторону дворцовой площади.

«Надо написать докладную главному советнику — давно мы уже город от всякой падали не чистили!» — брезгливо вытирая руки о платье, заторопился он.

— Надеюсь, мой друг, теперь ты успокоился? — Каяс уселся за стол.

— Да, наверное... — Ювелир присел рядом, придвигая к себе бутылку с вином.

— Мэтр Скорпо, а откуда вы знаете этого человека?

— Келари? — Чародей налил вина полуэльфу, не обидев и себя. — Старый знакомый. Когда-то даже, можно сказать, *дружили*. — Последнее слово маг только что не выплюнул.

— Говорят, он недавно овдовел? — осторожно спросила Тизария.

— Да... говорят, — по-хамски цыкнув языком по зубам, выбивая застрявшую крошку, кивнул чародей. — Напиться, что ли? День какой-то... все через... — взглянув на враз покрасневшую женщину, он замолчал.

— Ень-Иро, — выпив, наполнил он стакан, — завтра мы уезжаем. Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, поэтому говорю: *больше я тебя никогда не побеспокою*. Клянусь. А сейчас, *пожалуйста*, оставьте меня одного.

Старый слуга принес одиноко сидящему Каясу еще одну бутылку и большое блюдо жареного мяса с овощами.

— Что-нибудь еще? — поклонился Поакор.

— Ответь мне, почему я не смог прочесть его мысли? — повернулся к нему маг. — Почему?

— Я не знаю, господин. Возможно, пришло время... — неуверенно начал старик.

— Уйди... — отвернулся к тарелке Скорпо. — Нет! Ты это... принеси-ка еще вина.

На выжженном поле, довольно улыбаясь, стояла Смерть. Гордо уперев руки в кости бедер, она щерилась, провожая пустыми глазницами одну за другой поднимающиеся к небесам души.

Среди стонущих тел стояла она королевой бала, приветствуя вошедших и предвкушая появление новых гостей.

А в парадной, давля друг друга, толпились люди, спеша вступить в мрачную залу под плач ангелов и торжествующе похабный вой уродцев.

Ступая по плитам ледяного пола, души брели к радушной хозяйке, и она прижимая их к себе, шепотом говорила каждому заветные слова.

На пиршественном столе в подсвечниках рдели сердца, разбрызгивая в стороны багровый свет. На серебряных блюдах, в бокалах с драгоценными камнями жарко пылал неземной огонь.

— Угощайтесь, мои дорогие! Обретите покой! — зазывала вечная хозяйка. — Отведайте плоти ближнего...

И входящие вкушали. И запивали небесным огнем. И с каждым глотком все сильнее вспыхивали свечи... И с каждым проглоченным куском свечи тускнели...

И вот уже пьяных и сытых гостей грузят на каменные палантины, и могучие арии несут их на другое пиршество, где опоясанные кольцами черви насыщаются их телами. А красноглазые уродцы тешатся душами.

И платят собой они...

Платят...

Платят...

Платят...

А готов ли ты?

Ты готов?!!

И шепот, изливаясь из стен, врывается в грудь. Расплавленной рекой входит в душу. И разрывается грудь, выпуская бьющееся сердце, готовое занять место на праздничном столе.

Открыв глаза, Инвар сразу же сел на кровати, оглядываясь вокруг. На улице еще темно... Постель брата не тронута... Видимо, Локо так и не ложился. Или это он только задремал, а по-настоящему еще и не спал? Да нет — снаружи доносится шум просыпающегося города, а через стены — запахи кухни.

Опустив босые ноги на пол, Инвар поежился, но, кое-как переборов себя, все-таки встал и направился к чаше с водой. Наскоро умывшись, он оделся и через маленький дворик зашагал к главному дому усадьбы.

Попадающиеся навстречу слуги отводили глаза, отворачивались, словно пытаясь скрыть нечто ужасное для него. Полный нехорошего предчувствия, Инвар поспешил в дом.

— Твой учитель там, — коротко кивнув через плечо, указал Поакор и попытался уйти.

— С ним все в порядке? — спросил мальчик, и сердце его затрепетало точь-в-точь как на *том... праздничном* столе.

— А что с ним сделается? — Старый слуга открыл перед ним дверь.

Девин Каяс сидел за столом, обхватив голову руками. Вокруг него валялись пустые кувшины, осколки посуды, остатки закуски и множество... поломанных свечей.

Огарки валялись то тут, то там, словно их кидали, топтали и невесть что еще пытались с ними сделать.

«Он что, жонглировал ими?» — остолбенел Инвар.

— Я их... это... ну... — поднял зеленое от бессонницы лицо Каяс. — И нормально... летают...

— А где Локо? — присел на краешек стула паренек.

— Локо?.. Локо тоже... — махнул рукой в сторону окна чародей, — тоже... улетел... В дальние края... теплые страны... Да и нам... уже пора...

— Куда? В теплые страны? — недоуменно икнул Инвар.

— Если бы... — непонятно куда кивнул головой Скорпо, — на го-до-вой отч-ет... — И добавил, вытирая ладонью лицо: — Между прочим, штука страшная!..

Только через день на полпути до Башни Лео Скорпо смог разъяснить, куда подевался Локо. Рассказал честно, без утайки, рассчитывая на понимание ученика, и не ошибся в нем.

— Хотя Локо мне и брат, — выдыхая морозный пар, тяжело вздохнул Инвар, — но я вас ни в чем не обвиняю. Более того, наверное, на вашем месте я поступил бы так же.

«Если не хуже...» — добавил он про себя.

Остальную часть пути они ехали молча, лишь изредка обмениваясь ничего не значащими фразами. В какой-то момент Инвар хотел было рассказать о подозрениях по поводу вчерашней прогулки с братом, но вовремя прикусил язык, продолжая копаться в своих мыслях и не забывая при этом блокироваться от вездесущего Скорпо.

С первого взгляда Репьевый Куст походил на родную деревушку Инвара, только немного поменьше. Крестьяне молча провожали глазами путников, препятствий не чинили, но и радости не выказывали.

Перекидывающиеся снежками мальчишки вызвали в сердце Инвара откровенную зависть, и он чуть не сорвался, чтобы не присоединиться к ним, но под строгим взглядом учителя только поддал в бока своему коню.

Едва всадники покинули деревеньку, как их взорам предстал огромный холм, на верхушке которого высились причудливо изогнутые башни замка.

— Вот Лео, ну не может, чтобы не экспериментировать! — изрек Каяс и тут же пояснил: — Каждый год меняет очертания замка. В прошлом году его Башня состояла из одних сфер. А до этого была самой натуральной пирамидой.

— Где ж он столько рабочих берет? — впился глазами в надвигающееся строение мальчишка.

— Инвар! Не вздумай сказать что-то подобное на Конклаве! — осуждающе обернулся Скорпо. — Во-первых, Лео один сильнейших магов Кристалла, а во-вторых... Это же самая обыкновенная иллюзия! Но очень высокого качества.

Они стали подниматься по крутому склону холма. Неожиданно лошади начали фыркать, втягивая в ноздри холодный воздух.

— Спокойно, Гнедыш, — погладил жеребца Каяс, — тебе не привыкать... успокойся.

— Что случилось? — огляделся вокруг ученик.

— А ты разве ничего не чувствуешь?

Инвар напрягся — вроде ничего, и тут... волна тепла окатила его снизу, откуда-то из-под земли. Мальчик прислушался, не как нормальный человек, а как маг. Ученик мага.

Холм представлял собой средоточие сразу множества силовых линий. Этаким полюс, где сошлись воедино все ветры мира, обращенные в силу земли и стихий.

Лошадь ученика заупрямилась и попробовала встать на дыбы.

— Наложить защиту, обормот! — не выдержал этого зрелища Каяс.

Сосредоточиться на взбесившейся лошади так же просто, как, скажем, сидя в кипящем котле. Но мальчик нашел силы, чтобы заключить себя, а заодно и напуганное животное в сетчатую сферу *пустой энергии*.

В воздухе несколько раз хлопнуло, по невидимому куполу пробежали синие искры, но лошадь успокоилась, лишь осторожно покосилась на седока.

— Молодец. Умеешь, если захочешь, — одобрительно кивнул Скорпо.

Впервые Инвару приходилось нести *сеть* над кем-то еще, кроме самого себя. И, однажды умудрившись «упустить» ее, тут же чуть не свернул себе шею, сброшенный моментально вновь взбесившимся конем.

Скорпо еле перехватил ученика на лету, одновременно управляясь сразу с двумя лошадьми.

Водворенный в седло ученик получил честно заработанный подзатыльник и снова, но уже намного быстрее выставил купол. Путь был продолжен.

— Постарайся ничему не удивляться. Хотя бы делай вид, — предупредил парня Каяс, когда дорога выпрямилась и невдалеке показались ворота Башни.

Как Инвар ни готовил себя, все же увиденное стало шоком: за три десятка шагов от ворот их встречала парочка...

Заставь мальчика описать это, он бы просто растерялся, подыскивая слова: огромные, бесформенные куски мяса, слепленные друг с другом так, словно Творец был элементарно пьян, когда создавал это.

«Я так понимаю, что дубинки им для того, чтобы руки было чем занять, — икнул Инвар, — а размеры так, для разнообразия».

Ближайшее «существо» ответило приглушенным рыком, предупреждающе помахав дубиной.

Каяс распустил шнуровку плаща, показывая татуировку скорпиона. Чудище еще раз рыкнуло, но уже как-то одобрительно, заодно приоткрыв глаза. Инвар вздрогнул и отвернулся: мало того, что эти глазищи торчали невесть в каких местах «тела», они еще были покрыты зеленой слизью и, верно, для большего впечатления расчерчены, как паутина.

— Хватит дремать, нас впускают! — толкнул его Каяс. Стражники дружно загудели, постукивая дубинами о землю.

— Что это было? — с шумом выдохнул Инвар, когда ворота и его сторожа остались за спиной.

— Гомункулы... — не поворачивая головы, ответил чародей таким тоном, словно тон этот объяснял все.

— Спасибо, учитель, я все понял! — не удержался от ехидства парень.

— Искусственно созданные живые существа, — с явной неохотой пояснил Скорпо. — Мэтр Лео уже шестое поколение бьется над этим.

«Мэтр Лео? Шестое поколение? Что за чушь?»

— Давай-ка поговорим спокойно, дружок, — неожиданно осадил коня маг.

Они остановились в огромном, подобном горному ущелью коридоре.

— Рано или поздно мне придется кое-что разъяснить тебе... Нас ровно двенадцать. По числу *говорящих звезд*. И каждый из нас носит имя той или иной звезды.

— Это на антыни, да? Названия звезд на этом языке? — не выдержав, перебил мальчишка.

— Не совсем, — Каяс не стал ставить на место нетерпеливого, — продолжаю. Мы — высшие маги этой грани, и Небом было определено, что нас должно быть не больше и не меньше двенадцати. Рано или поздно один из нас находит себе ученика, чтобы передать ему свои знания и опыт. Когда наступает время, ученик сходится в поединке со своим учителем. Если побеждает, то занимает его место в Конклаве и берет его имя. А иногда даже и силу.

Инвар оценивающе взглянул на учителя: «Скорей всего в драке от меня только лохмотья останутся».

— Поединок магический, — разочарованно качнул головой Каяс, — если ты не сбежишь от меня раньше, то лет этак через пятнадцать — двадцать я вызову тебя на поединок. Никакого оружия или рукопашного боя — только наши знания, умения и опыт.

— А... — с некоторым облегчением вздохнул Инвар, — ну тогда...

— Обычно побежденный погибает, — закончил чародей и тронул коня вперед.

— Оп... — захлопнул рот мальчик, уставившись в спину учителю.

Немного постояв в нерешительности, он пустил коня следом.

Они долго ехали молча, и Инвар пытался осмыслить то, что услышал.

— Вот вы сказали, что ученик берет имя учителя. Если победит, конечно...

«И почему я спросил именно об этом? Неужели *это* волнует меня сейчас больше всего?» — обругал себя паренек, но было уже поздно, и он продолжил:

— Выходит, меня тоже будут называть Скорпо?

— Да.

— Понятно... А если ученик не победит?

— Маг будет искать нового ученика.

— А если никогда его не найдет? Он же не вечен, тогда что будет?

— Тогда звезда сгорит.

— И что же будет в таком случае?

— Конклав Одиннадцати...

Если бы не бесчисленные колонны, возвышающиеся над полом, то Инвар подумал бы, что они находятся где-нибудь посреди бескрайнего поля или каменной пустыни — стен у зала не было. Или, точнее, их просто не было видно. Впрочем, как и потолка.

Ученик обернулся, но двери, в которую они вошли, тоже не было.

«Иллюзия...» — успокоился Инвар, осторожно разглядывая присутствующих.

— Не вздумай применять что-либо, чему я тебя учил. Магия здесь запрещена, — не шевеля губами, приказал Каяс и успел добавить: — Только когда разрешат или прикажут.

— Мастер Скорпо! Как я рад вас видеть! — тяжело шагнул к ним полный мужчина с маленькими глазками под массивным безбровым лбом.

— Мастер Ариес!.. — уклонился от объятий Скорпо, ухватившись обеими руками за запястья мага и горячо тряс их.

Лицо Каяса просто светилось от счастья. Инвару даже показалось, что вот-вот и по щекам учителя потекут скупые слезы радости.

— Я так рад вас видеть, так рад! — захлебывался слюною толстяк, меж тем косясь на Инвара. — А это, я понимаю, ваш ученик?

— Да, он самый, — отпустил руки Скорпо, — так сказать, Скорпо-младший.

— Миленький... — Ариес неожиданно провел ладонью по лицу мальчика. — Даже еще не бреется... — не то завистливо, не то мечтательно вздохнул маг.

— Я слышал, что мэтр Писке сегодня тоже придет со своим новым учеником.

— Правда? — Ариес перестал пожирать глазами Инвара. — Это у него уже второй, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь!

— Кстати, вот и они, — зашпешил к возникшим прямо из воздуха чародеям Ариес — Простите... И я не прощаюсь!

— Конечно, — поклонился вслед магу Каяс — Хочешь что-то сказать? — повернулся он к ученику.

— А?.. — Инвар растерянно трогал еще не остывшую после чужой руки щеку. — Чего это он?

— Ты про сюсюканье? — улыбнулся колдун. — Видишь ли, есть люди, которые *не любят* женщин...

— А кого же они тогда *любят*? — совсем растерялся мальчик. — Неужели?.. — ему стало немного не по себе от этой догадки.

— Да, — коротко кивнул Скорпо, направляясь к главе Конклава.

«Боги, куда я попал? — поплелся следом Инвар, осторожно поглядывая на собравшихся. — А вдруг?»

— Мастер Лео! — склонился в вежливом поклоне Скорпо.

— Рад видеть вас, мэтр, — почтительно нагнул седую голову старец. — Надеюсь, вы в добром здравии и расположении духа?

— Как всегда, милостивый государь, — чуть выпрямился Скорпо.

— Прошу вас, встаньте нормально: я же не вижу вашего лица, — в голосе главы Конклава мелькнуло легкое раздражение.

— Благодарю...

— Оставьте эти церемонии... — Лео взял чародея под руку. — Ты ведь разрешишь на время похитить твоего учителя? — неожиданно обратился старик к Инвару. — Обещаю вернуть его живым и здоровым.

— И сегодня! — неожиданно для самого себя сдержил мальчишка и тут же мысленно дал себе по губам.

— Каков наглец, а?! — громко расхохотался маг, игриво толкая враз побелевшего Скорпо в бок. — Прямо как ты в молодости, дорогой друг!

«Дорогой друг?! — поперхнулся Инвар. — Он что, ТОЖЕ?! Куда же я все-таки попал?!»

Оглядевшись, молодой человек заметил, что маги парами разбрелись по огромному залу, а их ученики сгрудились кучкой у длинного, невесть откуда взявшегося стола. Немного поразмыслив, Инвар решил присоединиться к ним.

Чем ближе подходил он к ученикам, тем сильнее билось его сердце, ноги становились

деревянными, а в горле першило так, что он начал задыхаться.

«Небо, с чего я так волнуюсь?» — еле сдерживая слезы, вышагивал он по идеально белому полу. В какой-то момент ему захотелось упасть на колени, укрыться с головой, как когда-то укрывался под грудью матери, спасаясь от ненавистного Локо.

Как наяву возник перед глазами старший брат, гонящийся за ним по двору с крючковой палкой в руках — «загнать непослушную лошадку». Палка бьет по босым пяткам, спине, он бежит все быстрее, не смея крикнуть, позвать на помощь.

Не выдержав, Инвар в панике, несмотря на запрет, загородился щитом, отодвигая от себя мираж. Сквозь туман рассеивающейся картинке он увидел, как один из учеников хватается за голову, раскидывая в стороны посуду и кушанья, и заваливается на стол.

Страх мгновенно исчезает, оставляя ученика Скорпо в недоумении — что это, проверка? Но ведь учитель предупреждал, что применять магию в этих стенах насторого запрещено!

Инвар неуверенно подходит к молодым людям и, встав по свободную сторону стола, вопросительно смотрит на них исподлобья.

— Ладно, друг, остынь! — после долгой паузы обращается к нему рослый малый, встряхивая золотистой гривой вьющихся волос. Инвар невольно залюбовался им — тонкие изящные черты лица, небесного цвета широко поставленные глаза на слегка загорелом лице. Наверное, природа ошиблась, создав его мужчиной. Поставь этого парня рядом с Ень-Иро, и женщины всей грани повесятся от зависти и безысходности.

— Ты уж прости нас за эту маленькую проверку. Пойми правильно, мы ведь должны знать, с кем нам придется иметь дело. А меня зовут Карри, ученик Вирго, — широко улыбнулся юный маг, демонстрируя превосходные белые зубы. Инвар только вздохнул, в отличие от него самого, этот Карри был просто совершенством.

— Инвар, ученик Скорпо, — представился он, оглядывая собравшихся.

— Фар А'норт, ученик Гемине, — разжал губы тот, что пытался атаковать сына Мийяры. Было видно, что парень еще не отошел от ответного удара — он был бледен и, казалось, слаб.

Один за другим представились и другие ученики магов.

— Ты сам из каких краев будешь? — пробасил крепыш с татуированной правой щекой. Только сейчас Инвар заметил, что разноцветный рисунок искусно скрывал уродливый шрам.

— Здесь недалеко, дня... — и осекся, чуть не сказав «дня четыре пути».

«Зачем им знать, откуда я родом? — вспомнил Инвар одну из первых истин Айдо: «Никогда не открывайся перед первым встречным, ведь ты не знаешь, с чем он пришел к тебе. Ложь потом можно будет исправить оговоркой или осторожностью. Смерть уже ничем не исправишь».

— Дней шесть-семь на восток, — неопределенно махнул рукой ученик Скорпо, — оттуда я.

— Так ты из Вильсхолла? — оживился будущий Таурис. — Надо же, почти земляки.

— Кстати, ребята, — спасая Инвара от дальнейших расспросов, встрял в разговор под корень выстриженный ученик, — а где Хожад? Почему он не с нами?

— Ты разве не знаешь? — повернулся к нему Фар А'норт. — У него сегодня экзамен. Так что посмотреть будет на что.

«Экзамен... — насторожился Инвар, — поединок, что ли?»

— Вы хотели о чем-то поговорить со мной? — Каяс старался ступать в ногу со старым чародеем.

— Да, мой друг, — опираясь на посох, щербато улыбнулся Лео, — сегодня мой день. Ты знаешь об этом?

— Догадывался... — грустно кивнул Скорпо. — Вы уверены, что так надо? Хожад еще так молод, а вы весьма недурно...

— Девин, прекратите. — И Скорпо вздрогнул, невольно оглядываясь: в их кругу было не принято называть друг друга родовыми именами. Но глава, даже не смутившись, продолжал: — Я знаю, что сегодня общаюсь с вами последний раз. У меня единственная просьба. После того, как я... — Лео остановился, рассматривая стершийся конец посоха, — ...как я уйду, сделайте все возможное, чтобы Канцер не стал главой Конклава. Больше ничего не прошу. — Старик продолжил путь.

«Да, если Канцер станет на место Лео, то...» — покачал головой Каяс, последовав за стариком.

Только он хотел задать еще один вопрос, как гул набата прокатился над головой, и огромная пещера стала самым обычным дворцовым залом. Совет Двенадцати начался.

— Господа! — Сидя на высоком, выточенном из цельного камня голубого мрамора кресле старый маг обвел присутствующих тяжелым взглядом. — Кроме обычных вопросов, подлежащих общему обсуждению, у нас сегодня два поединка. Ученик Вирго вызывает своего наставника, а после этого... так сказать, на десерт, — слабо улыбнулся Лео, — я буду иметь удовольствие сойтись в поединке со своим питомцем.

— Но, мэтр, — вскочил с места Гемине, — мы не можем проводить одновременно два боя.

— Правильно, — Лео жестом усадил мага на место, — именно поэтому я спускаюсь в подвалы завтра, а через несколько часов... — чародей указал на вспотевшего Карри.

«Наверное, они будут драться в этих подвалах, — стоя за спиной Скорпо, Инвар попытался рассмотреть Вирго, соперника и учителя Карри. — Эх, хоть бы одним глазком...»

«Будешь... обязательно... — голос Скорпо звучал четко и ясно, — и сегодня, и завтра...»

— Одно слово! — неожиданно вскинул руку Карри.

— Что такое? — поднял седую бровь Лео.

— Мэтр... я не вызывал своего учителя на поединок... Это какая-то ошибка... — голос золотоволосого дрожал. На лбу и на щеках блестели капельки пота.

— Не бойся, он тебя только покалечит, и все... — услышал злобный шепот у себя за плечом Инвар. Он попытался взглянуть на этого *добряка* и обомлел... Поглаживая пальцем линию татуировки, подопечный Тауруса открыто улыбался, глядя на дрожащего Карри.

«Но почему?! Ведь только что они стояли рядом! Разговаривали меж собой как лучшие друзья». — Инвар отвернулся, упираясь взглядом в обреченного ученика.

— Мэтр Вирго, что вы скажете на это? — Лео положил подбородок на согнутые в локтях руки. Было видно, что ему все равно, что он устал и вся эта словесная перепалка ему ни к чему.

— Уважаемое собрание, — поднялся из своего кресла высокий старик, — мне был брошен вызов, и, несмотря на то что этот... *субъект* находился в обучении всего ничего, я был вынужден принять этот вызов.

— Я... ничего... такого... не говорил!!! — Карри уже кричал. — Учитель, ведь вы же знаете правду!

— А это написано твоей рукой?! — Вирго бросил на стол пергамент. Вместо ответа молодой человек развернулся на каблуках и, еле сдерживаясь, чтобы не побежать, удалился из зала.

— Если с этим вопросом покончено, то попрошу учеников выйти, дабы позволить верховным магам обсудить некоторые вопросы, которые их подопечных не касаются. — Лео, взяв брошенный лист, с интересом разглядывал его.

«Ничего хорошего из этого не выйдет!» — Инвар побрел вслед за остальными.

Едва тяжелая дверь закрылась, отделив подмастерьев от учителей, Карри, несмотря на смуглость кожи, бледный, как сама смерть, устремился навстречу вышедшим юношам.

— Узела, отвечай, это твоих рук дело? — обратился он к ученику Тауруса.

— Друг!.. О чем ты?! — Было видно, что удивление наигранно, а вкупе с насмешливым тоном все становилось очевидным.

Золотоволосый выбросил руки вперед и сорвавшийся с них огненный шар с громким жужжанием полетел прямо в голову вильсхолльца. Инвара толкнули в грудь, отодвигая в сторону. Когда он поднял голову, Узела, в свою очередь вытянув руки вперед, невидимым щитом удерживал брошенный комок огня перед собой.

— Прекратить немедленно! — В коридоре появился молодой маг.

— Мастер Либра, — прохрипел Карри, удерживая перед собой возвращающийся снаряд, — если мне суждено сдохнуть, то я хочу знать, что жакхе, убившее меня чужими руками, более не будет поганить своим присутствием эту несчастную землю!

С последними словами он изо всех сил толкнул шар вперед. Узела отступил, упершись спиной в камень стены — дрожащий огонь полыхал уже у самого его лица и, казалось, вот-вот должен был разорваться.

Либра махнул посохом, увенчанным на конце фигуркой весов, и струя воды окатила шар. Следующим взмахом он выставил между соперниками ярко-синюю стену льда.

— Вы оба... идете за мной... — Дверь в зал совещающихся магов, тяжело заскрипев, открылась настежь. — И не заставляйте себя ждать!

Сначала Карри, а затем и Узела вышли из коридора.

— Интересно, на каком рынке он себе посох нашел? — вытер выступивший на лбу пот Фар А'норт и натужно рассмеялся. — Во, ребята попали!

— Что они хоть не поделили? — Инвар толкнул стоящего рядом паренька.

— Кто его знает... — Молодой маг, не отрываясь, смотрел на теперь уже закрытую дверь. — Кто-то говорил, что Узела равнодушен к тем, кто симпатичнее его. Может, это действительно правда?

«Небо! Куда я попал?! — По телу ученика Скорпо пробежали мурашки. — Кажется, я это сегодня уже говорил».

За то время, что совещались маги, Инвар успел вдоволь наслушаться сплетен по поводу учителей и тех событий, что происходили конкретно вокруг каждого из них. Из всего этого будущий Скорпо сделал следующие выводы.

Первое. Или он самый ретивый ученик на свете, или вокруг него одни бездельники и раздолбаи. Если, конечно, молодцы не наговаривали сами на себя, что исключалось в

принципе. Хотя... С этим выводом Инвар решил пока не спешить, оставив размышления на потом.

Второе. Девин Каяс — один из самых сильнейших магов на восьмой грани, хотя бы потому, что принципиально не пользуется разными штучками вроде посоха Либра или жезлов Лео. Или же Девин Каяс — великолепный обманщик и пройдоха, хотя бы потому, что без вышеперечисленных предметов достойной магии быть не может. На эту тему Инвар размышлять не стал, резонно рассудив, что время покажет, да и достойной магии он пока еще не видел, а значит, справедливо судить не может. Фокус с водой и летающим огнем не в счет — даже он мог сотворить подобное, особо не напрягаясь, лишь бы силовая линия была в буквальном смысле под ногами.

Третье. Искусство магии вещь, бесспорно, интересная и занимательная, но на доходы от нее обеспеченно и долго не проживешь. В большей части королевств прямое волшебство под запретом, а в тех, где разрешено, все же есть ограничения или все население состоит из того же мага, его ученика и одной-двух женщин по хозяйству.

И последнее. Что бы ни решил на своих ежегодных заседаниях Конклав, каждый из присутствующих делал, делает и будет делать все так, как ему заблагорассудится. А все эти съезды нужны только для того, чтобы посмотреть друг на дружку, себя показать да коллег по цеху маленько устройству жизни поучить.

И самое последнее. Как Инвар ни напрягал уши и слух, он так и не понял суть конфликта треугольника: мастер Вирго — Карри — Узела. И чем закончится этот «спор», даже предположить не мог.

Размышления ученика прервал очередной скрежет двери — их позвали в зал к чародеям. — Учитывая сложившиеся обстоятельства, — начал Лео, не дожидаясь, пока ученики займут свои места, — объявляю: подмастерье Карри должен сойтись с подмастерьем Узела для выяснения истины. Если подмастерье Карри окажется правым, то он должен сойтись в поединке со своим учителем, дабы стать *следующим* мастером Вирго или *уйти* от нас. Все свободны. После ужина вы снова увидите.

Лео устало взмахнул рукой, и все вокруг задрожало, растворяясь в воздухе. Оглянувшись, Инвар понял, что стоит с собственным учителем в гостевой комнате.

Только в узкой щели стенки мелькнули Южные ворота, повозка остановилась.

— Какого Отродья?! — прорычал ветеран, стараясь выглянуть на улицу из-за широкой спины возничего. — Это что, привал? Мы еще и из города-то не выбрались!

Локо приподнялся было на локте, собираясь оглянуться через плечо, за что тут же получил пинок в зад.

— Упрись обратно, щенок! — прогрохотало сверху. — Тебе еще не велено поднимать башку.

«Да пошел ты!» — до крови закусил губу парень.

— Эй, мужики, что за хреновня творится? — бряцая оружием, подал голос другой солдат.

— Ничего себе! — откликнулся возница, поворачиваясь к легионерам. — Ребята, вы будете смеяться, но, кажись, нам шмон учинили!

— Чаго? — Сержант встал с места, подаваясь к выходу. Локо только сильнее сжал зубы, когда кованый сапог уперся ему в ляжку.

— Это ж кто такой умный, отца его в ссад! — проорал служивый, высовываясь, и тут

же, коротко охнув, завалился на спину, широко разбросив руки.

— Я!.. А что такое? — влез в повозку Глэм, потирая ушибленный кулак. — Мы тут молодца потеряли... Случайно не видели? — Тайник демонстративно вертел перед всеми знаком четырехугольника в четырехугольнике.

Услышав знакомый голос, Локо встрепенулся, поднял голову, но тут же кто-то наступил на него, нащупывая каблуком хребтину между лопаток.

— Не-а... здесь только свои! Ваших тут нет!

— Ет точно! Здесь нынче не воняет! — пошутил другой, и было слышно, как он поднимается со своего места.

— Абсолютно согласен, здесь не воняет, — улыбнулся тайник, — здесь просто *пахнет*... дерьмом! А ну выходи проветриться!

— ЧТО?! — заходила повозка ходуном, но другой, властный, голос остудил пыл легионеров.

— Цыц, кому сказал! Выходи. Стройся.

Один за другим солдаты спрыгнули на утопанный снег и стали рядом с Келари.

Тайник залез в пустую повозку и рывком перевернул Локо лицом вверх.

— Живой? — осведомился Глэм, криво усмехаясь. — А раз жив, выметайся отсюда. На сегодня твоя воинская служба закончена.

— А на завтра?.. — тяжело приподнялся на локтях парень: все тело нещадно болело и саднило от побоев, жутко хотелось пить.

— И на послезавтра тоже. — Глэм коротко свистнул, и двое младших тайников, как по волшебству, оказались рядом.

— Этого в «Дом». Привести в порядок. Насколько возможно, — взгляделся он в лицо Локо.

Несостоявшегося легионера подняли на руки, вынесли наружу и, завернув в заранее приготовленные одеяла, понесли. После второго толчка сын Мийяры не выдержал и потерял сознание.

Когда Локо унесли с места события, Глэм повернулся к Келари.

— Вот и все. Благодарю за содействие властям.

— Да за ради Неба! — в тон ответил военный. — Надеюсь, *увластей* нет к нам претензий?

— У нас — нет, а вот у него... — кивнул тайник вслед унесенному. — Вы когда обратно в Уилтаван собираетесь?

Когда после роскошного праздничного ужина подали напитки и десерт, в дверь гостиной вошел белый как снег Поакор. Уже предчувствуя неладное, Ень-Иро отставил поднятый бокал в сторону, отметив, что рука не дрогнула. «Видно, устал бояться. Да и сколько уже можно».

— Что там у тебя? — поднялся он из глубокого мягкого кресла. Вместо ответа старый слуга молча подал сложенный вчетверо листок и отступил, оглядываясь на зашторенные окна так, словно за ними прятались невидимые враги, готовые вот-вот ворваться в дом.

Ювелир не спеша развернул записку и, хотя почерк был незнакомым, сразу понял, от кого письмо.

«Я сделал все, что мог, но он на свободе. Простите».

И ни слова больше.

Даже подписи не было.

— Тизария... — скомкав бумагу, полуэльф отправил ее в огонь камина, — ты завтра уезжаешь к сестре в Гольлор.

— Я никуда не поеду. — Женщина взяла руки мужа в свои. — Я никуда не поеду, слышишь? — акцентируя каждое слово, сказала она.

— Возьмешь с собой Поакора и еще кого-нибудь. Я бы хотел, чтобы ты уехала уже сегодня, но тебя просто не выпустят из города. — Ень-Иро осторожно высвободил руки и, больше ничего не говоря, вышел в коридор по направлению к мастерской, мысленно прикидывая, хватит ли у него ингредиентов для *оссари*. И если да, то как и где организовать встречу с бывшим подмастерьем.

В подземелья замка Лео вела такая длинная и крутая винтовая лестница, что, пока они достигли ее конца, Инвар раза три умудрился, правда легко, подвернуть себе ногу.

Наконец чародеи и ученики вышли на ровную площадку перед огромными, в несколько раз выше, чем в зале наверху, дверьми.

Узела и Карри молча один за другим последовали внутрь. Створки, тяжело заскрипев, закрылись, отделив поединщиков от внешнего мира. Инвар вздрогнул: от этого звука мурашки бежали по коже.

«А ведь когда-нибудь и за мной закроются эти двери... когда-нибудь...» — И еще раз вздрогнул, когда по стенам пробежал гул.

— Похоже, ребята решили начать с огневых упражнений, — одобряюще кивнул головой Каяс, — правильно, почему бы достойным людям для начала не выпустить пар? Чувствуешь, как становится жарковато? — добавил он, и от подмастерья не укрылось, как учитель взглянул на Вирго. Тот, выдержав взгляд, лишь улыбнулся уголками губ, воздев глаза кверху: «На все воля всевышних!»

— Мастер, вы считаете, что победит Карри? — осмелился угадать мысли Скорпо Инвар.

— С чего ты взял? — Лицо чародея было равнодушным. — Если ты хочешь знать, кто останется в живых, то я отвечу тебе так... — он нагнулся к самому уху сына Мийяры, — в живых останется Вирго. Конечно, если ничего эдакого не случится.

— Что вы имеете в виду?

— Посмотрим... — пожал плечами волшебник. — Все только начинается.

— Почему Ень-Иро хотел от тебя избавиться? — Заложив руки за спину, Глэм расхаживал по комнате, время от времени поглядывая на Локо. Разоблаченный зрячий выглядел более-менее неплохо. Даже с синяком под глазом и опухшими разбитыми губами.

— Вы меня спрашиваете? — Парень попытался привстать на локтях, но острая боль заставила его остаться лежать на покрытой шубами лавке. Отдышавшись, он продолжил: — Если меня, то скажу так... Он просто испугался.

— Испугался чего? — Глэм повернулся к окну.

— Я случайно нашел в его книгах одну формулу...

— Какую еще формулу?! — Несмотря на то что голос тайника звучал раздраженно, человек уже знал ответ. Но ему хотелось, чтобы мальчишка сам произнес приговор полуэльфу.

— Оссари, — Локо с сожалением выговорил заветное слово. Как бы ни хотелось ему оставить козыри при себе, их приходилось выкладывать. Сейчас на кон была поставлена не

только *его*, Локо, судьба, а и сама его жизнь. — Вы знаете, что такое оссари?

— Я знаю, что *это* такое, — подавив торжествующую улыбку, повернулся к нему мужчина; дело сделано, и ювелир не только ответит за свое преступление, но еще именно этот юнец будет его и обвинителем, и уликой, и, скорей всего, палачом.

— Я наткнулся на формулу после того, как к Ень-Иро приходила какая-то полусумасшедшая баба. Вы же сами мне сказали примечать все, что казалось необычным. Так вот, эта дура требовала от хозяина, чтобы он на ней женился, или она расскажет всем, как он заработал себе состояние.

«Все же она пришла сначала к полуэльфу, — отметил про себя тайник, — действительно, сумасшедшая. А ведь со стороны все выглядело полной чушью!»

— Слуги выставили ее вон, а Ень-Иро первым делом бросился в библиотеку...

— А ты выследил его и то, зачем он приходил, тоже. — Голову Глэма посетила одна очень занимательная мысль, и ее требовалось немедленно обсудить с Самим.

«Уже поздно, но если этот ювелир действительно тот, кого мы ищем!..» Он решил действовать.

— Значит, так... — Он одернул платье, разогнав складки под широким, с ножнами меча ремнем. — Отдыхай и постарайся поскорей заснуть. Возможно, через несколько часов ты можешь понадобится. А нужен ты будешь здоровым и все такое. На, держи! — Он кинул парню небольшой флакончик. — Выпей — и проснешься уже совсем другим человеком. Да, кстати, а где серьга, что я тебе давал?

— Здесь она, — похлопал себя по груди Локо, — когда меня закрутили, я успел ее спрятать — мало ли что.

— Это хорошо... потом отдашь... — кивнул тайник, закрывая за собой дверь.

«Кажется, дорогой хозяин, скоро мы с тобой увидимся! — глотая горькую пахучую жидкость, чуть ли не вслух ликовал сын Мийяры. — Ох и увидимся! Ох и обнимемся!..» — Он погрузился в сон и сквозь дремоту видел летнюю речку, что текла возле самого леса, и местную помешанную, которая даже зимой ходила голой.

В зале стояла невыносимая жара, и Инвар, нещадно обливаясь потом, в первый раз по-настоящему пожалел, что решил избрать путь мага.

«Когда же это все закончится?» — собирался он уже спросить у Скорпо, но тут же, словно в ответ, раздался надрывный скрежет открывающихся дверей, и в проеме, еле стоя на ногах, показался почерневший от копоти Карри. Когда он сделал несколько неуверенных шагов вперед, все увидели, что за молодым чародеем тянется сиренево-зеленый шлейф густой слизи.

Когда-то голубые глаза лихорадочно блестели. Каждый шаг давался с трудом, и Инвару на мгновение показалось, что вот-вот, и ноги у парня подкосятся, переломившись пополам от невыносимой тяжести, что обрушилась на неокрепшие плечи.

Резкий запах ударил в ноздри юного Скорпо, и тот отступил, замотав головой, еле сдерживаясь, чтобы его не вырвало. «Они что, в яме нужника дрались?!» — зажмурившись, отвернулся он.

— Не может быть!.. — приглядевшись, тихо проговорил Каяс.

— Не может быть «что»? — наострил уши Инвар.

— А? — оглянулся чародей и, глядя мимо ученика, отмахнулся. — Потом...

Мальчик чуть не расплакался в ответ: все эти «потом», «помолчи», «не спеши» встали

поперек горла начинающего мага, ибо ему хотелось все знать немедленно, сейчас!

— ТЫ!!! — Карри ткнул пальцем в Вирго, и при этом вопле люди метнулись в стороны от мага, как воробьи от кошки.

— СЕЙЧАС!!! — закончил парень и... вытянувшись в человекоподобную змею, кинулся на соперника, что еще вчера посвящал его в тайные знания.

Вирго моментально, даже не меняя позы, посторонился, пропуская чудовище мимо себя. Лео вместе со Скорпо и еще одним магом, отталкивая учеников за спины, спешно воздвигали купол вокруг места поединка.

Змея взмыла вертикально вверх и, раскрыв ужасную пасть, спикировала на человека с потолка. Вирго вскинул кверху засветившийся огнем посох, целясь меж раздвинутых игольчатых зубов. Красный шар, загудев, сорвался с кристалла изогнутого жезла, но Карри-чудовище, зависнув на месте, плюнул прозрачной нежно-синей струей. Искры, обиженно зашипев, брызнули по стенкам защитной сферы.

— Уходи, пока не поздно!!! — проревел Лео, и Инвар удивился и восхитился, не ожидая такой мощи голоса, вырвавшегося из, казалось бы, дряхлого немоющего тельца.

Ученики и чародеи, все, кроме главы Конклава, толкая друг друга, устремились к лестнице. Инвара сбили с ног, он растянулся на каменном полу, а когда оглянулся, пытаясь встать, замер в ужасе, ибо даже в самых страшных снах, что всю жизнь преследовали его, не видел *такое!*

Два уродливых чудища, в которых было трудно угадать, кто есть кто, пожирали друг друга, слившись в одно целое, брызжущее яростью, огнем и болью.

Сын Мийяры полз на спине, отталкиваясь локтями и пятками от пола, даже не чувствуя, что стирает при этом руки в кровь.

Сфера мелко задрожала, когда густой дым заполнил ее.

Упершись затылком в стену, Инвар вполз по ней, широко раскрыв глаза, всматриваясь в клубящуюся мглу. Защитный шар дернулся раз, другой, резко увеличиваясь в объеме, и ученик Скорпо вдруг понял, что сейчас произойдет.

Преодолевая страх и неведь откуда накатившую вялость, он встал на ноги и, не обращая внимания на сильное головокружение, попытался добраться до лестницы.

«Дурак! Надо было в пещере укрыться!» — вдруг осенило его, но было уже поздно.

Гул взрыва смял его, бросив наземь и вжимая в пол. В спине хрустнуло, что-то липкое рухнуло сверху.

Когда ученик Скорпо поднял лицо, перед ним, чуть дымясь, лежала оторванная кисть не то Карри, не то его учителя.

Инвара замутило и, прежде чем он потерял сознание, его вытошнило.

Не вдаваясь в подробности, Каяс объявил, что, ко всеобщему удивлению, в живых остался Карри, тогда как Вирго пришлось соскребать со стен подземелья. После этого он велел Инвару привести себя в порядок и, больше ничего не говоря, ушел из предоставленной им комнаты.

Огромный чан с горячей водой ожидал мальчика посреди кельи. И, как ни саднило при малейшем движении тело, Инвар нашел в себе силы раздеться и залезть в благоухающую, чуть дымящуюся воду.

Приятное тепло воды кружило голову, и Инвар понял, что подобного блаженства доселе никогда не испытывал и, верно, уже никогда не испытает.

Он откинулся назад, положив руки на края ванны, запрокинул голову и прикрыл глаза...

Веки тяжелели... хотелось спать...

«Сейчас бы чего-нибудь... холодненького...» — расслабленно подумал Инвар и вдруг почувствовал, что держит в руке большую, запотевшую от холода кружку.

Лениво открыв глаза и поднеся сосуд ко рту, Инвар обнаружил, что перед ним душистый квас с мелкими крошками хлеба.

«Прямо как мама делает», — с удовольствием втянул в себя большой глоток мальчик.

— Ты звал меня, милый?.. — Из забурлившей воды показалось незнакомое и в то же время очень знакомое девичье личико.

Мокрые черные волосы разметались по обнаженным плечам, прилипнув к смуглой бархатистой коже.

Кружка выскользнула из раскрытой ладони и, всхлипнув, утонула, расталкивая розовые лепестки.

— Я... Вы... Я... знаю вас?.. — Инвар почувствовал, что начинает краснеть.

Незнакомка, рассмеявшись хриплым чувственным голосом, слегка подалась вперед, над водой обрисовались тяжелые округлые груди.

Мягкие губы коснулись еще не знавших бритвы щек. Язычок настойчиво, но нежно разомкнул юношеские уста, лаской возбуждая молодое тело. Изящные руки двумя крылами обняли хрупкие, по-детски угловатые плечи. Инвар почувствовал, что задыхается, когда ранее неведомое, страшное, но такое желанное чувство овладело им.

Он неумело попробовал приобнять девушку и, открыв глаза, встретился с ее черными, как предгрозовое небо, чуть раскосыми очами.

— МАМА?!!

Он попытался оттолкнуть ее, но Мийяра лишь сильнее заключила сына в стальные объятия, впиваясь в его рот упрямыми шершавыми губами, втягивая в себя, вырывая из горла язык.

Зрачки глаз мгновенно стали кошачьими, когти впились в кожу, длинный кожаный хвост ударил по воде, разбрызгивая грязь в стороны. Мальчик, задыхаясь, завопил в голос, судорожно заколотив руками по густеющей воде.

Ведьма, задрожав, толкнула его всем телом в образовавшийся омут. Инвар, соскользнув с края чана, почувствовал, что проваливается в никуда.

Горькая вода расплавленной смолой вливается в горло, запирая немой вопль. Сильные пальцы, срывая ногтями с шеи лоскутья кожи, нащупывают кадык, силясь сломать его. Тело падает все дальше вниз, и жуткие невиданные рыбы с мордами *уродцев* плывут навстречу, предвкушая знатный обед. Холодная чешуя касается спины, острые зубы впиваются в бедра, разрывают низ живота.

Могучая рука хватает мальчишку за волосы и выдергивает из водоворота омута.

— Эй, парень, ты живой?! — Каяса буквально швыряет обессиленного, в крови Инвара на пол.

Мальчик поджимает ноги к ране, упираясь коленями в неистово бьющуюся рыбину.

— Вига, что это?.. — растерянно отступил назад Скорпо. — «Избранный? ОН?!! Не может быть... не может быть...» — Раскачиваясь, чародей уперся взглядом в растекающуюся вокруг ученика лужу крови.

Может быть, ему просто показалось, а может, так оно и было, но из этой розовой мозаики на Каяса смотрел оскалившийся череп.

— Давно у тебя эти видения? — Девин Каяс осторожно обрабатывал края раны резко пахнущим снадобьем.

— Как себя помню... — сквозь сжатые губы буркнул ученик, еле сдерживаясь, чтобы не закричать в голос.

— Почему раньше не говорил? — Скорпо бросил на пол окровавленную тряпку, берясь за другую. — И что, *такое* каждый раз?

Влажная ткань с шипением обожгла плоть, Инвар, не выдержав, вскрикнул.

— Терпеть! — властным голосом отрезал вырвавшийся вопль Каяс — Я задал вопрос.

— До крови в первый... — прикрыл глаза мальчик. — Долго я так?

— Немного... день всего. Вообще-то нам завтра с утра уезжать... — Сменив повязку, чародей встал, взялся за метлу и ведро.

— И что, мы завтра поедем? — Инвар прислушался к своему телу.

— Не знаю... Еще не знаю. — Колдун сгонял в кучу обрывки тряпок. — Кстати, если тебе интересно, то Хожад не стал новым Лео. Тебе было бы любопытно посмотреть на этот поединок. Теперь старику придется искать себе нового ученика... Жаль, Хожад подавал большие надежды.

— Я уже один посмотрел...

— И еще увидишь много других. — Закончив уборку, Скорпо присел на край кровати. — А твоя матушка знала о твоих видениях?

Инвар молча кивнул.

— Почему же мне ничего не сказала? — Каяс скорее спрашивал самого себя. — Ладно, разберемся... Есть хочешь? — по-отечески провел рукой по сбившимся волосам ученика.

— Ладно... сейчас яд будет готов... — плохо соображающий ювелир начал рассуждать вслух. — Ну не прямо сейчас, конечно... но сегодня точно... Осталось только одно: как заставить этого недоноска выпить отраву? — Ень-Иро постучал мундштуком себя по лбу, — и как его хотя бы найти? Для начала...

— Только пить.

— А придется и поесть. — Чародей встал, направляясь к столу. — Тебе нужны силы, парень. Не хочется испытывать терпение хозяина, да и срок беспрепятственного проезда скоро закончится.

— Почему нас так боятся, мастер?

— По-моему, ты уже спрашивал меня об этом. Разве нет? Люди всегда боялись неизвестного. Я имею в виду простых людей. А власти? Они считают, что мы можем свергнуть их и присвоить себе их нищие владения.

— А разве нет?

— Можем... — Каяс опять сел на край кровати, раскрыв принесенный с собой сверток. Пахнуло ароматом куриного бульона, и Инвар почувствовал, что есть он действительно хочет.

— Можем, — повторил колдун, зачерпывая серебряной ложкой суп, — только зачем? Понимаешь, дружок, власть бывает разной. Это и власть над землями, людьми, еще невесть над чем и кем... Глотай не спеша — горячо. А мы... мы властвуем или пытаемся властвовать над силами природы, стихий, других миров. Вот в чем разница... Королю — земли,

богатства и люди. Священнику — души и мысли тех, кто приносит королю богатства и обрабатывает землю. Волшебнику все вышеперечисленное безразлично — в его руках силы, не подвластные ни монархам, ни святошам. Задача каждого из волшебников — постичь новое, объяснить его природу, подчинить себе в конце концов.

— И ради чего? — в очередной раз проглотил предложенное Инвар.

— Хотя это звучит и напыщенно, но ради будущего, парень, ради знаний. Именно поэтому каждый из магов должен передать весь свой опыт ученику, а тот когда-нибудь своему.

— Зачем же тогда убивать друг друга?

— Этот поединок — экзамен, достоин ли тот, другой, быть магом? По силам ли ему эта ноша? Это первая причина. А вторая и главная — равновесие. Каждый из нас к определенному моменту становится носителем огромного количества энергии, и убийство учителя — это просто предохранение грани от перегрузки. Это как сосуд с водой — он вмещает столько жидкости, на сколько рассчитан. Я даже затрудняюсь сказать, что было бы, если бы мы все жили вечно — учителя и их ученики, а то и ученики учеников! Мой учитель в свое время по этому поводу сказал так: «Это не убийство — это сохранение равновесия». Не отвлекайся, ешь, здесь еще много.

— Мастер, а вот эти двое: Карри и Узела...

— Ты хочешь спросить, что они не поделили между собой и почему Вирго захотел убрать своего ученика?

Скорпо задумался, неспешно помешивая ложкой еду.

— Начнем с того, что Таурус здорово ошибся, взяв себе в подмастерье этого парня. Его предупреждали: Узела завистлив, мстителен, недостоин быть магом. Но Таурус твердил, что это все молодость, все пройдет, мальчишка поумнеет, остепенится. Но не тут-то было. Поэтому когда Карри в прошлом году сдуру брякнул что-то о его внешнем виде, а ныне покойный комплексовал по этому поводу, то обиду затаил и, естественно, ее не забыл. Ты будешь есть или нет — все уже остыло! — Маг буквально засунул полную ложку в рот ученика. — А тут еще и Вирго посчитал, что слишком молод, чтобы умирать, ведь его подопечный набирал силу и уже планировал вызвать своего учителя на поединок если не в следующем году, то через два года наверняка. Человек слаб, его тоже можно понять. К слову, именно потому, что человек — тварь слабая, Конклав и наложил запрет на вмешательство его членов в политику. Отдадим должное Узеле — он быстро сориентировался в ситуации и воспользовался ею. Что из этого вышло, ты уже видел, — закончил объяснения Скорпо.

— А почему Конклав не вмешался?

— А зачем? Выживает сильнейший, дружок. Это уже закон природы. Так, ты доел? Молодец. Теперь спать!

Едва только жена в сопровождении верного Поакора скрылась за углом квартала, ювелир тут же заперся в своей лаборатории. Первый раз в жизни Ень-Иро пожалел, что нет у него смышленного ученика: готовить оссари — дело крайне сложное, а если еще учесть и плохо двигающиеся пальцы правой руки — последствие несчастного случая, то полуэльф приготовился к долгой, тяжелой и, главное, нудной работе.

Вся сложность и хитрость в изготовлении зелья: все должно быть готово вовремя. Не раньше и не позже установленного срока. Восемь разных ингредиентов — пять растительных, остальные три — минеральные. С растительными вроде бы все просто:

замочил, смешал, где выпарил, где процедил, слил, и все. Но с остальными, теми, что взяты из чрева гор и земли...

Время от времени прикладываясь к почерневшей трубке с эртсго^[5] размыкая воспаленные от бессонницы глаза, Ень-Иро три ночи напролет, ни на мгновение не покидая душевной комнаты, справляя нужду прямо тут же, в стоящем углу деревянном ведре, выверял вес компонентов и время соединения, готовился к выходу всего нескольких капель бесценного вещества.

К концу четвертого дня на острие завитой железной трубки показалась первая капля Слюны Вездамоса^[6].

Изнеможенный мастер еле двигающимися руками подставил прозрачную склянку и, опустившись на высокий табурет, раскурил очередную трубку эртсго. После первой затяжки по телу пробежала привычная мелкая дрожь, приносящая вместе с тем ясность мысли. После второй Ень-Иро с удовольствием потянулся, наблюдая, как темно-синяя жидкость не спеша наполняет флакончик.

С очередной глубокой затяжкой (ювелир не стал, как обычно, разбавлять наркотик табаком), время потекло медленно, комната лаборатории вдруг посветлела, а тело стало необычайно тяжелым, наполненным приятной истомой.

— Ладно... сейчас яд будет готов... — После следующей затяжки ювелир начал рассуждать вслух. — Ну не прямо сейчас, конечно... но сегодня точно... Осталось только одно: как заставить этого недоноска выпить отраву? — Ень-Иро постучал мундштуком себя по лбу. — И как его хотя бы найти? Для начала...

Ядовитый дым рисовал образы, возбужденный мозг искал ответы на вопросы.

— За что мне все это?.. — раскачиваясь из стороны в сторону, орал эльф выдавливающему из себя оссари прибору. — За что?! Что я сделал не так в этой проклятой богами жизни?! Почему я должен бояться какого-то недоноска?! Почему я должен дрожать за свою жену, когда меня нет дома?! Почему?..

Глаза Ень-Иро наполнились влагой, подбородок дрожал, пальцы сжимали трубку так, что она вот-вот должна была треснуть!

— Девин Каяс... это ты привел ублюдка в мой дом... Ты принес беду... Ну ничего, придет день и ты сам умоешься кровью и слезами! Но сначала... — Ювелир спрыгнул на пол и, упершись взглядом в подставку с флаконом, говорил и говорил: — Сначала найти этого ученичка, заставить выпить пойло и перевернуть его труп. Только тогда я смогу дышать спокойно! Только тогда...

— Ты в этом уверен, эльф? — раздался насмешливый голос за спиной, и тут же его скрутили, заломив руки за спину.

Трубка упала на пол и раскололась напополам под стоптанным каблуком. Ень-Иро попытался извернуться, намереваясь дать отпор непрошеному гостю. Мощный удар, кроша зубы, опрокинул его голову на плечо. Следующий удар пришелся в пах, отгоняя мысль о сопротивлении.

Ноги подкосились, глаза запеленал туман...

Его поставили на колени. Кто-то вздернул за волосы безжизненную голову. Ювелир увидел перед собой ухмыляющегося Локо, выглядывающего из-за плеча незнакомого мужчины.

— Это он и есть? — скорее утвердительно, чем вопросительно проговорил тайник.

— Точно так, — подтвердил Локо, дотронувшись до подбитого глаза.

— Я так понимаю, что мы застали нашего доброго хозяина за совершением преступления? — Глэм взял в руки флакончик с оссари, осторожно понюхал. — Надо же, и впрямь никакого запаха. Кстати, сударь, зачем вы превратили свой дом в отхожее место? — он обвел вокруг руками. — Здесь же дышать нечем!

За спиной эльфа подобострастно засмеялись.

— Оставим *эти* вопросы на потом. Вот вам мой совет. Сейчас вас отконвоируют в одно известное вам заведение. Путь будет недолгим, поэтому я рекомендую прямо сейчас начинать обдумывать ответы на следующие вопросы: для кого вы готовили этот яд. Через кого вы получили заказ на изготовление оссари, которым недавно были отравлены известные вам лица. Поверьте мне на слово, у нас найдутся средства, чтобы заставить вас говорить. В отличие от нашего молодого коллеги, — тайник кивнул на Локо, — у меня нет *никакого желания* их применять.

Окатив эльфа водой, палач отставил ведро в сторону. Привязанный к выщербленному столбу Ень-Иро только застонал, бессильно качнув головой.

— Значит, ничего не знаешь; яд готовил для убийства своего ученика; к перечисленным выше отравлениям никакого отношения не имеешь. — Будучи по своей природе человеком ответственным и дотошным, Глэм не доверял вести допросы, а тем более особо важные, младшим следователям. И как бы жестокость ни претила его нутру, на дознаниях старшего тайника также лилась кровь, кричали подследственные, рыдали, теряя достоинство, люди и нелюди. В страхе давали желанные ответы, оговаривая себя, родственников, друзей, соседей и кого угодно, лишь бы железо палача больше не касалось их измученных тел.

Уже после, внимательно вчитываясь в протоколы, Глэм отделял ложь от правды, оговор от факта, направляя следствие в правильное русло. Но сказать, что старший тайник был человеком справедливым — значит, покривить душой. Абсолютно все показания пускались в дело, и в подвалы на растерзание уже другим следователям приводились новые жертвы, и все шло по кругу. Зачем? Страх!.. Это великое чувство, подаренное создателями своим чадам. Именно на нем держатся владыки, именно из-за него несчастные идут на подвиг, делают невозможное, дабы их господу жили в роскоши и спокойствии.

Из-за страха быть наказанным дитя изворачивается, лжет, убегает из дома, а оказавшись в трущобах, прибегает к шайкам таких же и идет на преступление. Из-за страха за своего ребенка мать трудится в поле или лавке, а порой выставляет свое тело и гордость на продажу. Из-за страха, что завтра будет нечего есть, мужчина берется за любую, даже позорную, работу и, насилуя себя, переступая через себя, с утра до заката гробится на ненавистного хозяина за несколько монет. Из-за страха, что новые налоги задушат его семью, солдат вырезает до последнего ребенка вражескую деревню, вся вина которой состоит только в том, что она посмела попасться на глаза соседнему властелину. Из-за страха потерять, огорчить любимого человека влюбленный лжет, делает глупости...

Славьтесь, боги, ниспославшие Великий Страх на детей своих и вручившие избранным удила его, и давшие возможность править глупцами и рабами страха...

...и не роптать...

Молчать!

Зато настанет день, и введенный в подвалы преступник в страхе *сам* расскажет обо всем, что бы его ни спросили.

— Дорогой Ень-Иро, — тайник откинулся на спинку кресла, вытягивая ноги под

столом, — я бы со всей радостью поверил бы вам, но увы... не могу... Есть в вашем рассказе, — Глэм, как обычно, говорил нарочито вежливо, — есть здесь некоторые неувязочки, которые не позволят мне расстаться с вами с чистой совестью. Я уверен, что вы намеренно скрываете своих заказчиков. Зачем вам это? Ну, поступил заказ, ну, изготовили вы эту отраву. Я вас прекрасно понимаю. Не взялись бы вы, нашелся бы другой мастер, а деньги нужны всем. Вы решили заработать, только и всего... За это вас не повесят и не четвертуют, а всего-навсего посадят лет на пять-десять в башню или отправят на каменоломни или рудники. Хотя с вашей профессией и квалификацией это вам не грозит. И все!.. Снова дом... любимая жена... может, еще успеете детей сотворить... Стоит ли губить жизнь из-за каких-то ничтожеств, что спрятались за вашей спиной? А ведь они даже ногтя вашего не стоят! И вы тоже хороши: мало того, что не идете на контакт со мной, так еще и несете полный вздор. Причем неумело... «Изготовил яд, дабы отравить своего ученика»! И что же, позвольте узнать, натворил Локо, что вы не нашли никакого другого способа избавиться от него? «Покушался на честь вашей супруги». Глупость извольте говорить. В наши обязанности входит соблюдение законов в государстве. Обратились бы к нам — мы бы этого молодца в течение дня поставили бы на место. И вы об этом прекрасно уведомлены. Так что... Прошу вас, говорите...

Ень-Иро через силу поднял окровавленное лицо и, спотыкаясь на каждом слогe, роняя кровавую слюну и осколки зубов, выдавил из себя:

— Я... ничего... не... знаю...

Палач вопросительно взглянул на старшего и, получив подтверждение, особо не целясь, ударил палкой в живот полуэльфа.

У жертвы уже не было сил кричать.

Ювелир лишь тихо, по-щенячьи скулил каждый раз, когда палка со свистом касалась его.

Глэм отвернулся, зрелище не доставляло ему удовольствия, но дело есть дело, и совершенные убийства было необходимо расследовать, а этот получеловек был единственной ниточкой из клубка. Тайник поморщился, вспомнив давешний разговор с главным министром: «Зреет заговор... любые деньги... любые средства... быстрее расследуйте... мы знаем... вы можете... вы должны...» А этот полуэльф, если и не знал заговорщиков, то наверняка что-то слышал, предполагал. Не зря именно к нему приперлась эта тень прошлого, сумасшедшая старуха, возомнившая себя юной девой.

Отворилась дверь, и вошедший Локо, плохо скрывая торжествующее выражение лица, нагнулся к своему начальнику.

— Ваше приказание исполнено, мой господин. Все готово... — прошептал он на ухо Глэму.

— Хорошо, — кивнул тот и, сделав знак палачу остановиться, поднялся из-за стола, собирая бумаги. — Привести в чувство. Чтобы к моему возвращению мог ясно и четко воспринимать окружающее. Все понятно?

Кивнув, палач потянулся за новым ведром воды.

Ень-Иро усадили в деревянное подобие покрытого бурыми следами кресла, крепко привязав к нему так, чтобы ювелир не только рукой или ногой не мог пошевелинуть, но даже и повернуть голову в сторону. Когда приготовления были закончены, в просторную камеру вошел Глэм в сопровождении Локо и еще одного тайника с обезображенным

бесформенными пятнами лицом.

— Итак, сударь, я уполномочен спросить в последний раз: будете ли вы говорить?

Беспомощно глядя на них, полуэльф чуть слышно прошептал:

— Я не знаю, что вы от меня хотите...

— Хорошо, — покачал головой Глэм, — моя совесть чиста, ибо я сделал для вас все, что мог. Я ухожу, оставляя вас этим господам. Мы еще, конечно, увидимся, но пока... — поклонившись, старший тайник быстро вышел, оставив дверь за собой открытой.

Пленник проводил его жалобным взглядом. Сердце в груди забилося в скверном предчувствии.

— Ну что, ублюдок, — препогано улыбаясь, наклонился к нему Локо, — наконец мы с тобой одни. Почти одни... Боишься?! — Он замахнулся для удара, но, хрипло рассмеявшись, опустил руку. — Не бойся... не трону... И они, — он кивнул на палача и своего спутника, — тебя пальцем не тронут. Даже и не проси!..

Он встал сзади и, неожиданно накинув на распухшие разорванные губы Ень-Ирс толстую, с запястье, веревку, победно прошептал бывшему учителю на ухо:

— Знаешь, иногда мечты сбываются.

И, распрямившись, призывно щелкнул пальцами, подавая знак о начале потехи.

Когда тайник, тот, что с обезображенным лицом, ввел в камеру Тизарию, полуэльф чуть не лишился чувств.

— Позволь тебе представить моих друзей, — вполголоса начал Локо, на всякий случай потрогав оберег-сережку, — этого мужика ты уже знаешь. Он немного нем от рождения, но это не мешает ему исправно делать свое дело. — Палач замычал, радостно кивая. — Нашего первого знакомца зовут Ортера! Эх, жаль, аплодисментов не хватает... — искренне покачал головой подмастерье ювелира, — ну да ладно. А этого милого парня с незабываемым лицом почему-то называют Вьюти. Такое вот милое, я бы сказал... *нежное*... имя. Ты спрашиваешь, зачем весь этот балаган? *Дорогой мой учитель!* Я же должен был представить вам тех, которые вот-вот станут вашими молочными братьями, — эльф попытался дернуться, — кажется, вы поняли, о чем я. Но не будем оттягивать сладостный момент. — И, брызгая слюной, он опять зашептал на ухо Ень-Иро: — Лично я ждал этого почти целый год!

Тизарию кинули на стол.

Сведя ей руки за спину, привязали к столешнице, для пущей верности перехватив веревкой шею, закрепив щиколотки ног по углам.

Затем Ортера и Вьюти разорвали на ней платье, обнажив упругое женское тело.

— До последней нитки! — весь дрожа, приказал Локо. Зрелище возбуждало его, он был готов сорваться с места, чтобы помочь сотоварищам, но страх послушаться приказа удержал его на месте. — И кляп вытащите, а то муженек, верно, уже и позабыл голос своей женушки!

— Богато... богато... — пробуя на ощупь грудь, ослабил Вьюти, меж тем срывая последнюю юбку, — как тебе, Ортер? Поди не терпится, а?

Палач довольно замычал, неспешно освобождая рот пленницы от кляпа.

В потолок ударил неистовый женский крик. Бедняжка, пытаясь освободиться от пут, бешеной кошкой изворачивалась на неструганом, в пятнах высохшей крови столе.

— Эй, Локо, погоди! — вдруг поднял руку Вьюти, подзывая тайника к себе. — Поди сюда.

— Что еще?! — прорычал сын Мийяры, с явной неохотой отходя от стола.

— Слышь, что тебе говорю, малый, — указал прокаженный на живот женщины, — кажись, брюхата она.

— В смысле? — искренне не понял тайник.

— В том самом... — почесал в затылке Вьюти.

— И что теперь? Молиться на нее, что ли? Хотя... заткни ее... пока. — Локо вернулся к эльфу.

— Она что, ребенка ждет? Отвечай! — ослабил он веревку, но Ень-Иро, дрожа всем телом, только смотрел на него выкатившимися от ужаса и страха глазами.

— Нет, так дело не пойдет... — Локо вlepил пощечину бывшему хозяину. — Я задал вопрос: Тизария беременна? Она ждет ребенка?

Еле справившись с разбитыми губами, Ень-Иро выдавил из себя:

— Не трогайте ее... пожалуйста... Она уже больше двадцати недель как...

— Ты будешь говорить?

— Я ничего... — начал было ювелир, но Локо, не дослушав, повернулся к палачам, поднял руку — «начинать».

— Я БУДУ ГОВОРИТЬ!!! — Откуда только взялись силы у этого измученного пытками и побоями человека! Или все же эльфа?

— Говори... — улыбнулся младший тайник, беря с табурета заранее приготовленные перо и бумагу.

То и дело косясь на разложенную разделанным кроликом под похотливыми взглядами палачей жену, Ень-Иро назвал несколько пришедших на ум ремесленников и торговцев средней руки. Сейчас он был готов оболгать даже отца и мать, лишь бы этот кошмар прекратился и его милую отпустили, а с ним... Он уже был готов четвертовать сам себя... Да хоть кого угодно! В конце концов, только прекратите... только не трогайте ее... не причиняйте зла им...

— Хорошо... отлично... И стоило ли ломаться? — словно слыша чужие мысли, кивал Локо, старательно выводя каракули совсем недавно освоенного письма. — Да не части ты! Я же не успеваю.

— Лично я тебе верю, — подытожил показания тайник, разглядывая исписанную наполовину бумагу. — Боюсь только, что господин Глэм будет не совсем доволен.

— А что такого? — изумился ювелир, силясь издали заглянуть в «показания».

— Как-то это все мелко... торгаши, купчики... Ни одной мало-мальски крупной фигуры... — «Глянь, сколько еще места пустого!» — чуть не добавил он вслух, но быстро прикусил язык.

Ень-Иро недоуменно посмотрел на подмастерье и сказал:

— Ну... де Румас, например. Граф. Пойдет?

— Нормально. Да. Очень-очень хорошо. — Локо, едва не подпрыгнув на месте, застрочил истрепанным пером по листу.

Закончив, он аккуратно посыпал чернила песком, стряхнул и протянул написанное Вьюти.

— Передай господину Глэму.

— Ага! — кивнул тайник, принимая бумагу. — Ну и почерк у тебя, малый! Ладно, заканчивайте здесь и поднимайтесь. Спать охота... — Широко зевнув, он направился к выходу, с явным сожалением взглянув на Тизарию. В дверях Вьюти обернулся. — А с бабой-то что?

— Завтра утром до дому отправить, — равнодушно пожал плечами парень, — она свободна, хотя и под следствием.

— Ясно. Я конвой пришлю. — И шагнул за порог.

— Сначала бумагу передай, старший приказал! — крикнул вслед Локо, запирая засов.

Ортера достал нож, собираясь перерезать веревки, удерживающие пленницу.

— Погоди... не спеши... — Юнец положил ладонь на лапищу немого. — Ты как? — И заговорщицки подмигнул.

Палач недоуменно посмотрел на него, потом, все же сообразив, о чем речь, шлепнул себя по загривку и указал пальцем вверх.

— Ну и дурак. — И, быстро вернувшись к Ень-Иро, вернул кляп на место. Тот, натуженно замычав, дернулся, не понимая, что происходит. Но веревки выдержали.

— Так шуму меньше будет, — бормотал Локо, мысленно прикидывая, сколько у него времени до прихода стражников. — В последний раз спрашиваю: будешь? — ухмыльнулся он палачу, тот отрицательно замотал головой. — Ну и пошел в ссад! Сегодня я уже говорил твоему супругу, — наклонился он к глазам женщины, — иногда мечты сбываются! — И, шустро спустив штаны, встал у нее между ног, подтянул тело за бедра к себе — было далековато...

Спускаясь вниз, двое стражников в сопровождении Вьюти столкнулись с отчаянно плюющим на лестнице Ортером.

— Ну, малый! Ну, молодец! — невольно восхитился прокаженный. — Своего не упустит! Мужики, развлечься хотите? — Иги, улыбнувшись в предвкушении, направился вниз.

Крики были слышны даже в коридоре. Тонкий, женский, срывающийся на визг, и другой — грубый, мужской, заходящийся не то в хрипе, не то в хохоте.

— Смотри, кобылку не заезди! — Вьюти распахнул дверь камеры настежь. — А ну, заходи, кто со мной!

Локо даже не обернулся, с остервенением вколачивая себя в женщину.

— Щасс... — слизывая с губ пот, просипел он, — ...кончаю...

В дружном хохоте было еле слышно, как Тизария причитала сквозь слезы: «Мамочка... мамочка... где же ты... мамочка»

— Да! А где же *мамочка*?! — наклонился к ней стражник. — По-че-му она не идет? Мы и ее ублажим!

— Все!.. — обессиленно отодвинулся от тела Локо и призывно махнул рукой. — Хорош!

— Надо попробовать! — взялся за ремень Вьюти.

Потягиваясь в приятной истоме, Локо дошел на еле гнущихся ногах до связанного Ень-Иро и присел рядом на пол.

— Повезло тебе с бабой, эльф, — вытирая ладонью мокрую грудь, улыбнулся парень, — ох, и ладна, ... ! Просто слов нет. Эй, ты куда?! — крикнул он наострившемуся на выход стражнику.

— За ребятами сбегаю... — обернулся тот, — когда еще такая ночь будет!

— Пивка захвати! — насытившись, Локо потерял интерес к женщине. Осталось лишь на душе что-то такое легкое... даже грустное... Так бывает в детстве: появилась новая игрушка — и старая, что до той поры была любимой, забрасывается на далекую полку. И вроде нет ее, а теплая грусть внутри тебя осталась.

— Ну ты придумщик! — восторженно завопил Вьюти, ударив оставшегося стражника по плечу.

— Пойду погляжу, чего там мужики учудили, — через силу поднялся Локо, по-приятельски похлопав Ень-Иро по коленке.

Когда он подошел, солдат, чуть раздвинув розовые женские ягодицы, старательно примерялся к ним.

— Служивый у нас «по-грязному» любит! — разъяснил младшему тайнику прокаженный.

— погоди! — вдруг осенила несостоявшегося ювелира идея, — переворачивай ее на бок...

— А вот так ее! Ага, так, так!..

— Ты где такую морковину отхватил, Иги?!!

— Дурило, не жми ей на живот, она должна нормальной отседа выйти!

— Рожа, ты куда все пиво дел?

— Тебе мало? Так сходи! Только ждать, когда ты явишься, тебя не будут!

— Да отвяжите вы ее, она уже дергаться не будет.

— Мужички, а мож, кто хочет и эльфийской задницей полакомиться, а то мне одному зорно, а очереди ждать мочи нет!

— А давай я! Я еще такого ни разу не ...!

Отвязав от столба, Ень-Иро швырнули на пол. С него стащили лохмотья совсем недавних богатых штанов. Ударом ноги поставили на четвереньки, а уже затем швырнули обратно к столбу и крепко привязали к теплему дереву.

Перед глазами обезумевшего ювелира все поплыло.

Стены... пол...

камни пола... камни стен...

трещины камней стен... трещины камней пола...

Он не почувствовал, как первый насильник вошел в него. Он даже не слышал, что говорили вокруг. Он уже не понимал, что происходит. Только в какой-то момент перед ним всплыло улыбающееся лицо Девина Каяса, старого друга, когда он приезжал весной.

«Поверь мне, этот мальчик не принесет тебе много хлопот. Просто держи его на коротком поводке, и все будет хорошо. Конечно, проказник он еще тот, но поверь мне: он и мухи не обидит...»

Неожиданно он совершенно ясно осознал, что происходит. Пелена тишины расступилась, и звуки ворвались в мозг, возвращая его к реальности. Боль лавиной пронеслась по всему телу, закрутив где-то под горлом... Его вытошнило...

— БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ, ДЕВИН КАЯС, ПРИНЕСШИЙ В МОЙ ДОМ ГОРЬ И БЕСЧЕСТЬЕ! ПУСТЬ ПОКАРАЕТ ТЕБЯ НЕБО, ГДЕ БЫ ТЫ НИ БЫЛ! И ДА НЕСТИ ТВОЕ РАСПЛАТУ И ПОСЛЕ СМЕРТИ!!! — из последних сил выкрикнул он, и новая волна рвот застряла в горле, смешавшись с криком, хлынула в нос, подбираясь к глазам. Что-то тренькнуло в голове, вокруг все враз потемнело, и Ень-Иро обмяк, заваливаясь набок.

Среди ночи Девин Каяс проснулся. Что-то незримое шершаво обняло его, вонзив иглу в сердце. Чародей сел на кровати, держась рукой за грудь.

— Инвар!.. — негромко позвал он, но ученик крепко спал, подложив ладони под щеку.

Маг кое-как встал и, немного пошатываясь, дошел до стола, взял с него кувшин и прямо из горла сделал большой глоток воды.

Игла, отпустив, растворилась, но тело Скорпо все еще сотрясала нервная дрожь.

«Спокойно... спокойно... это всего лишь сон... — глубоко выдохнул он и приложился к кувшину еще раз. Остатки воды он вылил себе на голову. — Стареешь, дружок? Или это что-то другое... Тогда что?»

Он попытался сосредоточиться, но не получалось... Вдруг он услышал шепот, точнее, крик... Но такой тихий, что его можно было принять за свист сквозняка.

«До смерти... и после смерти... — почудилось ему, — и Небо покарает тебя...»

— Так, завтра же уезжаем, — поперхнулся Каяс — Если я уже здесь призраков слышу, то...

Когда он расположился под одеялом и уже засыпал, его внезапно пронзило: «Ень-Иро! Кажется, это был *его* голос!»

Чародей снова сел, всматриваясь в окно, но до рассвета было еще далеко.

— Эй, что вы с ним сделали?! — подскочив к телу ювелира, Локо попытался вздернуть его на ноги, но все было впустую. Тайник попробовал прослушать сердце бывшего хозяина, однако оно молчало.

— Сдох! Отца твоего в ссад, сдох! — выругался стражник, поспешно застегивая штаны. — Что ж теперь будет, а?

— Виселица тебе будет... — на ходу запахивая рубаху, подошел растрепанный Вьюти, — в лучшем случае.

— Вообще-то он мог и сам откинуться... — цыкнул языком Локо, — отнесем в камеру, умоем, и все дела. Скажем, когда отводили, жив был, а что там ночью? Ну звиняйте — не доглядели.

— Хорошо, а с бабой что делать? — согласно кивнул прокаженный, прикидывая, что к чему: вроде малый дело говорил. — Стражи молчать будут, конечно... но вот она же придет в себя, и рот ей никто не заткнет. А Глэм, сам знаешь, он таких шуток не понимает.

— Кончать ее надо, — сплюнул под ноги Локо. — Старший велел ее отпустить, до дома проводить да зрячих выставить. Чтоб не сбежала. Зрячие с рассветом к дому подойдут.

— Привести ее в нормальный вид. Веревку на шею, — прищурившись, повернулся к сотоварищу Вьюти.

— Не выдержала допроса. Посчитала себя обесчещенной. В конце концов это была идея главного: представление перед эльфом устроить. Вот теперь пусть сам и расхлебывает. Ортера молчать будет?

— Смеешься? Он и говорить-то не умеет, — попробовал сострить Вьюти. — Хорош брехать, рассвет скоро. — И протянул Локо веревку. — Ты начал, ты и заканчивай.

Младший тайник хотел огрызнуться, но передумал, молча взял веревку и направился к распятому на столе женскому телу.

— Так, что рты раскрыли?! — рывкнул Вьюти на стражников. — А ну быстро за водой, тряпками, и чтоб через час здесь все было, как в сказке — тихо, мирно и красиво! Выполнять!!!

Локо наклонился над Тизарией, поудобнее берясь за веревку. Женщина открыла глаза и улыбнулась распухшими, окровавленными губами.

— Здравствуй, мой цветочек, — Локо от неожиданности вздрогнул, беспомощно

взглянув на Вьюти. — *Я твоя пчелка, ты мой лепесток. Сегодня наш мальчик из поля придет, нам песню степей пропоеет...* — и счастливо засмеялась, пытаясь ослабевшими руками заключить в объятия своего насильника.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Стены содрогнулись, и на землю посыпались каменные крошки. Стражник неистово забился в безысходной беспомощности, не понимая, откуда пришел трепет предчувствия. С мольбой подняв глаза, он попытался окликнуть того, кто призвал его служить на эту землю. Но не было ответа, словно некому было отвечать в пустыне миров.

А молиться...

А молиться он не умел...

Он идет босиком по утренней траве. Взгляд его лучится, подобно солнечному свету, в завитках непокорных волос блестят капли росы. Шаг легок, и кажется, что вот-вот за спиной расправятся крылья. Он, улыбаясь, смотрит на кружевные облака, что неспешно плывут в прозрачной тишине, вдыхает полной грудью чистый воздух.

Путь только начался... Вдалеке уже видна лестница, что ведет прямо вверх. Куда-то туда, где начинаются облака. Туда, где больше нет боли... нет страха... Туда, где жизнь вечна и весна никогда не кончается...

И где только что нарушенное равновесие не даст о себе знать.

Растопленный воск тонкой струйкой льется на круг воды.

Сгорбленная, абсолютно лысая женщина вглядывается в немеющий узор.

Белесые пятна расползлись по чаше и замерли.

Колдунья взяла в руки застывшую массу, поднесла ее к самому лицу, силясь рассмотреть подслеповатыми глазами грядущее.

Ее зрачки сузились, вытягиваясь, как у кошки. Пальцы мелко задрожали, когда в бесформенном куске застывшего воска явно выступила руна «ЖДИ». И еще две — «ПЕРЕЛОМ» и «КОНЕЦ ПУТИ».

Глава 3

ДЕНЬ

Инвар исчерпал весь запас ругани, но этот схадов камень никак не хотел раскалываться.

— Может, все-таки попробуешь сконцентрироваться? — Каяс, полулежа в тенечке дуба, жевал травинку. — Брат Осиф, как полагаете, у него сегодня что-нибудь получится?

— На все воля Небес! — сыто рыгнув, прошамкал пузан, даже не поднимая головы от импровизированной травяной подушки.

— Дорогой Скорпо, и нужно вам истязать юношу, вместо того чтобы отпустить его пообедать? — лениво вмешался другой монах, почесывая ногу под задранной до колен рясой. — Кстати, вино сегодня было просто отменным, а жаркое из оленины... — он причмокнул, — выше всяких похвал!

— Спасибо, спасибо. Помимо искусства магии в свое время мне пришлось посетить и несколько уроков кулинарии... — Монахи вместе с волшебником дружно расхохотались. Отсмеявшись, Скорпо продолжил: — Увы, брат Юкола, этот лентяй обеда пока не заслужил.

— Молодой человек, — неотрывно разглядывая облака, изрек брат Осиф, — даже я, человек, ничего не сведущий в искусстве магии, ответственно вам заявляю: дабы расколоть этот камешек, нужно или знать какой-нибудь секретик, или просто... сосиска...

Услышав такое, Инвар недоуменно поперхнулся и сделал пассы руками *немного не так*, отчего камень вдруг резко взвился в воздух и с угрожающим гулом понесся на отдыхающую троицу.

— А при чем здесь «сосиска»? — Девин Каяс даже бровью не повел в сторону неумолимо приближающейся громадины.

— Да! При чем здесь «сосиска»? — поддакнул брат Юкола, одергивая рясу. — Мэтр, эта штука нас раздавит?

— Если ничего не предпринять, то да.

— На все воля Небес!.. — смиренно кивнул монах, разлегшись на мягком травяном ковре.

Инвар запаниковал. Первым его желанием было кинуться за парящим валуном вдогонку, но... Набрав в грудь побольше воздуха, подмастерье попытался мысленно дотянуться до летящего снаряда.

За шторами опущенных век сгустился светло-голубой, почти прозрачный туман. Здесь было все так же, как в обычной жизни, но все-таки... Чуть шевелящаяся под ветром трава замерла копиями вверх... Легкий ветерок рывками пробежал над землей. Еле-еле порхающая бабочка оставляла за собой рельефные следы там, где она была за мгновение до этого... В остановившемся времени Инвар протянул руку. Вполне материальную, осязаемую. Он дотянулся до уходящего камня, спрутом опутал его пальцами, наклоняя к земле все ниже... ниже...

С пугающим жужжанием камень упал в локте от ног брата Осифа, вспахав землю. Монах, лениво отмахнувшись от надоедливой мухи, пробормотал:

— Сосиска...

Плюнув в сердцах, Инвар развернулся, чтобы уйти в пещеру, как резкий голос учителя заставил обернуться.

— А урок?!

Камень, как ни в чем не бывало, стоял на том же месте.

— И даже не проси... — равнодушно сказал Скорпо в ответ на умоляющий взгляд ученика. — И, откинувшись обратно в траву, изрек приговор: — Лентяй!

— А чего вы, собственно говоря, от него добиваетесь? — зевнул Юкола. — Вроде малец вполне способен расколоть этот камень тем же способом, как и остановил его... В чем проблема?

— В способе... — огладил плоский животик чародей. — Сейчас он остановил его с помощью сознания...

— Телепатически, что ли?

— Вроде того... Парень умеет и знает все, что надо знать... В том смысле, что я передал ему свои знания...

— И в чем же «но»? — Брат Юкола, кряхтя, перевернулся на живот, одновременно подгребая под обросшую щеку побольше травы.

— Два «но»... — Чародей последовал примеру монаха. — Он не может управлять стихиями... Природными стихиями...

— Прискорбно... — Собеседник попытался убрать из-под пуза острый камешек. — А второе что за хрень? Вы говорили о двух «но». — И снова зевнул, еле справляясь с дремотой.

— Контроль... — Вывернул голову Каяс посмотреть, над чем сейчас усердствует его ученик. — Повелевать стихиями он рано или поздно научится, а вот контроль... Боюсь, это будет бичом всей его жизни.

— На все воля Небес... — пробормотал монах, засыпая.

— Ет точно... — покорно согласился волшебник, тоже перестав сопротивляться послеобеденной дремоте.

Тем временем Инвар, обливаясь потом, пытался вызвать огонь внутри валуна. Вроде все просто — войти в камень, это он сделал; далее, сросшись с каменной средой, нагреть ее до кипения... Вот здесь и начинались проблемы. Как ни старался ученик, ему хотелось перетечь в эйфорию подсознания и сотворить требуемое по-привычному, легко... Но нет, надо было, соединив силу воздуха и огня, *родить* пожар.

Стань воздухом... Растворись в нем... Стань одной из его бесчисленных частиц... а затем проникни сквозь поры камня... войди в него и достигни самого сердца... Теперь не спеши... Зачем? Ведь у тебя впереди вечность... Ты сам — вечность... время... Найди малую толику ничего и заставь его двигаться... Сначала медленно... затем быстрее и быстрее... Пока оно разом не вспыхнет жаром пламени... А теперь беги! Покинь его...

— ДА БЕГИ ЖЕ ТЫ, ОТЦА ТВОЕГО В...! — Инвар насилу вышел из прострации, понимая, что происходит.

Мелькнула тень, и его снесло в сторону. Тут же раздался оглушительный грохот, и на подмастерье посыпался щебень.

— Инвар, мой дорогой, — Скорпо сел рядом, отряхивая пыль с одежды, — тебе еще Айдо говорил: контроль, контроль и еще раз контроль! От себя могу добавить только одно... — маг, поведя плечами, хрустнул шеей, — пойди-ка умойся! Грязен, как само Отродье!

— Не поминай нечистого всеу! — Брат Юкола привстал на локтях. — Мг-м... а ведь неплохо сказал!

— Запиши... а то забудешь, — перевернулся на бок брат Осиф.

Заклоченного, неряшливо одетого плотного бородатого мужичка, остановили у толстой, крепко сбитой дощатой двери.

— Даю совет, паря, — взялся за ручку конвоир, — не зли этого мужика. Целей будешь.

— Ой! Да неужто сам Ведьмачий меня гостевать буде? — И хоть сказано это было с нескрываемой насмешкой, в глазах вора мелькнула тень страха.

Вместо ответа страж открыл дверь и чуть подтолкнул пленника вперед.

— Господин Мийяра, привели, вот... — Солдат поставил ремесленника посреди комнаты, а сам, стараясь не делать лишнего шума, попятился прочь.

За столом, неторопливо просматривая многочисленные бумаги, сидел невероятно худой человек с наброшенным на голову капюшоном плаща.

«Урод, что ли? Или боится, что опосля на улице кто узнает». — Вор недобро прищурился, поглядывая на двух абсолютно лысых плечистых парней. Эти лиц своих не скрывали, о чем-то перешептывались, протянув руки к жарко пылающей жаровне. Несмотря на то, что наверху, на улице, царило лето, в камерах подвала канцелярии тайных дел было ощутимо холодно.

— Имя? — Прозвучавший из-под капюшона низкий голос был слегка раздражен.

— Мое, что ль? — Вор решил поиграть под дурачка. — «Авось пронесет... вроде нет у них ничего на меня».

Капюшон чуть взметнулся вверх и сразу же опустился, но пленник успел рассмотреть острый, с ямочкой подбородок да пару злых, глубоко посаженных глаз.

Длинные пальцы пробарабанили по столу, и в следующий миг на плечи пленника с легким свистом опустился хвост бича.

— Ах-xxx... ты-ы-ы!.. — Мужик, не последний человек среди братства ночных ремесленников, изогнулся от невыносимой боли, вспыхнувшей поперек спины.

Со вторым свистом его кинуло на пол.

Невозмутимо свернув тяжелые извозчицкие бичи с медными бляшками на концах, молодцы сели и вернулись к прерванной беседе.

Тяжело дыша, вор кое-как встал на ноги и, набычившись, посмотрел на своего палача.

— Имя? — Голос был совершенно таким же, как прежде. Те же интонации, та же раздражительность. Только в этот раз от него веяло холодом... Могильным холодом.

Ремесленник хотел было высказать все, что теснилось у него в груди, но вознесенные над столом пальцы Ведьмачего, готовые дать новый сигнал к побоям, заставили засунуть гордость и гнев куда подальше.

— Руза меня зовут... сын Гревада из Уилтавана. На улице Хорем кличут... — кусая губы, представился вор.

— На тебя указали, как на человека, что обокрал достопочтенного купца Мэделайна на Западной дороге. — «Достопочтенного» прозвучало из уст Локо как ругательство. — Кто еще был с тобой и куда дели добро? Только не надо мне говорить, что ты здесь ни при чем и ничего не знаешь. Ко мне просто так никто и никогда не попадает.

Хорь посмел ухмыльнуться на это, что не ускользнуло от цепкого взора тайника.

— Если сомневаешься, можешь у них спросить. — И кивнул на палачей.

«А!.. Отродье и все, кто с ним!!! Кто же это меня так, а? И ведь живым-то не выбраться... А жаль! — Смерти ремесленник не боялся. — Сегодня живем, завтра нет — судьба такая». Но при всем равнодушии к жизни (а к чужой тем более) в его памяти вихрем проносились рассказы о тех, кто умудрился выйти более-менее целым из лап Ведьмачего.

Покосившись на жаровню и те неприятные инструменты, что торчали из нее, вор вспомнил о человеке, который полгода назад пытался морочить тайнику голову. В назидание несговорчивым его не только оставили в живых, но еще и отправили на свободу к друзьям.

Через пару дней по его же просьбе дружки удавили бедолагу, потому как не честь жить на этом свете без ступней, кистей, схада и еще кое-чего по мелочи.

Становиться калекой Рузе было как-то в тягость, и он, собравшись с духом, начал говорить. Вначале неторопливо, то и дело морщась от обжигающих рубцов, затем уже смелее, а под конец его красноречию мог бы позавидовать даже придворный поэт. Наконец ремесленник выдохся и замолчал.

— Понятно... — Было видно, что вор рассказал правду. — Место поподробней опиши. — Локо кивнул подручным, один из них подошел ближе, встав рядом.

Повернув голову, Хорь, не скрывая ненависти, взглянул на него. Парень улыбнулся в ответ и, заговорщически подмигнув, кивнул на жаровню.

Руза вдруг почувствовал, что в пыточной не так уж и холодно...

— А дело так было... — любуясь вечерней зарей, с удовольствием начал брат Юкола. — Лет эдак... короче, немало назад... шли мы вдоль Голубых Гор. По той... по западной стороне. Окромя гномов там сроду никто не жил. Ну разве что кто-то из людей попадет... Вроде тех, кого из лесу только пожар и может выгнать. Короче, народ дикий! Из богов — только духов лесных и признают. Вот и решили мы с братом Осифом, что просто глупо мимо пройти, не попробовав.

— В смысле? — Поежившись от легкого сквозняка, Инвар попытался свернуться клубочком.

— В смысле обратить несчастных в истинную веру... — Брат Осиф многозначительно поднял указательный палец.

— Это в какую именно?.. — подошедший Скорпо кинул на траву мехи с вином, присаживаясь рядом.

— В истинную, сын мой!.. — Осиф на лету сцапал долгожданный напиток, ловко выдергивая деревянную пробку.

— Действовали, как всегда, то бишь обычно... — невозмутимо продолжал Юкола после первого употребленного стаканчика. — Подошли к вождю, напросились пожить пару дней. Старик согласился, даже цены не запросил. Маленько пожили... присмотрелись... Народ, как я уже сказал, просто дикий! Если меня глаза не обманули, в одной семье брат на родной сестре женат был, и дальше тому подобное и в том же духе! Так вот... почитали они за главное божество какого-то Онга-Ан-Гаса, если я правильно имя выговорил. Местный лесной дух по профилю охоты и рыбалки.

— Что жизненно важнее, тому колени и преломляют, — вставил брат Осиф, передавая мех Каясу.

— Да. Надобно сказать, что этот Онга-как-его-там лесным помогал не очень. А в тот момент, когда мы у них гостили, он умудрился враз уложить троих лучших охотников на погребальный костер да еще и распугать всю окрестную дичь. Конечно, местный шаман честно пытался убажить разгневанного божка жертвами и молитвами, но...

— Слава Небесам, он не догадался свалить все на нас. Такое не раз бывало... — снова влез в рассказ Осиф.

— Было! — подтвердил Юкола, криво улыбувшись. — Несмотря на все старания

доморощенного жреца, лесной бог повернулся к ним, что называется, задницей. Отвернулся, проще говоря. Ну а когда с верой неполадки, мы соответственно тут как тут! Сориентировавшись, мы им живо подогнали Великого Ка. Этакого получеловека-полузверя.

— Так это ваша работа?! — поперхнувшись вином, рассмеялся Скорпо. — Слышал я об этом течении, но и представить себе не мог истинные его истоки.

— Благодарим!.. — дружно улынулись *монахи*.

— Всегда приятно слышать похвалу о своей работе, — закончил за двоих Осиф.

— А чем этот ваш Ка отличался от старого бога? — не удержался Инвар.

— Малыш, а что такое *бог*? — поджал губы Юкола. — По большому счету это желание простого человека свалить свои проблемы, свое горе, свои надежды на кого-то, кто выше его... могущественней... Ему нужен пастырь, козопас, который бы приглядывал за ним, говорил, куда надо идти и что делать. Человек по своей натуре — самое жидкое существо на всем свете, если ты меня понимаешь. Возьми так называемых *нелюдей*: эльфов, гномов, орков, не считая уже вымерших или постепенно вымирающих народцев. Хотя бы тех же самых наугов! Когда-то многочисленный народ постепенно исчезает с юго-восточного континента, упорно вытесняемый людьми и орками. Древние расы более приспособлены к жизни (конечно, каждая по-своему!). Люди? Помести человека в хлев к свиньям — второе его поколение будет считать, что то дерьмо и вонь, что их окружает, самый лучший вид и запах на свете! Эльфы и другие нелюди будут терпеть, но помнить, что их отцы жили лучше их, и будут стремиться вернуться к тому же. *Древние* привыкли искать причину своих несчастий в самих себе, человек — в Небе.

— Здесь ты не совсем прав... — прервал оратора Осиф, — что гномы, что другие, как ты сказал — *древние*, крайне религиозны...

— Подожди! — выставил руки вперед монах. — Гномы поклоняются *богам Небесной Горы*, но представься случай, и коротышки с удовольствием оттаскают своих повелителей за бороды! По-твоему, это можно назвать безоглядным поклонением? Эльфы числят свой род от создателей миров, но они даже храмы им не воздвигают, считая, что после смерти сами смогут создать себе свой собственный мир — очередную *грань Кристалла*. Про орков вообще молчу — духи предков и больше никого! Человек же создал себе целый пантеон, отведя каждому из богов определенные функции, и, когда грянет та или иная беда, костерит именно того, кто за это должен отвечать, но только не самого себя!

— Сынок, — отдышавшись, продолжил Юкола, — человек устроен так, что ему просто надо хоть во что-то верить! В Отродье, в богов, духов, но... но только не в самого себя... Есть среди этой серой массы несколько умных парней, и вот уже то здесь, то там появляется новая религия, новое течение. Чем они отличаются? Тем, «что *наш* бог (боги) сильнее, лучше *вашего*». А если учесть количество рас, то еще и цвет кожи, рост и так далее...

— А единоверцы? — пискнул ученик волшебника.

— О!.. Эти хорошо поднялись... — с нескрываемой завистью протянул Осиф, берясь за наполненный стакан. — Попомните мое слово — лет через двадцать — тридцать это будет лидирующее течение на континенте. А еще через пару столетий и в большинстве стран нашей грани. Я даже, грешным делом, подумываю... а не примкнуть ли к ним?.. Построить где-нибудь часовню... там, глядишь, уже и на большой храм деньжат отсыпят...

— Кто «отсыпет»? — недоуменно протянул Инвар.

— *Отец*... — с почтением изрек монах, пригубив вино «за здоровье».

— В двух словах, — принялся пояснять Юкола, — это должно было когда-то случиться.

При таком обилии религиозных течений рано или поздно выделяется одно, беря на себя функции если не главенствующего, то уж одного из основных — точно! Это происходит либо по территориальным причинам, то бишь приверженцев просто должно быть *ну очень* много; либо само течение должно удовлетворять потребности этих горожан. Как тот пастух, что присмотрел себе ничейную скотинку, жрецы бродят по городам и деревням, обещая все что угодно в обозримом будущем, лишь бы заполнить себе в стадо новую овечку.

— Но зачем? — Молодой человек потерял нить логики.

— Власть. Деньги. Богатство, — в трех словах сухо разъяснил учитель и, немного помолчав, добавил: — На этом свете есть два самых прибыльных и, по своей сути, самых грязных дела, перед которыми все остальные делишки просто нечаянный дымок над затухшим костром. Политика и религия. Запомни это, дружок...

— Истинно так... — эхом отозвались монахи, и все замолчали.

Легкий вечерний ветерок шелестел в кронах ветвистых деревьев. Вино неумолимо кончалось, но спать никому не хотелось.

— Так как вы... ну это... — наконец нарушил молчание Инвар, — с Великим Ка?

— А! — вспомнил начало разговора Юкола. — Великий Ка подошел нашим молодцам как нельзя лучше. Когда мы с пеной на губах убеждали, какой он могучий и вообще, они падали ниц и безропотно отдавали последнее на постройку храма для служений. Кстати, шаман был в числе первых. Так что заработали мы тогда неплохо.

— Отчего же ушли, если все было так хорошо?

— Бывший шаман, отца его в печень! — покачал головой Осиф. — Старый козел нашел в нашем учении столько дыр и нестыковок, что просто однажды взял и предложил: или мы назначаем его старшим жрецом, а сами отправляемся нести свет учения другим заблудшим душам, или он на ближайшем богослужении выкладывает все свои сомнения и замечания.

— И вы так просто сдались? — изогнул бровь Скорпо.

— Тяжело без академической базы... — со вздохом посетовал кто-то из братьев.

Поздним утром, когда на столе уже дымился завтрак, вчерашний разговор был продолжен.

— Брат Юкола, — с набитым ртом начал Инвар, — а откуда взялись эти единоверцы?

— Трудно сказать, сынок, — еле проглотив недожеванный жесткий кусок мяса, выдохнул монах. — Я думаю, что откуда и все. Хотя, если тебе интересна *лично моя* теория... — получив утвердительный кивок, Юкола продолжил: — Лет двести с лишком назад появился человек (хотя кто-то утверждает, что эльф или, на худой конец, полукровка), который решил объединить разношерстные течения воедино. Может, он был таким же проходимцем, как и мы с братом Осифом, может, он и вправду сошел с небес, дабы наставить всех нас на истинный путь, а может, просто стремился сделать так, чтобы все люди на этой *грани* стали единоверцами. Кто-то пытается что-то подобное сделать силой, завоеывая одно королевство за другим, а этот решил сделать бескровно... ну... почти бескровно... Он входил в дома, говорил с людьми... кто-то даже шел за ним, в свою очередь пускаясь в странствия, дабы внести свет в души других людей... Великая миссия!.. Прошли годы... Учение обросло последователями, подробностями и святыми... Сейчас уже трудно сказать, где в этой доктрине *истинная* правда, а где домыслы... Но факт остается фактом — почти все население королевств Западного континента стало единоверцами. Религия обрела истинную силу. Под строжайший запрет попали магия и колдовство, поскольку

противоречили силе Единого, или, как его еще называют, Ушедшего. У меня такое чувство, что еще несколько десятилетий — и на этой грани разгорятся войны во имя *Ego*. Поверь мне, мальчик... — монах огладил подбородок, — время, в котором мы сейчас живем, еще не самое худшее. Пройдут годы, и люди взвоят, оглядываясь назад, пожиная плоды настоящего. И что самое обидное... они будут обрекать на смерть себя, других с именем Веры на устах... А ведь не надо ВЕРИТЬ!

Это слово в устах Юколы прозвучало как призыв к атаке. Когда мимолетное эхо пропало в вершинах крон, он тихо произнес:

— Надо просто... *верить*... А во что?.. Пусть сердце подскажет... душа... Так о чем это я? — встрепенулся монах, рукой отгоняя видение. — Мой мальчик, *единоверие* хорошо тем, что объединяет людей... Чем же оно плохо?.. А тем, что объединяет совершенно разных людей...

— Я не понял вас... — забыв о еде, пролепетал мальчишка.

— Он о том, что невозможно соединить людей, думающих и живущих по-разному. — Осиф осушив ранний стаканчик, начал заедать скомканной стрелкой лука. — Дрянь какая!.. — И выплюнул его.

— Вот скажи. Как смотрит бедняк на богатея? Правильно! И ты хочешь сказать, что они оба пойдут по пути *любви* рука об руку? Только до первого темного переулка! Парень, если бы люди мыслили более-менее нормально, то не было бы этих долбанных разногласий — классическая ветвь, правая ветвь *единоверия*. Сам подумай: как такое может быть — верить в одно, но все же по-разному? Дурь! А мечта сделать «свою страну величайшей на свете на костях еретиков!». Еще большая хрень!!! И попытка *Единоверия*, простив, примирить всех, не более чем... Как примирить собаку с ее же блохами!

Здесь Юкола картинно отвернулся в сторону, но собрат продолжал:

— Боги создали Кристалл, отшлифовав грани, на которых мы живем и грешим. Они дали нам полную свободу распоряжаться нашими судьбами, но иногда вмешиваются в них, дабы указать избранным путь для совершения собственных деяний. Только *им* угодных, то есть выгодных!

— Несмотря ни на что, брат Юкола придерживается собственного мнения относительно... — Осиф развел руками, заодно подтягивая блюдо с неостывшими пирожками поближе к себе, и, не закончив мысль, вгрызся в аппетитный бок.

— Да пошел ты... — то ли лениво, то ли смиренно, но очень тихим голосом закончил брат Юкола, с нескрываемым желанием глядя на захваченное.

Инвар почувствовал, как от всей этой мешанины у него начала кружиться голова.

— Так, братья, давайте закончим эту полемику! — «пришел на помощь» ученику Скорпо. — Моему мальчику просто не терпится постигнуть тонкости великого языка, в которые вы, несомненно, его посвятите.

Парень чуть не подавился и умоляюще поглядел на чародея.

— О, это похвально, — пробасил Осиф, погладив жирной ладонью шевелюру юноши, — антынь действительно великий язык!

Там, где болото только-только начиналось, Локо остановил лошадь. Жеребец тут же принялся ощипывать пожухлую, выгоревшую на солнце травку, постоянно косясь на седока. Спутник тайника, плечистый, наголо бритый малый, по-гольлорски запрокинув ногу на луку седла, достал оплетенную флягу, раз-другой приложился к ней, нетерпеливо поглядывая на

старшего: мол, приехали, а дальше-то что? Локо, не торопясь, внимательно осматривался вокруг, глазами выискивая, как объяснил Руза-Хорь, «расколотый, что зад гнома, пень».

Вдоль болота, как раз по краю леска, шла узкая, возможно, даже и звериная тропа. «Наверное, это она и есть», — решил Мийяра, направляя жеребца по ней. Провожатый, пожав плечами, глотнул еще раз и, спрятав деревянный сосуд, двинулся следом.

Как ночной ремесленник и говорил, тропа вскоре разделялась на две, причем один рукав уходил в глубь болота, а другой устремлялся в заросшую чащу. «Все правильно... все правильно...» — Молодой мужчина, привстав на стременах, выискивал знак и еле сдержался от взгласа, увидев искомое.

Спешившись около заветного пня, Локо, прикинув, где северная сторона, и указав на нее рукой, коротко приказал:

— Копай! — и отошел в сторону, чтобы комья грязной земли не попали в него.

Бритый, в очередной раз пожав плечами, кряхтя, слез с коня, отцепил от седла лопату и принялся за работу.

Было уже далеко за полдень, и от немилосердной жары да еще и болотной духоты парень моментально вспотел. Локо, щурясь на его блестящую на солнце макушку, соображал, куда двигаться дальше, если клада здесь не будет.

— Есть что-то, — повернул красное лицо помощник.

Мийяра подошел ближе, всматриваясь в раскопанную землю. На дне, где-то пояс человеку, ямы торчала черная кожа мешка.

— Вытаскивай... — негромко приказал Ведьмачий, между тем вроде как невзначай заходя малому за спину.

Под кряхтение и негромкую ругань воровская казна, звонко брякнув, очутилась у ног молодого тайника.

Не спеша Локо развязал нехитрый узел, и прозрачное небо увидело желтый блеск.

— Схад меня в печень!.. — не выдержал помощник Ведьмачего, потирая грудь грязной рукой. — Это же на сколько здесь?!

— Посмотри, там еще должно быть, — улыбнувшись, прищурился Локо.

Парень моментально повернулся, возвращаясь в яму. Едва только заступ коснулся земли, Мийяра ловко воткнул длинный стилет под левую лопатку сотоварища. Парень на мгновение замер, словно не понимая, отчего вдруг в глазах потемнело, всё во рту стало таким тягучим и соленым, а его сильное тело начало падать вперед...

Спокойно приладив чужой клад на седло, Локо взялся за работу.

«Третий мертвяк за лето... — кидая землю, усмехнулся он про себя. — Если так дело и дальше пойдет, то придется полностью обновлять состав. Заворовались, отродьевы дети. Надо будет сказать Глэму, чтобы ужесточили отбор тайников. А то чуть что... мне убирать».

Уже потом, проезжая мимо болотной трясины, Ведьмачий со всего маху закинул лопату подальше.

«Так и инструмента не напасешься!..» — И пустил коня рысью, меж тем прикидывая, где лучше припрятать прикарманенную часть уворованного.

Как и было условлено, Мийяра направился не в Главный Дом, а прямо в усадьбу своего начальника.

За прошедшие восемь лет Глэм сильно сдал. Сейчас, когда он вышел навстречу Локо, он даже не смог спуститься с невысокого крыльца. В наброшенном на плечи просторном толстом халате старый тайник, скорее, походил на огородное пугало с крестьянского

огорода, чем на человека, державшего под пятой добрую половину Бревтона.

— Господин, — склонил голову Локо, — вам бы не следовало подниматься с постели. Боюсь...

— Что вчерашний приступ даст о себе знать? — Глэм задохнулся в кашле. — Обязательно, мой дорогой, обязательно... Пройдем в дом, здесь прохладно...

— Конечно, господин, — Локо снова склонил голову в поклоне, чувствуя, как к мокрой спине прилипает ткань плаща.

В кабинете, куда они прошли, было темно. Плотные сдвинутые шторы не давали даже толике солнечного света проникнуть в комнату. Мийяра тяжело вздохнул, готовясь к длительной пытке — провести немало минут, а возможно и часов, в душной комнате. И все же, даже не рискнув вздохнуть, тайник шагнул следом за своим наставником и господином.

— Не бойся, я тебя не задержу надолго... — Глэм с трудом опустил в глубокое кресло. — Присядь, не стой в дверях.

Локо, закрыв за собой дверь, устроился напротив, мысленно возблагодарив Небо, что кресло, куда он сел, стояло хоть и у задержанного, но все же окна, а значит, была надежда на нечаянный сквознячок.

— Вижу, ты нашел место? — Старик осторожно взял со стола еще теплый отвар. — А этот мальчик... как там его зовут?

— Звали, господин, — осклабившись, рискнул поправить старшего Мийяра, — его звали Уидж.

— Да-да... Уидж... — Глэм отхлебнул пахнущее травами остывающее пойло. — Он недолго... это... — поводил у виска пальцами тайник.

— Он не мучился, — пояснил Локо, — по крайней мере, не больше, чем это требовалось. Тело спрятано там же, где были найдены деньги.

— Так сказать, в обмен! — засмеялся было старик, но тут же закашлялся и стал отхаркивать мокроту.

— Или, дозволено будет сказать, в назидание. — Локо осторожно распустил шнуровку плаща.

— Можно и так, — вытирая губы и подбородок, согласно кивнул Глэм. — Сколько? Немного подумав, Локо назвал сумму.

— Это приблизительно. Посчитать было некогда.

— Надеюсь, ты хоть что-то казне оставил?

— Всё на улице... — Мийяра хотел было соорудить обиженное лицо, но вовремя остановился, понимая, что старшего зрячего так просто не проведешь. Уж сколько раз Локо пытался хотя бы по мелочи обмануть Глэма, но все эти попытки безжалостно пресекались, а потом и наказывались.

— Я взял лишь немного... — спокойно выговорил правая рука старшего тайника.

— Ну-ну... — борясь со сном, выговорил Глэм. — А старику хоть что-то перепадет? Вместо ответа Локо положил пухлый мешочек на столик рядом с кружкой отвара.

— Хорошо... — Взяв деньги, Глэм вялой рукой попытался подбросить кошелек, но, не удержав его, уронил.

Золотые и серебряные кругляши с веселым звоном разбежались по давно не метенному полу. Локо нагнулся подобрать, про себя отметив, что пыль пушистыми клубочками уже давно поселилась в этой комнате.

«Слуги вроде есть? Или он уже никому не доверяет?»

— Оставь! — железным голосом приказал старший, и Мийяра увидел, как затряслись его руки.

— Да... конечно... — Локо встал, гадая, во что обернется внезапное раздражение Глэма.

— Извини... — опустил голову тайник и вдруг резко выпрямился, прищурясь. — Только не думай лишнего... Не надо...

В возникшей тишине Локо вдруг услышал, как капли пота с его лба разбиваются о деревянный пол.

— Иди!.. — прохрипел старший тайник. — И еще... Ты там приглядел бы за народом. Разболтались, кобелье племя!

Уходя, в коридоре Мийяра столкнулся с богато одетым поджарым старикашкой. Этого человека Локо видел первый раз в жизни.

— Дорогу принцу Кериту... — едва ли не с ненавистью проговорил идущий перед стариканом молодой слуга.

«Де Увал принц Керит?!» — Услышанное настолько поразило Локо, что он мгновенно прилип к стенке, уступая дорогу собственному отцу.

«Выходит, старый перечник жив!» — Выйдя на улицу, Мийяра обескураженно оглаживал морду коня. Вороной нервно хрипел, пытаясь отстраниться от человеческих рук, еще пахнувших недавней смертью.

«Значит, папаша жив, и, судя по виду, он у нас не последняя шишка — вон как его служба расшипелся. Ну-ну... И почему я за эти годы ничего о нем не слышал?»

Тайник побрел по улице, ведя коня в поводу.

«А когда и где я мог о нем слышать? Я же только с ворами да с доносчиками и общаюсь. На самом дне и дном живу. А *политику* мне Глэм не доверяет».

«Да... а ведь мамочка его уже давно похоронила. Мамочка?! — Молодой мужчина встал посреди мостовой, ловя мелькнувшую было мысль. — Мамочка?.. Инвар!» Все сложилось воедино.

Локо победоносно оглянулся вокруг и расхохотался в лицо рискнувшему подойти к нему мальчишке с лотком сладостей. Тот испуганно отшатнулся, быстро перешел на другую сторону улицы, а тайник, скаля зубы, легко вскочил на коня и тронул рысью.

«Инвар! Инвар! ИНВАР!!!» — стучало в такт копытам вороного. — «Отец!..» — отдавалась пульсацией в висках надежда.

Выбросив все оставшиеся козыри, брат Осиф запаниковал — если сейчас они с Юколой не смогут отбиться, то чародеи выиграют у них последние четыре золотых — а это все, что у них осталось. И придется тогда распрощаться уже не только со спокойной зимовкой где-нибудь в пригороде Уилтавана, но и с планами по завоеванию Гольлора, куда по весне они решили направиться после выполнения задания Скорпо, когда оно наконец прозвучит. Если вообще когда-нибудь прозвучит.

— Ваш ход, сударь. — Лицо Девина Каяса ничего не выражало, словно у какого-нибудь каменного идола.

«Что осталось у Юколы? Что осталось у Юколы?» — Монах, не решаясь, с какой карты ему ходить, беспомощно взглянул на партнера. Тот, весь в холодном поту, лишь моргнул глазами «а я что?» и попытался что-то беззвучно, одними губами, сказать. Осиф,

естественно, ничего не понял, призывно подняв брови.

— Что-то не так, брат Осиф? — участливо поинтересовался Скорпо. — Может, вам помочь, подсказать?

— А? Чего? — повернулся к нему монах.

— Я так понимаю, что вы в затруднении?

— Кто? Я? — Осиф обиженно надул щеки. — Да ничего подобного! Просто я задумался о бренности жизни и...

Инвар, не удержавшись, по-мальчишески захихикал и, враз покраснев, закрыл лицо веером карт.

— Простите... — непонимающе поднял голову Юкола.

— Ничего... ничего... — Как ни старался Каяс выглядеть серьезным, губы его все больше и больше расплывались в улыбке.

— Да пошли вы все! — отшвырнув карты, монах вскочил из-за стола. — Брат Осиф! Ты что, ничего еще не понял?

Тот искренне покачал головой.

— Они же чародеи! Волшебники, отцов их ссад! Они же все наши мысли читают!

— Что... правда? — Осиф приподнялся со своего места.

Маг с учеником дружно расхохотались.

— Успокойтесь! Прошу вас, успокойтесь!.. — вытирая слезы, пытался отдышаться Скорпо. — Ну просто невозможно было удержаться! — И пододвинул горку выигранных монет обратно к монахам.

— Возвращаем «нажитое нечестным путем», — отсмеявшись, маг собрал разбросанную по столешнице колоду и принялся неспешно ее тасовать. — Может... еще партийку?

— Мы даже подсматривать не будем. — Инвар искренне приложил руки к груди.

— Молодой человек! Лучше бы вы применяли свои знания по уму и по делу! А не на жульничество, коему... — Подбородок Юколы трясся, он глотал слова, потом резко рубанул рукой воздух и сел на прежнее место. — Раздавай! Только чтоб на сей раз, все по-честному было!

«Между прочим, у него две карты за поясом и одна в рукаве!» — мысленно послал сообщение Инвар.

«Что в рукаве, я знаю... А что именно у него за поясом?» — ответил Скорпо, старательно перемешивая затертые карты.

«Еще не знаю... — Мийяра сладко потянулся, — кажется, два туза...»

— Ну? На что играем? — начал раздачу чародей.

— На душу! — рявкнул Юкола, чуть не выронив из рукава припрятанное.

— Ну тогда надо бы договорчик оформить, чтобы все чин по чину было, условия всякие, подпись... — важно кивнул Скорпо.

— И подпись чтоб кровью! — поддакнул Инвар.

— Кровью-то зачем? — Даже учитель удивился.

— Красиво... — пожал плечами подмастерье.

— Красиво... — многозначительно переглянулись монахи.

— Итак, молодой человек! — Этим утром Скорпо был до невозможности серьезен. — Сегодня у нас, так сказать, настоящий первый экзамен. Совсем маленький, но экзамен. Вы готовы?

Инвар молча кивнул, всматриваясь в учителя — что-то в нем было не так. И из-за этого «что-то» Мийяре казалось — вот-вот Скорпо зайдет в звонком смехе и объявит, что это всего лишь игра, розыгрыш.

Чародей отошел в сторону от стола, который он закрывал собой, и взору ученика представились три запотевших кувшина. Инвар уже знал, что это были за кувшины... Красное зерстское... Самое крепкое вино на этой грани! Именно его притащили с собой монахи несколько месяцев назад. Точнее, привезли с собой пять (два они уже употребили), и вот они, оставшиеся три. И что теперь дальше? Его заставят пить? Зачем?

— Подойди сюда! — приказал Девин Каяс.

Юноша беспрекословно сделал несколько шагов вперед.

— Пей! — пододвинул первый кувшин Скорпо.

Зерстское славилось помимо своей крепости еще и необычайно сладким терпким вкусом. Так что к моменту опустошения первого сосуда во рту и в горле Инвара все буквально склеилось.

— Пей! — приказал Скорпо, когда вино было допито.

— Да шье я фам?.. — попытался было запротестовать Мийяра, но вместо отчетливых слов вышло какое-то хлипкое неразборчивое сюсюканье.

Еще второй кувшин не был опорожнен и наполовину, а Инвар почувствовал, что ноги его уже не держат, а земля начинает ходить ходуном то слева, то справа.

— Молодой еще... — посетовал кто-то из монахов, — зеленый... шас будет...

— Мд-да... — раздалось с другой стороны, — алкоголь — это не наш козырь.

Недопитое вино ученик на стол так и не поставил. Упав, куски обожженной глины разлетелись в стороны, а молодой человек, попытавшись опереться на стол, не удержал равновесия и чуть его не завалил.

— На... держи!!!

Краем глаза Инвар умудрился рассмотреть летящую в него... птицу? Или же целого дракона?!

Выпучив глаза, ученик попытался спрятаться за столом, но вместо этого о его угол ободрал себе бок и, опрокинув последний полный кувшин, заодно и сам свалился наземь.

Дракон завис над головой, обдавая горячим дыханием свою растянувшуюся жертву. Быстро перевернувшись на спину, молодой маг выставил перед оскаленной мордой ладони, посылая вперед *страх*. Чудовище продолжало напирать.

Разозлившись, Инвар, вызвал *собственный огонь* и, обратив в огромный шар, послал его вперед. И только когда пульсирующее пламя соприкоснулось с драконом, Инвар вспомнил, что...

Выставлять щит было уже поздно!

От взрыва загорелось дерево, разлитое по земле вино ярко вспыхнуло, пламя змеей побежало по траве. Несколько раз перевернувшись через себя, Инвар буквально влетел под стол.

Зажмурившись, он выговорил заклинание воды. Язык плохо слушался, мешали липкие зубы. Дым лез в глаза, не давая сосредоточиться. Кое-как он все же произнес формулу. Ничего не произошло...

Помяная про себя Отродье, Скорпо, всю магию на свете, Мийяра решил повторить заклинание, на сей раз стараясь соблюдать верную тональность слов.

— Per... ad... — нараспев читал он, — stus al...

Не то боги не выдержали издевательства над древним языком, не то молодой чародей таки попал в тон, но вверху громыхнуло, и на землю обрушился ливень.

Когда вода начала заливаться за шиворот, а вся одежда стала тяжелой, вот тут Инвар сообразил, что вызванный дождь будет идти до тех пор, пока он сам его и не остановит. Читать обратное заклинание было еще труднее, но Мийяра кое-как справился с задачей.

Наверху перекрыли задвижку, и ливень закончился. Осторожно выглянув из-под стола, ученик наткнулся взглядом на своего наставника в окружении монахов. Вся троица была в копоти, и вид их не сулил ничего хорошего. Немного поборовшись с желанием оставаться под столом, Инвар все-таки вылез и направился к стоявшим.

— А неплохое все же было представление!.. — Осиф выудил из широкого рукава три железных стакана, передавая их Юколе и Каясу. — Мне особенно понравился этот трюк с огнем. Думаю, мальчик по жизни не пропадет. Бродячие цирки всегда нуждаются в хороших фокусниках. Как полагаешь, брат Юкола?

— На кусок хлеба он всегда заработает, — вытерев мокрое лицо, монах только размазал грязь. Порывшись в складках рясы, он вытащил мех с вином. — А лично мне понравилась эта замысловатая формула, которую употребил юноша. Что-то вроде «Per anus ad astra».

— «Per anus», говорите? — Скорпо подставил стакан под горлышко меха. — Даже спорить не буду!

— Но экзамен-то он сдал? — Осиф пригубил свою порцию.

— Первую часть per anus сдал... — Каяс оглядел обезображенную поляну. — А теперь, мой милый, вторая часть. Приведи-ка все вокруг в порядок!

— И приходит ко мне эта великосветская дура, садится напротив и заявляет, что у нее проблемы и никто не в силах их решить, кроме меня! — отсмеявшись, продолжал брат Юкола, взявши за правило каждый вечер под кружечку-вторую винца рассказывать об их с братом Осифом приключениях.

Инвар, утерев выступившие слезы, подбросил в костер очередную порцию хвороста, заодно поправив нанизанное на палочки мясо так, чтобы оно не пригорело.

— «А какие у вас проблемы?» — говорю я ей. — Монах заговорщицки подмигнул слушателям. — А она мне: «Вы же лекарь, мастер, а значит, знаете, какие у девушки могут быть проблемы». Кстати говоря, той «девушке» в обед за сорок со сходом будет! Ну так вот... пригляделся я к страждущей, гляжу — ну че ей надо? Баба в самом еще соку, одета так, что жена Владыки от зависти повесится, казалось бы — живи и радуйся! Не иначе занять себя нечем — ведь недаром приземленный Асан говаривал: «*И что будешь ты делать, когда все враги твои умрут?*» Ну и говорю я ей: «Есть, мол, на твоей улице богатенькая бабка, что свой век доживает. Ох и завидует она тебе, и от зависти этой извести тебя желает да мужа твоего для своей доченьки присмотрела». А у графини-то враз глаза забегали, вспоминает. Ага, попал! Ну а как не попасть-то?! Ведь на любой улице, что деревенской, что столичной, наверняка есть какая-нибудь старуха, на которую все свои беды по жизни складывают! Думаю я, для верности надо бы ей мыслей подкинуть. «А вот с другого бока у тебя молодуха живет. Тока-тока как замуж за пьяницу выскочила. Глаза чернющие, что ночь в непогоду. Так эта тоже туда же, муженька твоего себе под крылышко загрести жаждет да тебя гольшом по ветру пустить. Но ты не бойсь, мужик у тебя верный, ни о ком, кроме тебя, мысли не держит, а для пущей надежности мы его к тебе попрочней привяжем». И реально достаю веревку (я ею наемни портки подвязывал, да она, зараза, порвалась!), обматываю ею

запястье левой ручки, пухленькой такой, и совсем серьезным видом заявляю: «Как хоч, а нынче, пока Сестры Небесные своим светом землю грешную поливать будут, обвяжи вот так же запястье мужа своего. А поутру, как Сестры на покой уйдут, разрежь веревку, что вас связывала, да первой не сымай! Пусть он первым это сделает! А как подберешь обрывочек тот, так сразу же и ко мне!»

Испив винца, монах, с нетерпением поглядывая на дожаривающееся мясо, продолжил:

— Графиня ничего не сказала. Молча встала, ушла. Поутру, я еще и умыться как следует не успел, гляжу — бежит... Да так, что подол аж до затылка задирается! А на лице у нее белилами с палец толщиной замазанный синячище под глазом, да аж до губы — видать, у мужика ейного кулачок на славу оказался. Ну, бабенка первым делом заблажила так, что все мухи по стенкам попрятались. Потом ничего... отдышалась, успокоилась... И что, оказывается, случилось! Дождалась она, когда супруг на бок уляжется, с первым храпом приловчилась да и привязалась к нему. Чего он тут проснулся, только ему ведомо — мож, она где кожу защемила той бечевкой, мож, еще что... Не знаю — врать не буду!

Так, значит, проснулся он, и сразу вопросик: а чей ты, дорогая, удумала? Перевязкой на ночь глядя решила заняться, али еще чего? Бабенка, слава Небу, мозгами не сильно ущемлена была — сообразила, что правду говорить — это одно из двух: либо без одного глаза остаться, либо без двух... Вот она и заявляет, что, мол, от подруг услышала новый заграничный способ. И пока муж соображал, что к чему, зачем и как, она свое грязное дело и сотворила. Не знаю, понравились ли графу эти «заграничные» причуды иль нет, но угомонились они не скоро. Вот тут-то бы всему этому безобразию и закончиться, если бы... Если бы не приспичило мужику по нужде. Да не по малой, а... ну, вы поняли. Он было эту веревку развязывать, а она затянулась, да намертво. Он к стене, где родовой меч висит, да только тем мечом не врагов рубить, а комаров пугать: перерубить не перерубишь, но оглушишь намертво. Граф на кухню за ножом — кухню слуги на ночь по его же приказу и закрыли! А в животе непотребство великое... А сил терпеть нет... Что делать?! Понесся бедолага в нужник, а графиня-то на привязи. В подоле своей тряпки, что в постель надела, путается, чуть ли не падает. Соответственно тащатся они, как два червяка по грядке. И вот когда они до места таки добрались, выясняется маленькая несуразица вроде той, что домик-то маловат!.. Такая вот картина: граф за дверью собой занимается, графиня с другой стороны двери слушает, как он этим занимается. Неспешно дело дошло до триумфального конца: мужик начинает подниматься с корточек, ну и потянул на себя руку, что с супружницей прочнее небесных уз повязана была. Мужик сам не мелкий был, да и жену, видно, под себя откормил. И сама дверь уже в возрасте была. И как она, бедняжка, в смысле супруга, ни упиралась, все равно вошла к любимому. Точнее сказать, влетела...

Вы задействуйте воображение... этакое батальное полотно себе набросайте... Нафантазировали? А теперь представьте, что устроил драгоценный супруг, после того как восстал из э-э-э... пепла?

Надо отдать должное графине — условие «заговора» она выполнила. То бишь отстояла до конца всю экзекуцию, ни на шаг не отходя от милого. А может, и хотела отойди, да как?! Веребочку же так никто и не отвязал... С рассветом слуги подтянулись — «а то как же всю ночь за топоры держались, думали, убивают нас воры ночные». Те их, так сказать, и освободили.

Отпричиталась, значит, графинюшка, — переведа дух, повествовал брат Юкола дальше. — Вручила мне эту бечевку, замызганную, исстрадавшуюся. Я над нею пошептал, руками

поводил, в водиче помочил и что-то там повелел с ней сделать для замыкания. Не то в саду закопать, не то в подушку мужу зашить... Не помню. Расплатилась она со мной по-королевски, все чин по чину, сказать ничего не могу. Но на этом все еще не кончилось! Не проходит и четверти дня, как является предо мной ейный муженек. Зашел ко мне, смотрит пристально, словно выбирая, какую руку с корнем первой выдрать, и молчит. Я тоже стою и молчу. А что еще делать? Когда молчать стало неинтересно и жутко тягостно, я решаюсь-таки открыть рот. Граф будто ждал этого. «Ты, — говорит, — моей жене мозги хороводил?» Я, сама наивность, ему: «Меня спросили, я ответил». Он мне: «А что моя спрашивала?» А я ему: «Что спрашивала, на то и ответил, а ты, коль желаешь знать, у нее спроси!» Граф, понятное дело, кровью налился, за грудки меня было брать, а я ему прямо в лоб: «Худо мне сделаешь, завтра же мужиком быть перестанешь!» Тот замер, ждет, что я дальше скажу. Я же, не будь дураком, продолжаю: «Ты, — говорю, — прекращал бы на молодух заглядываться. У них ведь тоже мужья есть, могут и за ножички взяться». Смотрю, граф затих, пальчики маленько ослабил, опять выжидает.

Я напор не ослабил, говорю: «Слышь, козел старый! Вот ты на окраину ходишь, а жена-то знает! А коль молчит, то это все пока! А «пока» у тебя на днях кончается — вот и думай! Тем паче, что полюбовница твоя, как и все остальные, впрочем, тебя за мужика-то и не считает, им лишь бы монеток урвать да на улице силой погрозить вроде того: «Кто к нам ходит, он все может, и вообще!» Так что ручонки свои убери, не обрекай себя на позор!» Мужичонка прискорбно заткнулся, думает... А потом и признается: «У меня девка одна есть, дочка знакомца. Для нее-то я хоть как?» Вижу, мужик в себе сумлевается — надо бы гонор поддержать. «Нормально, — говорю, — конечно, и круче тебя полюбовнички по миру имеются, но ты, главное, в себе не сумлевайся — для этой ты царь и бог!» Граф расцвел, по хате заходил, аж насвистывать начал. Затем достает кошель, сначала было отсыпать хотел, а потом плюнул, весь сует. «Заработал, — сквозь зубы цедит. — Но учти, чтоб завтра твоего духу в городе не было! Иначе...» Я же ему поперек: «Ты это кому и что говоришь, а?» — а у самого коленки дрожат, дыхание от страха сперло — одно дело бабам, зажавшимся от безделья, головы морочить, а здесь... Граф ничего не сказал напослед, лишь пальцем в дверях погрозил и удалился восвояси.

Как только он за порогом скрылся, я манатки в охапку, и только меня и видели!

— Вот так наш драгоценнейший брат и показал себя самым настоящим *народным целителем*. Из тех, что по земле неприкаянными шатаются да из людей денежку вытягивают, — подвел черту Осиф. — Я сам поначалу хотел этим заняться — дело-то прибыльное, но... Конкуренция, понимаешь! А ведь и способностей особо здесь не нужно — ведь главное что: уметь слушать да понимать, что человеку перво-наперво надобно. Вот хотите, уважаемый Каяс, я скажу, что тяготит вашу душу? Поверьте, недорого возьму... так сказать, по знакомству.

— Давайте! — улыбаясь, махнул рукой Скорпо.

— А беспокоит вас, готов ли Инвар к испытанию, что этой зимой состоится? И когда же наконец придут гости, которых вы с таким нетерпением ожидаете?

Волшебник даже не попытался скрыть удивления.

— Мэтр, вы постоянно смотрите в сторону дороги, — монах скромно улыбнулся, — значит, кого-то ожидаете. Все очень просто, не так ли? И заметьте — никакой магии или других чудес!

Когда Ост Шагар, сын Ажатоны в сопровождении еще двух орков вышел к пещере, Скорпо с облегчением вздохнул.

— Прихвет тебе, великий шахман! — тяжело спрыгнув с коня, вскинул руку орк.

— И тебе привет, сын славного отца! — поклонился навстречу маг. — Я ждал тебя и рад видеть тебя живым и в добром здравии.

— Хочу знакомить тебя с сыновьями! — гордо кивнул Шагар себе за спину.

«Боги! Ну и уроды!» — Выйдя на голоса из пещеры, Инвар чуть поклонился гостям и сразу же встал позади учителя с самым равнодушным выражением лица. «А где у нас нынче братья-монахи? Что-то их с утра не было видно...»

— Гархан, Ра. — Молодые орки по очереди сдержанно поклонились.

— Инвар, — обращаясь к ученику, Каяс даже не повернулся, — покажи молодцам, куда поставить лошадей.

Кивнув «идите за мной», Мийяра повел орков к дальнему краю леса, где у выступа скалы было сооружено подобие загона. Идя впереди братьев, молодой маг, не удержавшись, попытался проникнуть в разум ближайшего к нему свинорылого.

Первое, что сразу же насторожило юношу: входить в разум Ра было очень тяжело. Словно пытаешься идти по пояс в тягучем месиве болота. «Выходит, учитель был прав, говоря о том, что древние народы устроены по-другому, чем люди. Ну-ну... сдается мне, что *это* будет даже забавным». Предельно сосредоточившись, Инвар приступил к задуманному. Разум «внешне» был похожим на человеческий, но здесь ощущалось присутствие чего-то более могущественного, даже, скорей, древнего. Как в земле, что хранит в себе тайны прошлого, давно ставшего историей.

Поколебавшись, Инвар, обратив *лезвие мысли* в один тонкий стержень, усилил давление и продвинулся сразу на целую...

Ра захрипел и встал, хватаясь за голову. Мийяра мгновенно убрался из разума орка, меж тем разворачиваясь всем телом к нему. Гархан, подхватив брата под мышки, осторожно опускал его на землю.

«А, Отродье! Надо же было!..» — Инвар бросился к Ра, мысленно прикидывая, чем же ему помочь.

Молодой орк дергался в конвульсиях, по клыкастой морде толчками ползла желтая пена. Налитые кровью, по-детски испуганные глаза метались из стороны в сторону, словно пытаясь что-то сказать. В них отражался страх беспомощности.

— Ажигай^[7]... ажигай... — в ужасе шептал Гархан, держа голову брата на своих коленях, одновременно обшаривая взглядом ближайшие кусты, словно именно там и прятался враг.

— Беги за Каясом, быстро! — крикнул Мийяра, сам опускаясь на колени. Орк непонимающе мотнул головой.

— Шаман! Дхари^[8]! — Инвар даже не понял, что говорит на незнакомом ему языке.

В третий раз Гархану повторять было не нужно. Передав брата молодому чародею, орк вскочил с места, птицей взлетел в седло и пришпорил жеребца. Отчаянно заржав, конь рванул вперед, выбрасывая из-под копыт куски дерна.

— Только не вздумай у меня подыхать!.. — прошипел человек на ухо Ра.

Тот замычал, закатывая глаза, голова судорожно начала откидываться назад. Инвар быстро вставил ему меж зубов ножны стилета, не давая орку прикусить язык. Ра задергался, загребая толстыми пальцами траву. Дальше Инвар действовал интуитивно.

Приложив руки к вискам орка, как раз к тому месту, где начинались на огромной голове уши, сын Лысой Мийяры стал постепенно, слой за слоем, отыскивать, где ОН нарушил тонкую сферу чужого разума. Пробираться было тяжело... Перед внутренним взором чародея мелькали картинки чужой памяти, завитки потаенных мыслей, кирпичики знаний...

Слава богам, разрыв был меньше, чем ожидал Инвар. Сведя края *раны*, он принялся вдыхать между ними *тепло*. Окунувшись в прозрачный поток, материя вздрогнула, вытягиваясь, и покатила волной воссоединиться со своей половиной.

И вот они встретились, плавно сливаясь в одно. Волны забурлили, вздымаясь вверх над красно-голубой трепещущей сферой.

Ра открыл глаза... задышал полной грудью... Еле-еле отлепив пышущие жаром ладони от головы орка, Инвар лег рядом, вытягиваясь на примятой траве.

Его мутило, голова слегка кружилась, но вместе с тем Мийяра ощущал такую эйфорию, такую легкость во всем теле, что ему хотелось, оттолкнувшись от земли, воспарить к Небу и улыбнуться богам, молчаливо взиравшим на него.

Ему захотелось спать. Веки, словно свинцовые, сами закрыли далекий небосвод от взора *мага*, и вялая истома, обняв тело молодого *мужчины*, толкнула его в качающийся океан грез.

Поставив перед проснувшимся подмастерьем кувшин, Скорпо кивнул в сторону задернутой выцветшими шкурами двери и приложил палец к губам: «молчи». Еще не отошедший от сна Инвар лишь пожал плечами и потянулся к сосуду с водой — в горле першило, а во рту ощущалась невыносимая вонь, словно после разухабистой пирушки.

Холодная родниковая вода в кувшине отдавала еле уловимым цветочным запахом. «Эхиау... золотничка...» — определил вкус Инвар и тут же закашлялся от хлынувшего в легкие потока холода.

«Не резковато? — Девин Каяс, заложив ногу за ногу, с самым равнодушным видом взирал на ученика. — Как ощущения?»

Инвар лишь вытер выступившие слезы.

«Зачем ты полез в голову бедного Ра? — начал молчаливую беседу волшебник. — Ты ведь должен был предполагать, что эта попытка может обернуться плачевно для орка. Кажется, я тебе говорил, что *нелюди* устроены немного по-другому?»

Отдышавшись, Мийяра умоляюще посмотрел на учителя: «А может сегодня не будете нравоучениями донимать? И так чувствую себя, словно по мне орда уродцев протопталась. Как там орк?»

После недолгого «молчания» Девин Каяс ответил: «Нормально... только лицо немного перекосилось, а так ничего...»

Инвар мучительно зажмурился, обескураженно качая головой: «Еще раз можно повторить, что с Ра?»

«После твоих экспериментов с сознанием орка его лицо перекошено вправо. Можно сказать, что глаз его вытек. Просто вытек...»

Мийяра сел, опираясь руками о край кровати. Услышанное эхом звучало в его голове.

— И как это... — начал он вслух, но осекся на полуслове. — «Как это случилось? В смысле, отчего это произошло?»

«Контроль, мой друг. Я уже не спрашиваю тебя о том, зачем понадобилось лезть в чужой мозг. Полагаю — обыкновенное любопытство. Ну, в конце концов теперь ты убедился, что подобные опыты к хорошему привести не могут. Далее. Ты сделал то, что

сделал. Ни за что ни про что едва не отправил несчастного малого к предкам. Все это на твоей совести. Сейчас вопрос другой. Войдя в Ра, ты разрушил оболочку *воло*. Ошибка в том, что ты держал орка за человека. Разницу ты ощутил! А вот то, что ты сделал потом... Знаешь, я тобой горжусь! — Скорпо грустно улыбнулся. — Я не издеваюсь, я говорю совершенно серьезно. Ты смог вернуть сына Шагара в мир живых. Как это тебе удалось... я даже не могу представить, но ты это сделал. Ну а увечье?.. Пусть это будет последним уроком: даже будучи в спешке, помни, что в твоих силах и убить, и воскресить... Все зависит от того, как ты будешь действовать. Надеюсь, ты понял, что я тебе сказал. И последнее — орки считают, что ты спас Ра от злых духов, напавших на него. Будь любезен подыграть им, но!.. Но помни, злым духом был ты».

Оставив Ра на попечение Каяса и монахов, Инвар вместе с Шагаром и его старшим сыном безуспешно бродили по ближайшим окрестностям Заблудшего Леса в поисках дичи.

День близился к концу, когда охотники, подстрелив лишь парочку зазевавшихся зайцев и увальня-тетерева, повернули обратно к пещере Скорпо.

Айдо успел научить сына ведьмы приемам обороны в схватке, кое-чему из нападения и защиты, а вот стрелять из обыкновенного охотничьего лука... Тогда Каяс попросил молодого бор-Ота построить обучение на элементарных навыках боя и контроле внутренней энергии. Единственное, чему Айдо еще успел обучить Мийяру, так это сносно метать шток — засапожный нож, что вечно таскают с собой гномы Голубых Гор. Но вот послать длинную оперенную стрелу точно в цель Инвар так и не выучился. И сейчас, мысленно кляня себя за неудачный выстрел в красавца оленя, магик плелся за орками, намеренно пропустив их.

Отец с сыном уверенно шагали вперед, стараясь не приминать высокую траву, тогда как Мийяра косолапо вытаптывал ее, из-за чего мысленно ругал себя все больше и больше.

Орки намеренно не пошли прямым путем, а пустились на небольшой крюк в надежде, что им сегодня удастся еще чего-нибудь добыть. Никого не встретив, они вышли к красной скале.

У ее подножия Инвар замер, чувствуя, как по плечам разливается чуть тяжеловатое, но в то же время приятное *тепло магии*.

Остановившись, молодой чародей попытался сориентироваться в поступающей силе, ясно сознавая, что здесь не должно быть перекрестья, а соответственно не может быть и *источника*.

Но нет — сила шла прямо отсюда, там, где он стоял.

— Ашат кара, — вдруг прохрипел Шагар, показывая перед собой. — Инварх, здесь водится кон?

— «Кон»?.. Конь... лошади, что ли? — подошел к орку Мийяра, внимательно глядя туда, куда показывал рукой Шагар. У самой тропы, там, где кончалась трава, виднелся четкий след копыта.

Ост Шагар с сыном уже не слушали, настойчиво идя по следу. Инвару ничего не оставалось, как устремиться следом.

День уже заканчивался, и в начинающихся сумерках лес терял свои очертания. Когда они вышли к подножию скалы, было уже почти темно.

Орки, как эльфы и гномы, прекрасно видели в темноте, а потому уверенно продвигались вперед в вечернем полумраке. Шагар то склонялся к траве, то, выпрямляясь, шел и шел вперед по следам.

Сзади неожиданно раздалось ржание. Мгновение, и Инвар увидел перед собой

вскинутые луки, враз обернувшись орков, целящихся ему за спину. Магик, как по команде, рухнул вниз, освобождая Шагару и Гархану пространство для стрельбы.

Было тихо... ни свиста стрел, ни воя раненого зверя. Мийяра осторожно поднял от земли голову. Орки стояли застывшими изваяниями и, широко раскрыв глаза, смотрели в сторону леса.

Медленно перевернувшись на спину, молодой магик глянул на...

Вспышка невероятно яркого света окатила его, и все вокруг заволочло снежно-искрящимся туманом. Тело стало мягким, под стать этой мгле, и навстречу к нему вышел человек, облаченный в просторные одежды.

— Значит, это ты — Избранный? — Незнакомец не произнес вслух ни слова, но его речь вливалась в мозг Инвара подобно родниковой воде. — Мне было приказано ждать тебя здесь.

— Кем было приказано? — болезненно щурясь, Мийяра пытался рассмотреть говорившего.

— Теми, кто выше тебя.

— Зачем?

— Чтобы ты сделал свой выбор.

— Выбор?

— Да, выбор. Ты наделен величайшими способностями. Ты отмечен Знаком. Через несколько лет тебе придется либо открыть Врата, либо навсегда запереть их от взора Непроизносимого.

— Непроизносимого? — не понял молодой чародей. — О ком это вы?

— О том, кто жаждет захватить власть над этим миром.

— Почему именно этим?

— Здесь хранится ключ. Артефакт, позволяющий беспрепятственно проходить *Сферу Покоя*. А как только будет захвачена одна грань, Кристалл даст трещину, и грани будут завоеваны одна за другой.

— А этот артефакт... Его нельзя просто уничтожить?

— Непонятно, как был создан *Бунн Лоуусу*. Высшие боги не знают, как прореагирует Сфера на уничтожение столь энергетически мощного предмета. Не смея рисковать, они спрятали *Бунн Лоуусу* здесь. Но он не будет храниться здесь вечно. Ровно в срок он попытается покинуть свою темницу.

— «Попытается покинуть»? Он что, живой? — криво усмехнулся Инвар.

— Да. — Единорог замолчал, глядя своими проникновенно голубыми, как небесная твердь, глазами на человека. — Он живой, и тебе придется скрестить с ним мечи. Это будет даже не поединок с *Бунн Лоуусу*, это будет схватка с самим собой. Отнесись к этому серьезно. Сейчас я уйду. Ты увидишь меня не скоро, — после долгой паузы продолжил Рох-Тилион. — Ты забудешь о нашем разговоре. Но когда мы встретимся вновь, ты вспомнишь все до самого последнего слова.

— Подожди! — вскинул руку Инвар. — Почему я? Что во мне особенного?

— Ничего... — ответила миловидная девушка с веткой сирени в руках. — Милый, просто надо же быть кому-то *ключом*. Опять же время подходит... — лукаво улыбнулся мальчишка.

Паренек показал язык и, грубо, по-лошадиному заржав, растворился в воздухе.

Пелена тумана спала... Инвар удивленно оглянулся, силясь понять, что произошло.

Орки как стояли, так и продолжали стоять, устремив взгляд вдаль.

Мийяра оглянулся, не заметив, когда он успел встать с земли. Тут он внимательно посмотрел на орков и замер, а лоб и спина стали мокрыми от волнения.

Стрелы охотников... были выпущены...

И они висели в воздухе... словно вечный холод сковал их...

— Ты совсем ничего не помнишь? — Скорпо расхаживал взад-вперед по пещере. — Напрягись... попробуй хоть что-нибудь вспомнить.

Честно нахмутив лоб, Инвар рыскал в уголках своей памяти, но на ум ничего не приходило, кроме яркой вспышки света, враз навалившейся непонятной истомы и застывших статуями орков, выпустивших стрелы, что так и не попали в цель.

— Нет... — потупя взор, признался юноша. — Совсем ничего... Простите, учитель.

Девин Каяс сокрушенно покачал головой, даже не зная, что и сказать — от парня веяло такой силой, такой энергией, что у выдавшего виды мага волосы на голове шевелились.

«Так что могло приключиться с ним? — пустился в размышления чародей. — Допустим, Инвар встретил того единорога, что приходит к Красной пещере. Они могли что-то сказать друг другу? Безусловно. Инвар — девственник, а значит, единорог мог пойти на контакт. Но почему же тогда мальчишка ничего не помнит? Что он мог такого узнать, что понадобилось уничтожать его память? Или это просто последствие шока?»

«Или же он все-таки Избранный? — Скорпо посмотрел на Мийяру так, словно впервые его видел. — А почему нет?»

Каяс развернулся на каблуках и направился к двери, на ходу развязывая шнуровку воротника — дышать было нечем, от волнения у мага стеснило грудь.

«Избранный... Все-таки мой ученик — Избранный! А я уж полагал, что у меня паранойя. Мой ученик поставит на колени эту грань, чтобы Кристалл превратился в Великое Ничто. Мой ученик!.. Выходит, я был прав! Тысячу раз прав, Отродье меня раздери!»

Оказавшись на улице, Скорпо знаком подозвал к себе монахов.

С явной неохотой, прервав разговор с орками, братья подошли к чародею.

— Господа, тот день, ради которого вы прибыли сюда, настал. Вы готовы?

Моментально убрав с лица выражение ленивого недовольства, Юкола метнул взгляд на Осифа.

— Мы уже целое лето ждем этого, мэтр... — сипло произнес монах и хищно улыбнулся. — Я даже решил, что вы пригласили нас только для того, чтобы правильно *прополоскать* мальчишке мозги.

— Куда нам следовать и что нам делать, господин маг? — подавляя усмешку, сделал шаг вперед брат Осиф.

Всю ночь Инвара мучили кошмары.

Кто-то гнался за ним, пытаясь накинуть на горло перевязанную узлами веревку. Вздернув на дыбе, палач кусок за куском резал его тело, а карлик-шут, брызгая слюной, толстой волосатой нитью опять пришивал отрезанное. После виселицы его привязали к двум диким лошадям, и они разорвали его. Появившийся Локо, отвратительно голый, весь в каких-то чирьях и непонятных рубцах, смазав раны жакхе, воссоединил тело.

Старший брат исчез, и Инвара вышвырнули на крошечный островок прямо посреди жерла пышущего вулкана. Куски лавы обжигали ноги, спину, живот. Не удержав равновесия,

он рухнул вниз, прямо в огонь. Его окутал ледяной холод. Лава стала замерзать, сковывая тело, пока Инвар не превратился в кусок льда.

Недвижимый, сквозь голубую толщу замерзшей воды он видел плывущих в его сторону чудовищ.

Огромные усаые рыбины с когтистыми лапами вместо плавников грызли, царапали лед, стремясь добраться до человеческой плоти. Мешая друг другу, они облепили юношу со всех сторон, переворачивая, толкая его из стороны в сторону.

Не выдержав натиска, лед рассыпался. Твари схватили Инвара и потащили вниз. Глубже и глубже... Становилось все холоднее... Вместе с холодом наступала темнота...

Сквозь дрожащую мглу он предстал перед ним.

Лицо его постоянно менялось. Он был то мужчиной, то женщиной, то юнцом, то повидавшей мир старухой. Из человека он превращался в эльфа, из эльфа — в неведомое существо, схожее с человеком, но без волос, с единственным глазом посреди широкого лба. Лишь одно в этом хаосе ликов оставалось неизменным — Отродье был прекрасен.

Зато у стоящего рядом лица не было вообще. Впрочем, как и тела... По крайней мере, всего этого не было видно под просторным ниспадающим балахоном.

— Тебе нужно *это*? — Безликий протянул Инвару огромный фолиант. — *Это* ты ищешь?

— Я ничего не ищу... — прошептал ученик мага, вглядываясь в Книгу.

— О! Тогда я с полной уверенностью могу отдать ее другому, — Бунп Лоуусу поплыла в сторону улыбающегося демона с далекой звезды. — Раз она тебе не нужна...

— Подождите! — протестуя, выставил перед собой руки будущий Скорпо.

— Так ты все же сомневаешься? — выдыхая пар сквозь оскаленные клыки, прохрипела отвратительная обезьянья морда с глазами козла.

Только четверка путников ступила на улицы славного Уилтавана, как сверху прокашлял гром и тяжелые капли дождя застучали по деревянному настилу мостовой.

— Это что ж, нарочно? — с ненавистью глядя на разом потемневшие небеса, заворчал брат Осиф, укутываясь в плащ.

— Трактир, — указал в конец улицы Ост Шагар. — Дождь — конец. Мы путь.

— Отличная идея! — ежась от попавших за шиворот капель, поддержал старого орка Юкола. — Надеюсь, у них найдется кружка подогретого красного винца? Со специями, разумеется.

— Брат у нас — эстет... — как бы извиняясь перед попутчиками, пожал плечами Осиф.

Мордovorот на пороге «Седого Карпа» сразу же не понравился монахам.

— Ты видел? — усевшись на скамью, толкнул сотоварища Осиф.

— Не могу вспомнить, кто это... — не сводя глаз с вышибалы, Юкола расстегивал мокрый плащ. — Молодой он...

— Лет тридцать. И то вряд ли... — поддержал монах, с наслаждением вытягивая ноги под столом. — Крупный, зараза. И глянь, какая кожа у него темная... почти медная... Южанин.

— С островов Хрустального моря? Так нас там сроду не носило. А вот Северная Озанава даже очень...

Монахи, замолчав, переглянулись.

Одновременно встав, они заворуженно глядели на то место, где только что стоял

выходец из далекой страны.

— Что?! — вскочил Ост Шагар, от которого не укрылась тревога спутников. Гархан поднялся следом, настороженно крутя головой.

— Ты веришь в Провидение? — прохрипел Осиф, срываясь с места и с ожесточением отлепляя от тела мокрую ткань плаща.

— Я верю в то, что свое любимое горячее вино ты теперь сможешь выжрать только в гостях у Отродья! — с трудом проталкиваясь сквозь посетителей (а ведь еще минуту назад трактир был совершенно пуст!), монах шел вперед, стараясь не терять из виду своих.

Шагар с сыном дышали им в спину.

Улица встретила их плотной завесой дождя. Казалось, что все реки грани вышли из берегов, дабы утопить Уилтаван в своих водах.

Держась стен домов, люди и орки двинулись в сторону Северных ворот.

Идти было тяжело — ливень наотмашь хлестал по спинам и головам, ноги заплетались в несущейся навстречу воде.

Они не прошли и квартала, как им перегородили дорогу.

Меднолицые парни с длинными палками в руках молча стояли напротив них широким полукругом.

Орки без лишних слов обнажили оружие, заходя чуть вперед монахов.

Ближайшие молодчики расступились, и сквозь стену падающей воды выдвинулась шестерка озанавцев с взведенными арбалетами.

Недобро крикнув, Ост Шагар выкинул вперед левую руку, посылая шток в цель. Гархан, наклонив клыкастую голову, тут же пошел в атаку.

Смешиваясь с дождевой водой, кровь побежала вниз по улице, к забитым мусором стокам.

— И что это значит? — Локо рассматривал сваленные у стены трупы. Дождь давно кончился, и на мгновение старшему тайнику показалось, что тела уже омыли для погребения.

— Переселенцы с Озанава что-то не поделили с орками. Братья, по всей видимости, пытались их разнять... — Младший зрячий сокрушенно покачал головой, не отводя взгляда от мертвых монахов. — Теперь озанавских резать будут!..

— И еще как... — Мийяра сплюнул на мокрую мостовую. — Единоверцы?

— Не знаем — ни крестов, ни четок. Вот только у одного бумагу в коробе нашли, да понять ничего не поняли — не по-нашему писано, — и протянул пергамент старшему.

Локо развернул поданный лист. Ровные строчки неизвестных символов тянулись по всей ширине документа. Ни подписи, ни чего-то похожего на нее, ни отличительного знака печати или герба.

— Срочно установить — заходили ли двое монахов вчера или сегодня в город. Если да, то когда именно, с кем и с какой стороны, — нахмурившись, свернул он пергамент. — И делать это надо быстро. Очень быстро... Далее. Оцепить квартал. Не допускать беспорядков. Нам еще не хватало, чтобы фанатики-единоверцы взялись за ножи. Старшину озанавских нашли? Нет... Ищите. Переверните весь город, но чтоб был! Сейчас я отправляюсь к принцу Кериту, а затем к отцу Дэниису.

Ловко вспрыгнув в повозку, Мийяра толкнул тростью возничего.

«Необходимо разгадать послание. Что в нем? Силы единоверцев крепнут день ото дня.

И если отец не ошибается, то принятие Владыкой новой веры уже вопрос не времени, а дней. А если Владыка все же не захочет креститься? Уж не инструкции ли это? А если мы ошибаемся?.. Нет! Необходимо понять письмо».

В усадьбе принца Локо уже знали в лицо. Правда, никто не догадывался, кем приходится друг другу родной брат Владыки и этот набирающий силу новый старший тайник. Догадывались — есть некая связь, но какая... Поэтому в лицо нагло не улыбались, в спину не шептались, в длинных очередях на прием не задерживали, а сразу провожали в покой его светлости.

— Ты по поводу стычки с озанавцами? — едва войдя в комнату, сразу перешел к делу принц Керит. — Погибшие — монахи-единоверцы? Есть возможность избежать резни?

Вместо ответа Локо подал отцу пергамент.

— Что это? — Де Увал поднес развернутую бумагу к самому носу.

— Это было найдено у одного из погибших монахов.

— Чушь какая-то. Полагаю, в твоём распоряжении нет ни одного толкового толмача? Я тебе помогу — оставь. Что ты собираешься делать?

— Для начала установить, точно ли убитые были единоверцами. Опросить озанавского старшину. Ведь драка началась по какой-то причине? По какой? Далее. Орки, а их, кстати, было тоже двое, были убиты арбалетными болтами. А вот монахи... Их забили насмерть. Ни одной резаной раны. Почему? Это больше походит на расправу, казнь, а не на «случайную потасовку». Здесь мы можем только догадываться. Сейчас я отправляюсь в «Дом». Как только будут какие-либо новости — я немедленно сообщу.

— Хорошо, — кивнул принц. — Действуй. Позволю себе усложнить твою задачу. Через четыре дня наш Владыка собирался принять Единоверие. Ты представляешь, во что может вылиться этот инцидент?

Локо склонил голову.

— Иди, — устало молвил Де Увал. — И возвращайся только с хорошими известиями.

На удивление, старшина озанавских переселенцев был молод. Вряд ли ему исполнилось даже тридцать, и это привело Мийяру поначалу в легкое замешательство.

Парень стоял, широко расставив ноги, с гордо поднятой головой, не мигая уставившись в одну точку куда-то за спиной старшего тайника.

«Странно... следов побоев не видно. Сдался без боя?»

— Где взяли? — обратился Локо к кому-то из троих зрячих, стоящих по сторонам от озанавца.

— Так это... сам пришел, — буркнул один из тайников, отводя взгляд в сторону, будто сам виноват во всем, что случилось сегодня.

— Даже так... — безразлично протянул Мийяра, откидываясь на высокую спинку деревянного кресла. — Имя есть?

— Ар'нег, — ответил озанавец, почти не разжимая губ.

— Ну и что вы с орками не поделили?

— Нам не нужны были орки. Нам были нужны эти двое.

«Так... это уже интересно. Если этот молодчик не врет, то Уилтаван на грани небольшой религиозной войны... Совсем маленькой — полгорода вырежут, и всё...»

— И зачем вам понадобились единоверцы? — Голос старшего тайника не выражал никаких эмоций.

— Они не единоверцы, — и, не дожидаясь вопроса, продолжил: — Пять лет назад эти двое гостили у нас, в Озанаве. Они принесли нам новую веру. Они сказали, что они посланники Небесной Коровы, и мы поверили им, потому как они затуманили наш разум.

Локо еле сдержался, чтобы не расхохотаться вслух. Он понял, о чем, точнее, *о ком*, идет речь. Еще в начале года власти целых шести королевств объявили в розыск двух проходимцев, выдающих себя за посланников новой веры. И каждый раз — новой. Все вставало на свои места, осталось только дослушать повесть этого предводителя южных простаков.

Вошедший младший тайник с поклоном положил на стол исписанный лист.

Из кое-как накарябанного неровным почерком послания следовало, что «утром сего дня двое монахов-единоверцев в сопровождении двух орков вошли в город через Южные ворота, направляясь в северные монастыри. В Уилтаване собирались быть не больше двух дней, дабы отдохнуть и навестить знакомых в квартале... — Здесь старший тайник замер, оторопело перечитывая прыгающие строки, — ...в квартале мастеровых и остановиться на ночлег у мэтра Ень-Иро, полуэльфа».

Еле справившись с собой, несостоявшийся ювелир кивнул озанавцу — продолжай.

Ар'нег пустился в рассказ о том, как двое новоявленных святош повергли старые святыни, подменив их... но его уже не слушали — в голове тайника одна за другой мелькали мысли, складываясь в хитросплетенный путаный узор.

Эти двое монахов как-то связаны с колдуном Скорпо? Как? Орки шли с братьями в качестве охранников. Судя по всему, орки были наемниками. Тогда кто так щедро заплатил им за сопровождение и охрану? Только маг. Куда же он послал их... Зачем? И могло ли как-то все произошедшее касаться его, Локо? Или, может быть, его младшего *братика* — Инвара?.. Письмо. Что в нем? Куда его несли? Зачем?

Надо срочно поторопить отца. Пусть переведут это проклятое письмо!

Мийяра резко встал и, даже не дослушав рассказ, направился к дверям. У самого порога он повернулся:

— Этого *пока* запереть. Относиться со всем почтением. То, что он сказал, похоже на правду, но требует кое-каких уточнений. Скорей всего, завтра его отпустят. Но это будет только завтра...

Как усердно ни трудились люди родного брата Владыки над письменами, они так и не смогли *это* перевести.

Выслушав ничего не значащие наставления от принца, Мийяра в сопровождении двух младших тайников направился к отцу Дэниису, первосвященнику единоверцев.

В свое время отец Дэниис потратил немало сил и денег, но добился своего, и великолепной архитектуры, поражающий своим величием и изысканностью Храм Единой Веры стоял на стыке кварталов ремесленников и знати. Тайникам стало известно, что единоверцы умудрились договориться с ночных дел мастерами, дабы те даже не помышляли творить свои воровские дела вблизи Храма. Что в обмен на спокойствие пообещал лихим людишкам отец Дэниис, оставалось только догадываться.

Двери Храма были открыты. Впрочем, они всегда были открыты, и днем и ночью, как завещал *Ушедший*.

Приказав младшим оставаться снаружи, Локо переступил порог.

Ступая по мозаичному полу вдоль многочисленных скамей, Мийяра невольно

восхитился красотой внутреннего убранства. С высокого потолка, словно с небес, глядели искусно нарисованные дети с белыми крылышками за пухлыми плечами. Суровые мудрецы с нимбами над головой, соединив пальцы правой руки в знак креста, казалось, заглядывали в самую душу вошедшего.

Над алтарем клубился ароматный, чуть щекочущий ноздри синеватый дым. А из-за него выглядывало уставшее спокойное лицо Ушедшего. Золотая статуя держала в руках толстый фолиант. На его обложке были начертаны такие же непонятные письмена, что лежали в кармане старшего тайника.

И самое главное — дышалось свободно... легко... И в то же время хотелось пасть ниц и, не сдерживая слез раскаяния, восславив Всевышнего, отдаться ему душой, отрекаясь от ушедших в никуда пустых дней.

Еле поборов головокружение, сын Лысой Мийяры уселся на первую от жертвенника скамью, подобрав ноги под себя. Ждать пришлось недолго. Сбоку послышался легкий скрип двери, и из-за алтаря вышел высокий седобородый старец в вышитых золотом одеждах.

Опираясь на усыпанную камнями клюку, он внимательно вглядывался в пришедшего. Немного постояв, он прошаркал до скамьи и молча опустился рядом с тайником, хрипло дыша.

— Зачем пришел? — облизав потрескавшиеся губы почти белым языком, прохрипел первосвященник.

— Что здесь написано? — Локо положил перед собой принесенный документ.

— Два вопроса, — дрожащие морщинистые пальцы развернули бумагу. — За что *именно* убили еретиков, и собирается ли достопочтенный принц Керит и его великий брат, Повелитель Уилтавана, предотвращать резню?

— А как бы вам хотелось? — без обиняков, напрямую спросил Мийяра.

— Наглец... — сухо констатировал первосвященник, впиваясь желтыми глазами в ровные строки.

— *Ушедший* учил жить в мире, — после долгого молчания снизошел отец Дэниис до ответа. — Но мир воцарится только тогда, когда *братья Веры не узреют рядом заблудших*.

— Ну, то когда еще будет... — Локо даже не пытался скрыть кривую усмешку.

— *Время ничто перед скрижалями Правды*. — Старик перевернул бумагу, проверяя, нет ли там чего еще. — Это антынъ, мертвый язык мертвого народа. Если тебе интересно, то наши молитвы написаны именно на этом языке.

— Так, значит, вы можете перевести?

— Только приблизительно... Странная форма. Предложения построены неправильно. Слова искажены, две буквы я даже не знаю, как и произносятся. Можно было бы предположить, что это образец современной антыни. Но я уже сказал, что ныне на ней не говорят... — Старец неожиданно посмотрел в упор на Мийяру. — Кроме чернокнижников... Колдунов, что своим существованием оспаривают естество. — На мгновение на лице первосвященника мелькнула гримаса ненависти.

— Хотя бы приблизительно...

«Монахи с орками пришли с юга. Заблудший Лес? Инвар со Скорпо? И куда же они шли? Башня Лео? Голубые Горы? Тогда бы они не стали заходить в Уилтаван, а пошли бы через Перекресток сразу на запад, через леса орков, тем паче что они были под их охраной. Вильсхолл?.. Там закон о *нелюдях*, а значит, орки не посмели бы идти через королевство Гиеров. Остается север... Дальше границ Бревтона и Вечной Долины, где живут одни

дикари, лишь *Таежные Земли* северных эльфов. А эльфы не будут связываться с теми, кто умеет говорить на мертвом языке... Остается только Башня Лео».

— Хотя бы приблизительно... — повторил просьбу старший тайник, но в его голосе не было мольбы. Скорее даже нотки угрозы звучали в нем.

Отец Дэниис внимательно посмотрел в лицо молодого мужчины. Ничего не сказав, углубился в чтение.

— Отправитель просит совета... — наконец изрек он. — Или даже распоряжения... Если я верно понял, речь идет о каком-то юноше. С ним что-то не так... Похоже, что появились сомнения по его поводу. По поводу его способностей?.. Да, скорей всего, именно способностей. А вот здесь... — первосвященник закашлялся.

Локо внутренне сжался, чувствуя, что от нетерпения готов разорвать старика пополам. Тайника трясло, как проигравшегося игрока, поставившего на кон исподнее. Им овладело чувство, что вот-вот и из стаканчика выпадет пара стертых костей, показывающих очки выигрыша.

— Кто-то кого-то не то искал... не то ждал... Трудно понять. Допустим, я ничего не перепутал... Тогда получается, что круг (какой еще «круг»?) нашел человека. И именно поэтому и возникли затруднения.

— Чуть какая-то... — Локо привычно потер серьгу в ухе, с которой не расставался уже несколько лет. — Хотя все равно спасибо! — Забрав у отца Дэнииса свиток, он стал неторопливо сворачивать его.

— Я задал два вопроса, — нахмурил седые брови священник. — И очень надеюсь получить на них ответы.

— А? А, вопросы... Ну, резни мы не допустим. И очень надеемся на вашу помощь. За что убили *еретиков*? Эти двое встретились со старыми знакомыми, которых в свое время обвели вокруг пальца. Вот так, как говорится, слово за слово... Да, и еще, — Локо вытащил на свет другую, весьма потертую, рукопись. — Это нашли у одного из погибших. Здесь какие-то изречения, мысли. Нам это не нужно, а вам может показаться интересным.

— Что там еще? — Приняв бумаги, первосвященник вскользь начал просматривать их. — «И расступилось перед ними море, и пошли они...» Что за бред?!

Горячая волна от вина, пробежав по венам, слегка ударила в голову. Держа в потной ладони опустевший стакан, Локо Мийяра через силу выдохнул и вытер выступившие слезы. Немного подумав, налил еще. Выпил. Напряжение прошедшего дня и бессонной ночи не отпускало, настойчиво напоминая о себе.

Кое-как распустив шнуровку плаща, он наткнулся локтем на свернутый в кармане пергамент. Нехотя достав письмо, кинул его на стол.

Из-под дрожащего огонька свечи скатилась восковая капля.

Прямо на стол... около лежащего свитка...

...Локо недовольно поморщился — в новом доме у них не было даже подставки под свечи. Да и самого дома не было, ибо нельзя назвать домом эту занюханную лачугу.

Мальчик исподлобья посмотрел на мать. Мийяра, перехватив взгляд старшего сына, привычно дотронулась до платка, поправляя. Быстро убрала руки, положив их на еще пахнущую сосной столешницу.

Кончики длинных пальцев чуть коснулись дарственной.

— Вот здесь мы и будем жить... — мать, не сдержавшись, зарыдала.

— Здесь?! — зло ощерился Локо, картинно оглядываясь. — Нет, ма-ма! — не замечая, как по подбородку стекает слюна, выговорил он. — ЗДЕСЬ мы жить НЕ БУДЕМ! И я тебе ЭТО обещаю!

Опрокидывая стул, он вскочил с места и бросился вон.

Толчком раскрыв настежь дверь, Локо замер...

Сумерки деревенского вечера сгустились в темноту сегодняшней ночи, из которой вырывался столбик неяркого огонька, освещающий щеку перепуганной служанки.

— На колени, сучка! — Старший тайник сдернул с себя одеяния.

— Я НЕ БУДУ ЗДЕСЬ ЖИТЬ, МА-МА!!!

Первый снег принес в Бревтон недобрую весть — от лихорадки скончался Владыка. Монарх, справедливо правивший страной долгие сорок восемь лет. Умер всего за три дня, сгорев в объятиях неведомой болезни. Ушел в другой мир, оставив свой народ на попечение судьбы и младшего брата своего, Де Увала, принца Керита.

Приспущенные флаги трепетали на суровом ветру.

Беспокойные глаза простолюдинов испуганно вглядывались в молчаливые окна замерзшего дворца.

Дворяне, обнажив головы, шли к гробу повелителя, а поцеловав умощенные благовониями ледяные руки покойного, с тревогой смотрели на стоящего в стороне от тела нового Владыку, за спиной которого стоял высокий молодой мужчина, до странности похожий на него.

Еще не осел прах в золотой урне, вмурованной в дворцовую стену, и не прошел хмель после поминального пира, как великий Уилтаван сковал ужас.

Родился он в самом сердце квартала нищих, когда первые лучи солнца озарили истерзанные трупы двух самых известных в городе ночных ремесленников. Тела их нашли прибитыми к дверям собственных домов.

Затем настала очередь королевского лекаря, старика из далекого Елгекея, любимца придворных дам и покойного Владыки канцлера Спрага. Было видно, что их запытали до смерти.

Неожиданно из-за дальних морей вернулся Красный Легион.

Солдатские патрули заполнили улицы. Начались повальные обыски, аресты... Кого искали, зачем?.. Город сжался в страхе и догадках. Из переполненной тюрьмы ночью на повозках вывозились трупы. О чем допрашивали людей, что хотели выведать у них, так и осталось тайной.

А взорвался ужас, когда на дверях Храма Единой Веры нашли распятым головой вниз отца Дэнииса.

И тут же все закончилось... Словно неведомый ужасный зверь, насытившись мясом и смертью, ушел из этих мест на поиски новых угодий.

Во всеуслышанье объявили о раскрытии страшного заговора, направленного против Владыки Керита, снижении налогов, присвоении к Бревтону далекой завоеванной страны и о чем-то еще не столь важном для народа, но все же достойном внимания.

До начала Праздника Зимнего равноденствия оставалось несколько дней...

Добравшись до «Южного Тракта», чародеи с сожалением расстались с Ра. Молодой орк

собирался добраться до подножия Голубых Гор, надеясь узнать в тамошних стойбищах о судьбах брата и отца.

— Я так понимаю, что отговаривать тебя бессмысленно, — Девин Каяс внимательно, даже с некоторым упреком, смотрел на сидящего напротив орка. — Просто я полагаю, что в Башне Лео ты наверняка сможешь что-нибудь узнать о судьбе своих родичей.

— Отец, брат ушли лето. Сейчас зима. Думай, они ушли Еулб Цкор.

— Ну смотри, как знаешь, — Скорпо понимающе покивал головой. — На вот, возьми — пригодится, — волшебник вложил в ладонь Кривого Ра звякнувший мешочек. — Только не отказывайся! Пожалуйста... — улыбнувшись, Каяс по-отечески положил руку ему на плечо. — И да пребудут с тобой духи предков!..

Ра поклонился, и, положив золото за пояс, не говоря ни слова, кивнул Инвару и пошел к своей лошади.

— Вряд ли он там кого-нибудь найдет... — тихо проговорил Каяс.

— Почему? — чуть повернулся к учителю Мийяра.

— Не знаю... Наверное, предчувствие. — Чародей смотрел вслед скрывающемуся за стеной леса Ра. — Предчувствие...

Новости о восхождении на престол нового Владыки несколько озадачили Скорпо, но планов, как того и следовало ожидать, не изменили. Только после некоторых раздумий Каяс решил ехать на Конклав не прямо через Уилтаван, как это было всегда, а в объезд по восточной дороге, что шла вдоль замерзшего Келебсира. На объезд им понадобился целый день, и лишь на следующую ночь они попали на тракт.

К Репьевому Кусту волшебник и его ученик подъехали в темноте.

Последние трое суток прошли без сна. Путники еле держались в седлах. О лошадях и говорить не стоило. Наскоро посоветовавшись, магики решили идти до Башни пешком, оставив уставших лошадей в деревне.

Недолго думая Скорпо постучал в первую же спящую избу.

После неизвестно какого стука за дощатой дверью раздались шаркающие шаги и недовольный голос хозяина.

— Какого схада?! — В двери открылось окошечко, и при свете Младшей Сестры волшебник увидел красные осоловелые глаза крестьянина.

Вместо ответа Каяс показал четыре золотые монеты.

— И еще столько же через два дня, если сейчас дадите приют нам и нашим лошадям.

— Обождите немного... — чуть поколебавшись, ответил мужик, закрывая оконце.

Загремел тяжелый засов, и крестьянин в наброшенном на плечи тулупе вышел к ним на улицу.

— Вы в Башню? На свой вакхаб^[10]? — с нескрываемым любопытством разглядывал он пришедших. — Тут дело такое... Короче, лошадемок ваших я, так и быть, приму, а вот вас самих нет. И не смотрите на меня так — в деревне вас никто не примет!

Сплюнув сквозь щель гнилых зубов, мужик пустился в объяснения:

— Давеча с городу солдатня набежала. Не, не эта... легольеры, во! Прошли по всем домам и строго предупредили, чтоб вашего брата на ночлег не впускать, к столу не привечать.

— А лошадей, значит, можно? — не удержался Инвар.

— А за лошадей разговору не было! — усмехнулся селянин, меж тем принимая деньги

из окоченевших пальцев чародея. — Не фальшивые? А то от вас ожидаешь! — пробуя на зуб монеты по очереди, он пошел в сторону хлева.

— Жду вас через два дня. Тока ради Неба и Ушедшего — ночью! Ночью приходите...

Озлобленные и усталые, маги шли по деревне в сторону возвышавшейся на холме Башни.

Когда до околицы было рукой подать, навстречу, словно из-под земли, выступил десяток солдат.

— Стоять! Куда прешь?! — Взведенные арбалеты целились в незащищенную грудь Каяса.

Чародей, убрав было левую руку с эфеса длинного меча, демонстративно вернул ее обратно, меж тем чувствуя, как стоящий за спиной Инвар начинает концентрировать энергию.

«Если сможешь, накрой нас куполом, — мысленно приказал Скорпо. — Атаку предоставь мне».

«Что значит *сможешь*?! Да я их сейчас всех порву Отродью в ссад!» — Мийяра был на пределе.

«И остаток своих дней проведешь в подземельях Уилтавана. Или на островах Южного океана. Если, конечно, доберешься».

— Кто вы и по какому праву смеееете нас останавливать? — с подчеркнутым достоинством спросил маг. — Кто здесь старший? Подойдите!

— Стрелы вниз! — Отодвинув в сторону мешавшего пройти легионера, вперед вышел мужчина, отличавшийся от остальных нагрудником с изображением пикирующего орла.

— Меня зовут Розлер. Капитан Нейл Розлер. Я и мои солдаты здесь по приказу Владыки Бревтона и от имени его. А вы, мэтр Скорпо, со своим учеником, как я полагаю, направляетесь на Совет Двенадцати. Ведь так?

— Именно. — Колдун заложил руки за спину. — Надеюсь, мы ничего не нарушили? Согласно закону, я могу свободно ехать *куда хочу и по любой надобности* два раза в год. И сейчас именно мое время. Или что-то уже изменилось?

— Да нет. Ничего не изменилось... — покачал головой капитан. — И вы по-прежнему можете ехать *куда угодно и зачем угодно*. Вы даже можете покинуть королевство, и никто вам слова не скажет.

— Тогда... — несколько растерялся маг.

— Мы здесь для сохранения порядка и вашей же безопасности. В последнее время участились выступления единоверцев, требующих изгнания и уничтожения каждого, кто имеет какое-либо отношение к магии. Они утверждают, что...

— Что колдуны оспаривают божью волю и служат Отродью и силам зла, — закончил за легионера Скорпо.

— Именно так!.. — развел руками Розлер.

— Значит, мы можем идти?

— Куда... угодно... — Капитан повернулся к солдатам. — Пропустить. Дент, Арахат! Проводите господ магов... На всякий случай.

Во время разговора Скорпо и капитана легионеров Инвар не мог отделаться от ощущения, что кто-то изучающе смотрит на него.

Стараясь не отводить настороженного взгляда от беседующих, молодой маг попытался

прощупать разум всех находившихся вокруг...

Едва он только настроился, как в его мозг ворвалась целая лавина чужих мыслей!

Мешанина голосов, каждый из которых на свой лад кричал, стонал, ругался, хрипел, шептал. Сквозь гомонящий хаос прорывались отдельные слова и даже связные предложения.

От перенапряжения в висках застучало, тошнота подобралась к горлу...

Еле справившись с собой, Инвар начал перебирать голоса наподобие зерен, разбросанных по столу.

Девин Каяс. Он спокоен, немного рассеян, но готов к внезапному удару и сам пытается проникнуть в мысли легионера.

Капитан. Он замерз, устал от долгого ожидания, тоже спокоен и уже... складывает слова для доклада Ведьмачему.

«Ведьмачий? Кто это? Где он? Судя по всему, он рядом... Где?!»

Солдат. Другой солдат. Крестьянин, прилипший к ставням окна. Еще один солдат. И еще один... Еще...

Того, кого называли Ведьмачим, здесь не было. Но ОН здесь был!

И Инвар это знал.

Знал, но не видел.

Когда ублюдок-колдун вместе с Инваром и двумя солдатами скрылись из виду, Локо Мийяра вышел из темноты навстречу Розлеру.

— Это были они, — доложил капитан. — Как вы и говорили.

Тайник, морщась от боли, молчал, дожидаясь продолжения.

— На мой взгляд, они оба совершенно вымотанные, и мы могли бы их взять голыми руками.

Локо усмехнулся, трогая сережку: она была просто раскалена.

— Не обольщайтесь, капитан, — процедил Ведьмачий, нетерпеливо вынимая спасительную драгоценность из уха. — Пожелай эти двое, и ни вас, ни ваших солдат просто никогда бы не нашли.

— Что нам делать дальше? — Розлер не стал спорить. — Каковы будут дальнейшие распоряжения?

Зачерпнув в ладонь снега, Ведьмачий приложил его к обожженному уху.

— Отрядите еще двоих для сопровождения, — скривившись, Мийяра стряхнул на землю растаявший снег. — *Ненавязчивого сопровождения*. До самой двери, так сказать. Но осторожно, там наверняка охрана. На рассвете я вас покину. Вы останетесь и проследите, куда *потом* направятся Скорпо и его ученик.

— Ненавязчиво? — прищурился Нейл Розлер.

— Именно. Я буду ждать доклада. И еще... — Локо посмотрел на то место, где только что стоял его младший брат. — Прикажите тому крестьянину, что принял их лошадей, чтобы кони к возвращению магов были сыты и готовы к дороге... А если путники, того пожелают, он даже может их накормить и приютить на ночлег. За *отдельную плату*, разумеется.

В этот раз мастер Лео сотворил что-то напоминающее груду оживших камней. Так, по крайней мере, могло показаться чародеям.

И действительно, при ближайшем рассмотрении гомункулы оказались слепленными из глины, кварца и огромных кусков гранита. Глаза сверкали огромными алмазами, а их

оружие, дубины в человеческий рост, были вырублены из цельной скалы.

Подойдя на расстояние пяти шагов, Скорпо привычно показал татуировку. Чудовища расступились, и тут выяснилось, что они даже не стражи, а... створки огромных ворот!

Мийяра только сокрушенно мотнул головой, проходя мимо гигантов.

«Искусственно созданные живые существа. Мэтр Лео уже шестое поколение бьется над этим, — вспомнил он слова Скорпо, сказанные год назад. — Извращенец!»

Они шли знакомыми коридорами в глубь замка. В этот раз хозяин Башни выбрал интерьер неведомого леса.

Маленькие пестрые птицы, щебеча, порхали меж широких разлапистых листьев. Слышался шум ручьев среди неестественно высокой травы. И легкий ветерок чуть колыхал искрившийся нежно-голубой воздух.

Девин Каяс и Инвар, будучи в зимнем, моментально вспотели. Тут же ветер усилился, лес застыл, покрывшись инеем, и маги очутились в огромной ледяной пещере.

— Как тебе все это, друг Скорпо? — Мастер Лео материализовался прямо из ничего. — Держу пари, такого леса ты никогда в жизни не видел, а? Открою маленький секрет — все скопировано до мельчайших подробностей с фауны четвертой грани!

— Ты нашел способ беспрепятственно путешествовать в Кристалле? — удивленно поднял брови Каяс.

— Увы, пока нет... Только наблюдать!.. — Лео захихикал. — Нашел в чулане пыльный шар, почистил, зарядил энергией, ввел приблизительные координаты, и... СФЕРА КРИСТАЛЛА готова!

Верховный маг вел себя как счастливый ребенок — тоненько смеялся, потирал ладони, жмурился от удовольствия, переминаясь с ноги на ногу, будто вот-вот готов был пуститься в пляс.

«Еще и идиот», — тяжело вздохнул Инвар.

— Потом покажу! — наконец прекратил буйство чародей. — А что у тебя нового, друг Скорпо? За весь год хоть бы через голубя записочку отправил, мол, жив-здоров, все такое. Ах да, я забыл, ты же не доверяешь этой почте!

— Стоп! — вытянул вперед ладони Каяс, останавливая словесный поток. — Что, значит, «хоть бы записочку отправил»? Я летом... — И остановился, пытаясь проникнуть в растерянные глаза мастера Лео.

— Что? Что такое, Скорпо?

— Нам надо поговорить. Срочно. Наедине! — Лоб Скорпо покрылся испариной.

— Хорошо!.. — пожал плечами Лео.

— Инвар, иди в общую залу. Я скоро буду. — Чародей даже не оглянулся на своего ученика.

Закончив рассказ, Девин Каяс замолчал. Мэтр Лео смотрел на огонь, танцующий над верхушкой маленького вулканчика в углу кабинета.

— Если я понял правильно, то ты уверен, что твой ученик — Избранный? — проскрипел глава Конклава. От былой веселости не осталось и следа. — Точнее будет, если ты не ошибся. Кстати, я, кажется, знаю, куда делись твои гонцы...

— ?

— Как раз летом в Уилтаване чуть было не вспыхнул бунт. Единоверцы пытались учинить погром в квартале озанавских переселенцев. Якобы те убили двух монахов.

— Только монахов? — в голосе Скорпо звучала надежда.

— Мой человек говорил, что там еще были убиты орки, что пытались защитить братьев.

По-моему, это небылица — чтобы орки вступились за малознакомых людей?

— Это я... их послал... — прошептал Каяс, закрывая глаза. — Это я их убил...

— Прости?.. — наклонился вперед Лео. — Кого убил?

— Оста Шагара и Гархана, его сына... — Каяс облизал сухие губы. — У вас выпить не найдется?

Призывный взмах руки, и из дальнего угла комнаты пролевитировал столик красного наугского дерева. Звякнул хрусталь, по высоким фужерам разлилось прозрачное вино.

— Твои друзья шли ко мне?

Скорпо, кивнув, приложился к напитку.

— Полагаешь, это случайность? — Лео последовал примеру друга.

Вместо ответа Каяс многозначительно посмотрел вверх.

— Допустим, ты не ошибся, и Инвар *тот самый* Избранный. — Допив вино, старец с легким звоном поставил свой бокал на бордовую крышку стола. — Твои доводы понятны. Но как нам узнать, а не ошибаемся ли мы?

— Именно за этим я и послал к вам гонцов. Избавиться от ученика я мог еще в Заблудшем Лесу...

— ...но не был уверен в справедливости своего поступка, — закончил за него Верховный маг.

— Если я прав, у нас еще есть возможность избежать катаклизма, — перегнувшись через стол, Скорпо дышал собеседнику в лицо. — Скажи, ты уже смотрел в свою Сферу? Ты видел дальние грани?

— Я не нашел их... — поморщился Лео.

— А теперь скажи мне... сколько лет ты бился над созданием Сферы? Можешь не отвечать — еще твой учитель бился над этим! И вдруг, как по велению богов, в течение двух дней ты создаешь *это!*

— Откуда ты знаешь?! — вытаращившись, старик попытался вскочить, но, поскользнувшись на гладком мозаичном полу, упал обратно в глубокое кресло.

— Знаю... — Девин Каяс начал мерить комнату шагами. — Тебе все это не кажется странным, а? Появляется Инвар, а вместе с ним у моей пещеры все чаще и чаще можно увидеть единорога. У мальчика просто исключительные способности, уже сейчас он может уничтожить меня в поединке! Далее... Ты наконец доделываешь Сферу Кристаллов, а в Бревтоне новый Владыка... — Скорпо остановился, глядя в глаза Лео. — Ты помнишь предсказание? Нити сошлись, круг замыкается.

— Да-да... — Старец, налив себе вина, выпил залпом. — И если он доберется до Бунп Лоуусу...

— То ближние грани постигнет судьба дальних. — Скорпо продолжал ходить по комнате, но уже более размеренно. — Не хватает двух деталей, и тогда картина будет полной.

— Хранители... — изогнул седую бровь Лео.

— И ключ... — задумчиво добавил Каяс — В вашей библиотеке должны быть рукописи наугских мудрецов эпохи Туная.

— Да... — Лео несколько растерялся, не понимая, к чему ведет чародей.

— Почитать... не дадите?

За столом Инвар сидел рядом с мастером Вирго, тем самым юношей, что еще недавно носил имя Карри.

Он возмужал, в волосах появилась седина. Взгляд стал жестким, даже властным. В память об «экзаменационном» поединке кожа рук и лица стала кирпичного цвета. Во время традиционного обеда мэтр Вирго ел только хлеб, размоченный в молоке. От взора Инвара не ускользнуло, что каждый раз он морщился, глотая скромную пищу, видимо, обожженное горло давало о себе знать.

Все вкушали еду молча, словно это была самая последняя трапеза в их жизни. Гнетущую атмосферу дополняло то, что ни мастера Скорпо, ни мастера Канцера, ни главы Круга Двенадцати, достопочтенного мастера Лео, за столом не было.

Инвар взял себе с огромного блюда несколько жареных свиных ребрышек и с нескрываемым аппетитом поедал их. В Заблудшем Лесу его каждодневное меню составляли блюда из кое-как приготовленных овощей со скудного огорода да редкое мясо *случайно* подстреленных животных. И ныне Инвар Мийяра отрывался на год вперед, и ему было все равно, что подумают о нем соседи по столу.

Покончив с ребрышками, Инвар накинулся на запеченного в сметане карпа, запивая его слабеньким белым винцом. Грибная закуска сменила жесткое, но необычайно ароматное, а главное — вкусное жаркое.

Когда во всем теле стало сытно-лениво, а в горло уже не лез даже самый маленький кусочек яблока, Инвар откинулся на спинку высоченного стула и, стараясь нечаянно не завалиться на пол, пододвинул к себе кубок с каким-то вином.

— Я вижу, мэтр Скорпо держит тебя в черном теле? — с улыбкой обратился к нему сидящий с другого края Фар А'норт. — Чем же вы занимались весь этот год?

— Учились... — пожал плечами Инвар. — Учился.

— И как успехи? Воду превратить в вино можешь? — прищурился ученик Гемине.

— Воду?.. В вино?.. — поскреб себя по подбородку Инвар. — А оно мне надо?! Хотя из вина воду точно могу!

Сидящие рядом дружно расхохотались.

В трапезную друг за другом вошли Скорпо, Канцер и Лео. Пирующие поднялись с места и, пока Верховный маг не уселся во главе стола, ждали в безмолвном почтении.

— Приветствую вас, господа. Прошу садиться... — не поднимая глаз, промолвил Лео.

— Совсем плох старик. — Вирго не обращался к кому-то конкретно. — А ведь нового ученика себе еще не нашел. И как только душа в нем держится?

«На гвоздях, однако!» — Инвар еле сдержался, чтоб не сказать это вслух.

— Уважаемый мастер Лео! — неожиданно для всех с кубком вина поднялся Ариес — Возьму на себя смелость поздравить вас с успешным окончанием работ, которые вел ваш клан на протяжении уже нескольких поколений. Я поднимаю этот бокал за вас и ваше изобретение, которое, несомненно, на несколько шагов вперед продвинет изучение Кристалла и даст возможность беспрепятственно путешествовать по его граням. Итак! За Сферу Кристалла! — И первым же осушил кубок до дна.

Инвар почувствовал, как по спине пробежал холодок. В памяти зазвучал голос... Совершенно незнакомый, но в то же время молодой магик помнил его... Но откуда? Этого Мийяра не мог вспомнить!

Сфера... Ты до лжен... Войди в Сферу... войди!

Из оцепенения его вывел тихий, но четкий голос кого-то из находившихся рядом магов: — Чтоб у тебя ссад на лбу вырос!

Инвар с удивлением посмотрел на Вирго — тот, как ни в чем не бывало батистовым платочком, вытирал капли молока с подбородка.

С абсолютно каменным лицом глава Конклава через силу поднялся с места.

— Благодарю вас, мастер... — он закашлялся, прижимая тыльную сторону ладони к губам, — ...мастер Ариес. Действительно, мне удалось довести работу над Сферой до конца. И уже сегодня я познакомлю вас с результатом моих изысканий.

Лео тяжело опустился на место.

Только сейчас Инвар обратил внимание, как всего за один час изменился старейшина. Перед ним уже не было того задорного старика с детской улыбкой на устах. Даже отсюда были заметны лихорадочная бледность и капли мелкого пота на обтянутых кожей скулах.

На мгновение их взгляды встретились... Старик как будто попытался проникнуть в разум Мийяры, но быстро отвернулся к соседу.

Так бывает в момент опасности. Ты еще не знаешь, откуда она придет и что будет собой представлять, но уже чувствуешь, как она раскинула свои рваные черные крылья над твоей головой.

Послеобеденная сытая лень моментально пропала. Инвар, подобрав под себя ноги, сел прямо, стараясь как можно незаметнее оглядеться.

— Все в порядке? — Скорпо положил на его руку свою ладонь. Мийяра отметил, что она была влажной, а легкая вибрация биополя Каяса выдавала волнение.

— Все хорошо, — улыбнулся молодой человек. — Просто... здесь, на пересечении множества линий... чувствуешь себя немного неуютно.

— Понимаю, — кивнул маг, убирая ладонь. — Лично я, наверное, только с десятого раза смог привыкнуть к *этому*. Вышей что-нибудь. Расслабься...

Поддавшись необъяснимому порыву, Инвар начал скапливать энергию, заполняя ею все пространство своего разума.

«Это и есть знаменитая Сфера?» — Мийяра недоверчиво вглядывался в матовый искрящийся шар из-за спины стоявшего перед ним магика.

В небольшой лаборатории было не протолкнуться. Мэтр Лео, то и дело запинаясь и путаясь в словах, рассказывал о своем изобретении, но Инвар не слушал его.

После какого-то момента все мысли молодого чародея были прикованы к Сфере. Она манила, звала к себе, и юноша еле сдерживался, чтобы, растолкав всех на своем пути, не припасть к ней.

Когда мастер Писке, прикоснувшись к гладкой поверхности, начал всматриваться в шар, сердце Инвара буквально взвыло от ревности.

«Только мое... только мое...» — И руки сами потянулись к сокровищу.

Один за другим чародеи и их ученики подходили к треножнику и, кладя ладони на *проводник миров*, вглядывались в другие, неведомые, грани. И каждый раз, до боли сжимая зубы, ученик Скорпо мысленно истязал, убивал нечестивцев, посмеявших посягнуть на святое!

Когда наконец долгожданная очередь дошла до Инвара... железная рука Девина Каяса легла на его плечо.

— Не стоит, мой друг... — В голосе учителя звучали железные нотки. — Не в этот раз.

Не сегодня.

Сын Лысой Мийяры недоуменно повернулся к нему. Глядя на них, начали перешептываться маги.

— Не понял, — еле сдерживаясь, чтобы не ударить учителя, прошипел Инвар.

— Я сказал, не стоит. Не стоит тебе прикасаться к Сфере, — попытался преградить дорогу Каяс.

«Они... боятся... тебя... — Шепот шел изнутри шара. — Иди... ко... мне...»

Скорпо так и не уяснил, как Инвар, вывернувшись из-под руки, оказался у него за спиной.

Пальцы впились в Сферу, и огненная молния, разрывая перепонки, ворвалась в напряженный мозг.

Коридоры с жидкими дрожащими стенами испускают снопы рваного света. Он, окутывая, пронизывает насквозь, наполняя душу неведомым, тайным...

Перед внутренним взором раскрылись врата, и среди миллиарда слепящих звезд явился Кристалл с бесчисленным множеством граней.

Впустив в себя, он позволил парить, поглощать материю Вселенной...

Когда Инвар очнулся, насилу оторвавшись от Сферы, первое, что бросилось в глаза, это ужас, с каким глядел на него Девин Каяс.

«Предсказание свершилось... — отчетливо услышал Мийяра мысли учителя. — Теперь у нас нет иного выхода».

С дрожащим звоном меч Скорпо покинул ножны. Его острие смотрело прямо в лицо Инвара.

— Ради Великого Равновесия я, мастер Скорпо, урожденный Девин Каяс, вызываю тебя на поединок!

Где-то высоко-высоко раздался смех, полный ненависти и торжества.

Инвар мог поклясться, что Непроизносимый потирал при этом руки.

Они стояли друг против друга под каменными сводами подвала башни.

Оцепенение первого испуга прошло, и теперь Мийяра, успокоившись, начинал сосредотачиваться.

Память неторопливо собирала воедино все знания, что успела впитать в себя за неполные девять лет.

«Зачем *это* ему нужно? — Инвар, не торопясь, повторял в голове формулы заклинаний. — Что произошло? Из-за Сферы? Глупости... Или...» — вспомнилось, как в свое время учитель пытался убить ученика Карри.

«Отродье и все остальные! Дорогой мой Каяс, неужели вы собираетесь жить вечно?»

«Что он увидел в Сфере? Что она дала ему?» — Мысли мастера Скорпо медленно текли над рассеченными трещинами каменного пола.

— Один вопрос, учитель. — Лицо Инвара было совершенно бесстрастным. — Почему вы хотите меня убить?

— Не я... Это решение Конклава. Ты не должен был прикасаться к Сфере. Я удерживал, но ты сделал свой выбор.

— А почему мне нельзя было этого делать? — Мийяра был скорее раздражен, чем удивлен.

— Если ты сегодня умрешь — тебе разьяснят. Если выживешь — ни Лео, ни Канцер

тебе ничего не скажут, все будет идти своим чередом, как будто ничего и не случилось. Но со временем, лет так через тридцать — сорок, ты все узнаешь. — Скорпо сделал шаг назад, увеличивая дистанцию.

С воем разрывая воздух, раскаленный шар устремился к Каясу. Чародей лишь скользнул в сторону, пропуская огненный шар себе за спину. Тот, столкнувшись с толстой каменной стеной, рассыпался оранжевыми искрами распустившегося бутона.

Шипящие капли еще не потухли, а ученик уже выпустил широкую огненную волну.

Моментально закрывшись ледяным щитом, Скорпо застыл на месте, принимая катящийся огонь.

В первый раз за весь поединок Каяс прибегнул к магии. Изначально выбрав выжидающую тактику, он решил измотать Инвара, уходя от его ударов, используя *только* навыки искусства боя.

Еще в самом начале партии Скорпо почувствовал, что энергетический потенциал Мийяры как никогда велик, а следовательно, прямая атака не даст должного результата. А еще... Каяс не чувствовал — знал! Сейчас перед ним не просто вчерашний ученик, а мастер, по силам, по крайней мере, равный ему самому, и значит, все будет не так просто...

Тем временем расстояние между ними сокращалось, и Девин Каяс приготовился к прямому контакту. Нет, если дело дойдет до рукопашной (и это будет называться магическим поединком?!), верх будет за ним, но!.. Что-то говорило, что уроки бор-Ота сегодня не пригодятся.

Исчерпав лишь толику заранее накопленной энергии, Инвар подходил все ближе. Заклинаниями молний, огненных шаров и волн он просто разогревался, готовясь к настоящему наступлению, а заодно вводя старого козла в заблуждение, что вот-вот лишится сил и бросится на него чуть ли не с кулаками.

Сын Лысой Мийяры ясно представлял, каким именно способом покончит со своим зарвавшимся учителем. И пусть это знание пришло непонятно откуда и раньше он им не пользовался, но именно с его помощью сегодня он станет тем, кого будут величать — мастер Скорпо!

Несколько огненных шаров подряд впились в «укрытого» за ледяным щитом Каяса, и расстояние между магами сократилось до трех шагов. Инвар уже отчетливо видел серые глаза учителя, капли пота на его лице.

Сверкнуло что-то подобное молнии, и Мийяра еле уклонился от белой стрелы, что прошла у самого виска, обдав холодом неминуемой смерти. И тогда...

Великий Кристалл замер, сотрясая миры. Неведомые шестипалые руки дотянулись до своей добычи, принимая душу ее в сумрак ядра, провожая в чертоги бессмертных.

Каяса затрясло, подняло в воздух и, сжав до величины пшеничного зерна, втянуло в распахнувшееся жерло воронки.

Врата захлопнулись, и Инвар остался один.

Он почувствовал себя совершенно обессиленным — хотелось заснуть и никогда больше не просыпаться.

Сделав шаг к запертым дверям, он поскользнулся, наступив на оброненный Каясом меч. Немного постояв, недоуменно разглядывая находку, Мийяра все же решился подобрать

трофей.

Когда дрожащие пальцы коснулись рукояти, оружие загорелось желтым пламенем и взвилось, обручем охватывая шею победителя.

Инвар закричал, силясь сорвать сжигающую кожу стальную петлю...

...Когда чародей наконец пришел в себя, на его шее, под самой скулой, обозначился рисунок причудливого зверя, имя которому — Скорпион.

ИНТЕРЛЮДИЯ

— БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ, ДЕВИН КАЯС, ПРИНЕСШИЙ В МОЙ ДОМ ГОРЬ И БЕСЧЕСТЬЕ, ПУСТЬ ПОКАРАЕТ ТЕБЯ НЕБО, ГДЕ БЫ ТЫ НИ БЫЛ, И ДА НЕСТИ ТВОЮ РАСПЛАТУ И ПОСЛЕ СМЕРТИ!!! — На Каяса смотрело искаженное болью и безысходно ненавистью лицо Ень-Иро.

Старый друг, в грязных лохмотьях, с обрывками веревок на руках, слился с облаками и, растворившись, оставил вместо себя прекрасную женщину.

— Вига? — Каяс преклонил колени.

«Поднимись», — безмолвно приказала богиня.

— Я... я... — Пораженный увиденным, смертный остался на месте. — Я НЕ ЗНАЛ!!! — Он поднял голову.

«Теперь знаешь. Но приговор тем не менее вынесен. Единственное, что я могу сделать для своего верного слуги, так это только... смягчить его».

Взмах невесомой руки — и перед глазами мертвеца все завертелось по-новому.

Загрузив хворостом широкие санки, Батата вместе с дочерью уже собиралась назад, в деревню, когда отчетливый стон заставил ее остановиться.

— Мама, это там... — Соплюшка уверенно показывала в сторону обледенелой реки.

Опустив вязанку на землю, женщина, ухватив топорик поудобней, двинулась в указанную сторону.

По колено проваливаясь в снег, они вышли к берегу Келебсира.

У самого берега, в дымящейся яме, лежал человек.

Женщина подошла ближе, держа оружие наготове.

— Он что, с неба свалился? — шепнула девочка, дергая мать за подол изношенной шубы из овчины.

— Отстань! — Крестьянка вытянула шею, силясь рассмотреть лежащего.

Тот снова застонал и повернулся на бок, прижимая колени к животу. Только сейчас до Бататы дошло, что мужчина был абсолютно голым.

— Так кто ж тебя так, родненький? — Опустилась селянка рядом, осторожно берясь за костлявое закопченное плечо старика.

Он через силу поднял голову, невидящими глазами отыскивая вопрошавшую.

— Ге... гдхе... — прохрипел он, вытягивая дрожащую руку.

Батата, быстро скинув с себя шубейку, попыталась укутать ею страждущего. Старик глухо вскрикнул и, отстранившись, забился от боли в обожженном теле. Сообразив, женщина с дочерью принялись бросать на него снег. Вскоре мужчина прекратил стонать и теперь лишь беззвучно плакал, мотая безволосой головой.

— Звать-то тебя как? — Батата прикидывала про себя, как будет лучше: погрузить его на санки и дотащить до деревни или оставить здесь и отправиться за помощью.

— Ка... я... Каял... Кла... Кан... — и закапшлялся, окрашивая бесцветные губы кровью.

— Калина, наверное. Ой, а это что? — шмыгнула носом девчонка, указывая на тощую шею, где пульсировали тонкие вены, отчетливо проявляя рисунок не то страшного зверя, не то насекомого.

Глава

4 ВЕЧЕР

С тоской посмотрев на дрожащую под ударами дверь, Скорпо продолжал меланхолично растирать в плошке высушенные грибы.

— Проклятый колдун! Если ты не боишься заглянуть в глаза смерти, выходи принять ее от честной стали! — надрывался на улице очередной воитель.

Осторожно попробовав пальцем ингредиент будущей смеси, Инвар Мийяра продолжил опостылевшую работу.

— Выходи, отца твоего в ссад и в печень! — Ругательство сопровождалось сильнейшим толчком, от которого затрещали толстые дубовые доски. Видимо пиная, проходимец отбил ноги и решил теперь с разбегу толкнуть дверь плечом.

С большой неохотой Скорпо отложил в сторону плошку и подошел к двери.

На улице слышались удаляющиеся прочь шаги, потом кто-то громко, даже сильнее, чем то было нужно, выдохнул и побежал.

Досчитав про себя до семи (не больше и не меньше), Скорпо быстрым отработанным движением открыл все три засова и, шагнув в сторону, широко распахнул дверь... Не забыв при этом, картинно отвернувшись, зажмурить глаза.

Судя по дуновению ветерка, что-то под перезвон, наверно, целого арсенала влетело в дверь и, не останавливаясь, проследовало дальше, в глубь пещеры, пока предусмотрительно выставленный рабочий стол не остановил *это*.

Грохот, вопли боли, ругань, совсем уже непонятные скребущиеся звуки. И Скорпо, критически поджав губы, открыл глаза.

— А ведь все могло быть и хуже... — покачав головой, провозгласил маг, подходя ближе к ворочающемуся в осколках битых сосудов и приборов прищельцу.

В ответ тот нагуженно замычал, держась обеими руками за пах. Шлем с шикарными разноцветными перьями, широкий тяжелый меч, здоровенный треугольный щит, боевой топор, колчан со стрелами и арбалет вояки бесполезно валялись вокруг.

Что-то бурча, ратоборец повернулся на бок, силясь привстать. Мийяра неторопливо столкнул с края стола чудом уцелевший запечатанный кувшин с козьей мочой прямо на белобрысую голову горе-рыцаря. Глаза прищельца закатились, тело судорожно дернулось, и он затих.

Неудержимая вонь мгновенно наполнила прихожую. Чародей недовольно поморщился, взял с полки моток крученой веревки и, стараясь не испачкаться, принялся вязать парня. Покончив с этим, он придирчиво взглянул на содеянное:

— И никакой магии... — И вышел на улицу.

На земле цвела весна. Легкий ветер чуть шевелил показавшуюся травку, в лесу переливался хор вернувшихся издалека птиц. Дышалось свободно и легко, хотелось просто жить...

Скорпо снова поморщился, отгоняя зловоние, идущее из пещеры, и направился к привязанному к дереву боевому коню. Рыжей масти жеребец настороженно покосился на приближающегося незнакомца, потянул широкими ноздрями воздух и недовольно захрипел, мотая головой.

Оценив ситуацию, Мийяра не стал рисковать, отложив «знакомство» на потом. Его

внимание привлекли лежащий рядом с лошастью тощий мешок и сложенная одежда.

Нисколько не стесняясь, волшебник начал рыться в чужих вещах. Поочередно на землю легли баночка с зеленой вонючей мазью, по-видимому, «чудесным бальзамом», штопаное-перештопаное нижнее белье, запасные штаны, несколько долговых расписок да нехитрая утварь — медная потертая чаша и медное же широкое блюдо. Из съестного в мешке было только несколько зачерствелых крошек, а о вине, на которое так надеялся мастер Скорпо, оставалось мечтать и далее.

— Придется опять на Перекресток ехать! — в сердцах сплюнул Инвар и занес ногу, чтобы пнуть мешок, но сдержался, аккуратно сложил все обратно в суму, будто никто ничего не трогал.

«Ну, оружие я продам, — заложив руки за спину, волшебник, не торопясь, шел к своему жилищу. — Что с конем делать? В руки он мне не дастся — покалечит, да и этот схадов олоду в петлю полезет, но за *верного друга* горло порвет... По крайней мере, попробует. Может, их обоих на мясо пустить? Все равно жрать-то нечего...»

Магик остановился, представив этого малого целиком жарящегося на вертеле. Выглядело не совсем аппетитно, и видение растаяло, а в голодном желудке лишь екнула пустота.

«Когда этот Ра наконец соизволит притащиться? Вторую неделю никаких вестей! Еще пара дней, и придется самому отправляться... — Скорпо продолжил путь. — А может, этого придурка подпрячь? Нет, не пойдет...»

Размышления прервал горестный вопль. Чародей удивленно замер и уставился на кое-как выползшего змеей на свежий воздух *охотника на колдунов*.

— Развяжи!!! — срываясь на бабский визг, встал тот на колени, силясь подняться на ноги. — Кому сказал — развяжи и дерись со мной, как подобает мужчине.

— Что ж ты ничему не учишься? — укоризненно покачал головой Инвар Мийяра, вынимая из коробочки на поясе длинную иглу, заранее смазанную *морозящей травой*. — И никакой магии!.. — ухмыльнувшись, добавил он, втыкая стержень в плечо наглеца.

Охотник как был, так и застыл на одном колене, вытаращив налитые кровью глаза.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

К вечеру все-таки приехал Кривой Ра. Но не один, как ожидалось, а с незнакомым Инвару долговязым, с неестественно перекошенными плечами орком.

— Привет тебе, шахман! — грузно прыгнул с коня Ра. — Нас держал пути туман. Я привел друг. Он помощь нам.

Скорпо с безразличием взглянул на спутника старого знакомца.

— И тебе привет, Йор — Летящий Конь, сын Дара — Полуденного Волка, — наконец вымолвил чародей после долгого молчания. Хотя мозг орков и был похож на человеческий, сознание было устроено совершенно иначе. Из-за этого *потаенный взгляд* требовал времени и некоторой тонкости.

— Кади ат го ухае? — Летящий Конь, отшатнувшись, не знал, на кого и смотреть — то ли на скалящегося в улыбке Ра, то ли на стоящего с каменным лицом тэндха.

— Я вижу, этой зимой ты станешь вождем? — продолжил маг. — Уверен, твой народ будет счастлив иметь *такого* вождя.

Как ни старался Скорпо побороть себя, сарказм лился из него подобно дождю неистойвой осенью. Слава Виге, орк был настолько поражен услышанным, что не обратил

внимание на оскорбление. А скорей всего, просто его не понял.

— Ат алк бесг о теат хангал! — Ра похлопал обескураженного Йора по плечу. — Он большой шахман!

— Надеюсь, вы уже наговорились? — прекратил веселье Скорпо. — Ра, ты привез деньги?

— Кангра! Денгу привез. Они просят еще. Мы привезли шарангад.

— Шарангад? Еще? — Мийяра недовольно поморщился, глядя на притороченные к седлам лошадей мешки. — Что ж... сгружайте...

«Когда ж вы только нажретесь...» — В раздражении сминая высокими каблуками траву, шел он к жилищу.

Взвалив плотные серые мешки на широкие спины, орки топали сзади.

Уже у самого входа чародей сбавил шаг, меж тем пальцами чуть-чуть подбирая подол стелющейся по пятам мантии.

Из-за двери прямо в ноги не то прыгнул, не то вывалился оживший горе-охотник с явным намерением перегрызть уж если не горло *черного мага*, то ногу точно. Глухо, помедвежьему, зарывчав, с настойчивостью гнома он попытался укусить Скорпо.

Тот, лишь выше задрал, чтобы не испачкать, подол изношенного платья, с ходу направил стертый от времени и ненастий носок сапога прямо в разинутую пасть нападавшего.

Рефлексивно сомкнув челюсти на *добыче*, малый неожиданно понял, как он себя подставил, и провинившейся собачкой посмотрел на зло ухмыляющегося чародея.

— Ну, мяса тебе больше не есть... — изрек младший сын Лысой Мийяры. — Впереди одни кашки!..

Подошедшие к месту орки услышали такой хруст, что невольно содрогнулись, а Летящий Конь даже провел языком по своим зубам, проверяя, все ли на месте.

— Дурак!.. — Инвар без сожаления шагнул через лежавшего без чувств рыцаря. — Чего уставились? — повернулся он к свинорылым. — Несите!

Сбросив мешки у стены, Йор и Ра молча кивнули на начавшее приходить в себя тело.

— Вывезете на Перекресток... Будет желание, можете повторить урок. Так сказать, для усвоения... — Скорпо, не торопясь, развязал мешок, изучая содержимое. — Это сырец... — он резко обернулся к гостям. — Сколько раз можно повторять? Мне нужен *сухой* продукт!

Орки молчали, виновато опустив огромные головы.

— Ладно... — Мийяра, закрыв мешок, как можно безразличнее взглянул на гостей. — Сделаю, что смогу, но за качество не ручаюсь. С этим... — он кивнул на рыцаря, — я уже сказал, что делать.

— Шахман! Лучше... — Кривой Ра провел большим пальцем у себя под подбородком.

— Может быть, и лучше... — Взгляд человека упал на старый, возможно, даже и фамильный меч. В душе чародея боролись осторожность и злоба. Прикажи он сейчас убить этого неудачника, и рано или поздно *опять* придут мстить. Родственники или братья по ордену — хранители рыцарской чести и кодекса. Оставить в живых? В таком случае есть шанс, что, наслушавшись рассказней, другие искатели драгоценных трофеев пустятся иной дорогой. Хотя... хотя за последнее время скольких бы он с миром ни отпустил...

— Будет рыпаться... — Инвар смахнул с рукава примостившуюся пеструю бабочку. — Будет рыпаться — убейте. Достали, кобеля дети! К вам это тоже относится... Деньги на стол положи... — Зевнув, Скорпо отправился отдохнуть.

Ра коротко кивнул и поманил соплеменника за собой — перепады настроения хозяина

уже давно не удивляли орка.

— Говоришь, «наслал демонов, которые своим пением лишили оружия и воли сражаться»? — Старший тайник поморщился, ибо такую чушь слышал впервые. Те, кто раньше покушался на жизнь мастера Скорпо и умудрился остаться в живых, по крайней мере, плели небылицы поскладнее. Ну, например, как «ненавистный колдун в один миг обратился в великого (ныне покойного) бор-Ота Тай-Шань-Хам-Сура и отделал четверку головорезов *пустыми руками и дыханием стихий*».

— А все зубы ему, значит, тоже демоны выбили? Своим пением, я полагаю. — Локо позволил себе чуть улыбнуться.

— Мне так рассказали... — поклонился зрячий. — Сбежал он «под покровом ночи, когда колдун готовился принести его в жертву Отродью».

— Я так полагаю, «усыпив слуг влитым в вино снотворным порошком, что дала ему матушка на дорогу»?

Тут уже и младший тайник не смог удержаться, чтобы не улыбнуться.

— Ладно, можешь идти, — махнул рукой старший сын Лысой Мийяры.

— А... — начал было подчиненный.

— Дайте ему какое-нибудь вознаграждение. Подбросьте там на дорогу или еще куда. Смотрите сами — по случаю. И дайте новый контракт, естественно, через третьи руки. Подальше... года на два-три...

— Елгекея подойдет? Там морские уродцы бесчинствуют.

— Более чем... Ступайте...

Усевшись в глубоком кресле поудобнее, Локо задумался. Надо прекращать эти бессмысленные нападения. Уже который год Инвара терроризируют охотники за нечистью. А все благодаря его батюшке — благородному Владыке Кериту, который не только ужесточил «Закон о магии» (по настоянию Церкви Единой Веры), но и дал свое молчаливое согласие на отлов и истребление всех, кто хоть каким-нибудь боком соприкасался с магией, волшебством и так далее. Головы колдунов щедро оплачивали единоверцы, расставившие свои храмы и часовни по всему Бревтону и начавшие жадно поглядывать на эльфийские леса Талат-Галена. А ведь только найди предлог — и начнется истребление нелюдей. Конечно, рано или поздно встанет вопрос: люди или эльфийско-оркское отребье будет царствовать на земле, но, то еще когда будет... Сейчас другой вопрос: как сохранить жизнь Инвара? И дело здесь совсем не в братской заботе. Просто... просто не давал покоя разговор, произошедший прошлой зимой, как раз на годовщину венчания на владычество Керита.

Тогда после шумного пиршества вице-канцлер на пару с военным министром, набравшись наглости и вина, подошли к своему властелину:

— Ваше величество, позвольте обратиться к вам, — подойдя, поклонился вице-канцлер.

— Дорогой А'Турхан, сегодня вы можете оставить дворцовый этикет. Будьте, как говорится, проще! — позволив себе немного выпить, Владыка Керит пребывал в самом благодушном настроении. — Итак, что вы хотите? Только не просите много — тогда ни о чем больше не останется мечтать.

— Мы с господином Хестером обращаемся к вам не столько от своего, сколько от имени детей вашего величества.

— Что такое? — вскинул косматую седую бровь Керит. — У меня есть дети?!

— Конечно, ваше величество. Это ваши поданные!

— А... вы об этих... — Бровь вернулась на свое место. — И чего же хотят мои дети?

— Наследника, ваше величество, — вельможи опустили головы. — Достойного человека, который *рано или поздно* займет ваше место.

Стоя за спиной отца, Локо видел, как на мгновение досада скользнула по лицу Владыки. И то, как дворяне акцентировали это «рано или поздно», и слова о «достойном человеке» заставили Мийяра внутренне сжаться в ожидании ответа.

— «Мои дети хотят наследника». Что-то неестественное есть в этой фразе... — словно пробуя слова на вкус, вслух размышлял Владыка. — Не кажется ли вам... господа... что вы выбрали не самый лучший момент для этого разговора? Сегодня я *желал веселиться*, а вы *желаете* испортить мне праздник!..

— Отнюдь, ваше величество. Просто мы посчитали, что, пребывая в хорошем настроении, вы...

— ...не отправите нас на свидание к палачу? — усмехнулся Керит. — А что может помешать мне сделать это сейчас?

Старший тайник, готовый вот-вот подать сигнал, взглядом отыскал своих людей.

— Что вы хотите от меня? Конкретно!.. — Голос Владыки был сух и капризен.

— Вам уже немало лет, государь... — Хестер говорил не спеша, подбирая слова. — Пройдет немного времени, и вы предстанете перед создателем. Кто займет ваше место?

— А что, свидание уже назначено? — заложив руки за спину, Керит пристально посмотрел в лицо военного министра.

— На все воля Неба, мой господин...

— Дворяне обеспокоены будущим королевства, — пришел на помощь А'Турхан. — Мы опасаемся, что если в ближайшее время не будет наследника или не состоится объявление преемника, то уже к концу следующего года мы будем иметь не одну и не две, а несколько партий, претендующих на престол. Уверен, вы знаете, чем обычно кончаются подобные игры.

— Вы свободны, господа... — Владыка Бревтона отвернулся от собеседников и, кивнув Локо следовать за ним, широким шагом удалился в свои покои.

Войдя в спальню, повелитель цыкнул на сидящую на краю огромной кровати раскрашенную полуголую девицу. Тут же вспорхнув, наложница бросилась вон.

Мийяра, сплывавая слюну, отвернулся, меж тем провожая взглядом ее отражение в зеркальном потолке.

— Скоты! Как они смели!.. — Не в силах более сдерживаться, Керит с размаху опустил кулак на изящную вазу елгекейской работы. Обреченно тенькнув, сосуд из тончайшего древнего фарфора разлетелся осколками по всей комнате.

Старший тайник, находясь на безопасном расстоянии от разбушевавшегося монарха и еле скрывая блуждающую по тонким губам улыбку, любовался представлением.

— Что ты лыбишься?! — Владыка пораженно замер, вглядываясь в Мийяру.

— Кто? Я? Вам показалось, — Локо хотел сказать «отец», но вовремя прикусил язык, — ...господин.

— Смотри у меня! — погрозил пальцем Керит. Распахнул дверцы стенового шкафа, достал оплетенную бутылку. Налил, но пить не стал.

— Первое... узнай, откуда ветер дует. — Монарх подошел к высокому, в три человеческих роста, зеркалу. — Эти двое не посмели бы даже заикнуться о подобном, если бы не чувствовали поддержки за спиной. Кто их поддерживает?.. Кто надоумил?..

— А как насчет наследника? — не вытерпел Локо.

— Не знаю... Еще не знаю... — Керит рассматривал свое отражение. — А может, и вправду жениться, а? Выбрать себе какую дуру... посисястей... Детишки, то да се... Народ ликует, дворяне спокойны. Если ту же гольдорскую, со временем — полное объединение, беспошинный выход к морю. Или же из Рауча... Как вариант. Приданое драгоценными камнями возьму — долги покроем...

Перестав рассуждать вслух, Керит повернулся к побледневшему Мийяре.

— А ты что же, думал, *сынок*? Я тебя наследником представляю? Мысль, конечно, интересная, но... — Он сел на кровать, жестом указав Мийяре на место около себя. Когда Локо примостился, Владыка неспешно продолжил: — Одно маа-а-ааленькое «но»! Мы не были женаты с твоей матерью, плюс она обычная крестьянка, без всякой родословной. Значит, ты — незаконнорожденный. По-любому... Единственное, на что ты можешь претендовать (кстати, я уже подумываю об этом), так это какое-нибудь поместье и титул. Вот и все, на что ты можешь рассчитывать, мой дорогой! Сейчас речь не об этом. Ты понял, что тебе нужно делать? Тогда иди и выполняй!

Когда Локо шагал по гулкому коридору, в голове у него вертелась одна фраза, сказанная А'Турханом: «Мы опасаемся, что если в ближайшее время не будет наследника или не состоится *объявление преемника...*» Выходит, Владыка может объявить преемником кого угодно... Так почему же НЕ МЕНЯ?

План начал обретать четкие контуры.

Удивить Скорпо было не так уж и просто. Но этим ранним утром, прежде чем поверить собственным глазам, он несколько раз их тщательно протер.

Посреди поляны на породистом вороном жеребце восседал Локо Мийяра собственной персоной.

Неизвестно, сколько бы еще продолжалась эта немая сцена, но тут старший брат, легко спрыгнув на землю, направился к онемевшему чародею.

— Здравствуй, дорогой братец! — широко улыбаясь, раскрыл объятия Локо.

От таких слов у Инвара комок застрял в горле, а на спине выступил холодный пот.

— Привет!.. — поприветствовал Скорпо брата рукопожатием, меж тем уходя от объятий. — Надеюсь, ты по делу?

— А что так грубо, братец? — Старший еще шире улыбнулся, старательно пытаясь заглянуть в глаза родственнику.

— Да... нет... просто... — Младший Мийяра отвел взгляд, внутренне пытаясь сконцентрироваться на разуме гостя. Но увы, как Инвар ни тужился, его встречала неприступная стена. — Ты по делу или от скуки решил заскочить?

— От скуки, в смысле по делу. — Локо, не удержавшись, дотронулся до враз загоревшейся в ухе сережки-оберега.

— Ну-ка, ну-ка!.. — Железной рукой Инвар перехватил запястье брата, всматриваясь в магическую вещь. — Ну не ... — Здесь он завернул такое, что Локо поперхнулся: маленький забитый братик остался в далеком детстве.

«А Каяс в свое время голову ломал, душой страдал! А все настолько просто!..»

— Откуда это у тебя? — улыбаясь своим мыслям, спросил Скорпо. — Только не ври. Не надо...

— Глэм дал. Мой наставник... Когда я от Ень-Иро ушел, мне место в тайной службе

предложили. Может, присядем где, а? Что мы как не родные? Я вино привез, пожрать опять же. По-нормальному посидим, поговорим...

При слове «пожрать» в пустом желудке чародея тоскливо заныло.

По настоянию волшебника они расположились на улице, в стороне от входа в пещеру. Братья выставили наружу дощатый стол, и, пока Инвар ходил за утварью и грубо сбитыми табуретами, Локо умело накрыл.

Ели молча, приглядываясь друг к другу, явно не зная, с чего начать разговор.

— Ты один приехал? — аккуратно вытерев жирные губы платочком, решился спросить Инвар.

— Не-а... двое в «Южном Тракте» остались. Сюда проводили и уехали. Пусть отдохнут от службы. — Локо равнодушно посмотрел на заставленный стол, прикидывая, что бы еще съесть.

— Ты тайник?

— Старший тайник. Доверенное лицо Владыки.

— Серьезно?.. — не то с восхищением, не то с завистью покачал головой Скорпо. — Хорошо поднялся...

— Просто повезло... — махнул рукой старший брат.

— *Повезло?* — что-то не понравилось Инвару в услышанном.

— Да, повезло... Когда с *помощью* твоего учителя-колдуна меня забрали у ювелира, я попал в службу. Вот потихоньку и...

— Сам?

— Не совсем... — Локо заговорщически улыбнулся, проведя рукой по лицу. — Вот здесь, братец, и начинается самое интересное.

— Ну и?.. — Младший заинтересованно потянулся вперед.

— Ты будешь смеяться, но наш достопочтенный батюшка жив... — И, пока Инвар переваривал услышанное, чуть ли не шепотом быстро добавил: — Скажу более, нынешний Владыка Керит и есть наш с тобой папочка.

— Брось, Локо, никогда не поверю — ты служил у своего, то есть у *нашего*, отца и даже не подозревал, кто есть кто?

Старший только пожал плечами.

— Переведи!

Еще раз пожав плечами, Локо неспешно начал:

— Сразу же после того, как нас с тобой и матерью выслали на «историческую родину», Керита тоже выслали. Официально — для укрепления подпорченного тяжелой болезнью здоровья.

— Что значит, «официально»?

— Инвар, подумай сам — за все время его отсутствия *никто*, повторяю, никто даже не обмолвился о родном брате Владыки. Слово его никогда и не существовало...

— Полагаешь, не просто так?

— Когда умирал Глэм, мой начальник и наставник (я уже упоминал о нем), так он перед самой своей кончиной признался, что Керита хотели отравить, а когда дело не вышло, то и отправили его за моря с надеждой, что там он... — Локо кивнул вверх. — Что поездка добьет его. А он выжил и вернулся.

— А кто хотел-то?.. Извини, глупость сказал.

Тайник махнул рукой — «бывает».

— Да, дела... — задумался Скорпо.

— Вот тут и образовались два дельца...

— Из-за которых ты и приехал? — Чародею все стало ясно.

— Подожди, тебе, может быть, и понравится! — предупреждая выставил вперед руки Локо. — Во-первых, есть новости про мать.

— Что случилось? Она жива? — встрепенулся Инвар.

— Жива, но... Как бы это сказать?.. — нахмурился старший. — Мне поступил донос. Короче, матушка наша чудить начала...

— В смысле «чудить»? — От неожиданности волшебник заморгал совершенно по-детски.

— Я проверил, все так и есть. Если без подробностей, полагаю так, что с возрастом у нее разум помутился, и начала она вытворять всякие непотребства.

— Трупы есть?.. — не то с надеждой, не то со страхом спросил младший.

— Один точно на ее совести, а за остальные два поручиться не могу.

Волшебник замолчал, обдумывая услышанное.

Еще когда Девин Каяс был учителем Инвара, они обсуждали вероятность подобного.

«Понимаешь, малыш, люди, которые инициировали свои магические способности в результате стресса или какого-нибудь яркого события, к концу жизни могут не совладать со своей силой. Примеров тому множество... В большинстве случаев они начинают бросаться на всех подряд, совершать бессмысленные, порой кровавые поступки. Бушующая внутри них энергия ищет выхода из тлеющего тельца. Нужен преемник. Если таковой не найдется, сила будет пожирать душу хозяина и после ухода в иной мир».

«И как с этим бороться?»

«Надо уничтожить способности. Есть много способов. Внезапный пожар тяжело остановить, но залить можно»

«А подобное может произойти, скажем, со мной? Или с вами?»

«Ты имеешь в виду *настоящих* чародеев? Бывали случаи, но очень редко. Способности, умения волшебников развиваются постепенно, не вдруг. К концу своего существования, если он, конечно, не какой-то некромант, маг уравнивает способности. Так что бесиво исключается. В большинстве случаев, как я уже сказал. Опять же, наш брат редко умирает своей смертью. Или ты полагаешь, что *экзамен* придуман только из-за Великого Равновесия?»

— Убить мы ее не можем, но остановить должны. По многим причинам. По каким, не спрашивай — в двух словах не объяснишь, — наконец приняв решение, начал рассуждать Инвар вслух. — А так как убить нельзя, мы лишим ее сил. Мать меня к себе не подпустит. Нужен тот, кто сделает эту работу. Я добуду средство, которое лишает магических способностей. После его применения колдун, даже прекрасно знакомый с формулами заклинаний и пользующийся ими, не сможет ничего сделать.

— А когда ты добудешь эту свою отраву? — согласно кивнул тайник.

— Понадобится дня три, а может, и больше. Мне нужно добраться до одного своего... коллеги. Он мастак в изготовлении подобных пакостей. Опять же, есть ли у него готовая отравка или придется ждать, пока он ее изготовит.

— Ммм... я думал, что ты сам можешь...

— Могу! Но я не помню рецепта точно.

— Далеко он живет?

— Недалеко от Островов Блинда.

— И ты собираешься все сделать за три дня?! — Локо с сомнением покачал головой.

— Три дня я буду только его уговаривать. А что еще за дельце у тебя? Хочешь меня познакомить с папочкой? Так я особым желанием не горю!

— А придется... — ухмыльнулся старший брат. — Если, конечно, примешь мое предложение.

— Например?

— Как ты насчет отмены «Закона о магии и волшебствах» и небольшого, но приятного поместья где-нибудь в южных землях Бревтона или где еще по выбору, а?

Как ни старался Скорпо, но так и не смог пробиться сквозь преграду защиты-сережки в разум старшего брата.

— Значит, папа не желает признавать нас своими детьми?

Разговор продолжался под сенью того самого дуба, где некогда любил возлежать после трапезы Каяс со своими друзьями-монахами.

— А ты, братец, как я понял, загорелся желанием стать властителем Бревтона? — Инвар провел языком по губам. — Не потянешь ты королевство, мой дорогой...

— Это еще почему? — насупился Локо.

— У тебя ссад временами мозги заменяет... Что волком смотришь? Или я не прав?

— Да, прав, наверное... — отвернулся старший. — Но, Отродье меня раздери, Инвар! Разве ТЫ смог бы отказаться от подобного куска? Просто отвернуться и пройти мимо?

— Вряд ли... — после долгого раздумья произнес Скорпо. — И как ты себе сие представляешь? Я имею в виду весь этот... *процесс*?

— Надо думать. Керит тебя к себе не допустит по-любому. Ему, видите ли, нагадали, что его царствование оборвется, когда некий колдун встретится с ним по его же зову. Так что страх перед вашей братией у него в крови.

— Предсказали, значит... — Младший вдруг расхохотался. — Это может стать даже забавным! И что, наш папа так верит в предсказания?!

— Я уже говорил.

— Да-да... Извини. — Чародей смахнул выступившую слезу. — Часто болеет?

— У нас лекарь хороший. Молодой, но хороший.

— Тогда тем более надо ехать! — кряхтя, начал подниматься с травы Инвар. — Ты можешь долго отсутствовать на месте?

— День. От силы два. А что?

— Ты говорил — парочка ребятишек ждет тебя на Перекрестке? Сделаем так. Ты прямо сейчас едешь за ними. Возвращаетесь обратно сюда. После этого я отбываю по нашему делу, а твои сидят здесь хоть до посинения, но чтобы меня дождались. Заодно мне все здесь и постерегут. Да! Пусть еды побольше возьмут — жрать у меня нечего.

— А я? — поднялся следом тайник.

— А ты? Ты едешь в Уилтаван. И ждешь известий. И по получении оных мчишься сюда.

— К чему такая спешка? Я полагал, что...

— А может, мне тоже кое-что предсказали! — В глазах чародея вспыхнули озорные огоньки.

«Только мне не хватало, чтобы ты, мой любезный братец, столкнулся здесь по осени-зиме с купцами-орками. Еще и долю потребуешь, гад! А так обтяпаем это грязное дельце,

мамочку на место поставим. Имение опять же... Или что, мне всю жизнь сидеть в этой пещере?!»

К возвращению Локо с подручными Инвар навел порядок: разобрал просеиватель, тщательно вымыл все плоски и сосуды от следов смеси, надежно спрятал оставшийся шарангад и уже готовый порошок.

Отдав двум невзрачным, но крепким парням указания и строго-настрого предупредив не соваться в лес и не обижать посетителей, если таковые появятся, Инвар сухо попрощался со старшим братом и начал готовиться к отбытию.

Прочертив на земле ровным кругом глубокую бороздку, волшебник положил в центр площадки заранее приготовленный манускрипт Сио и сам встал рядом с ним.

Собравшись с духом, Скорпо поджег свиток и закрыл глаза, чувствуя, как покрывается потом от овладевшего им страха.

Заинтригованный предстоящим зрелищем, Локо увидел, как медленно разгорающееся пламя вмиг устремилось к границам круга, вспыхнуло, вырастая сплошной стеной огненного шатра, и с глухим завыванием завертелось, устремляясь вверх.

Верхушка «шатра» неожиданно разошлась в стороны, и синие края огня как бы вывернулись наизнанку и тут же сошлись в одной точке, как раз там, где мгновение назад стоял Инвар Мийяра.

Прошло много времени, прежде чем белокрылый корабль пристал к далекому острову. На берег сошли люди. Моряки были здесь недолго, сочтя эту землю негостеприимной: лишь непроходимые джунгли да пугающие крики неведомых обитателей. Кое-как найдя пресную воду и потеряв одного матроса, они спешно убрались восвояси. И уже когда быстроходный фрегат был далеко, кок не смог найти корабельного любимца — везде сующего свой любопытный мокрый нос белогрудого щенка.

Каждый вечер Дружок приходил к берегу, с надеждой вглядываясь в бесконечный горизонт: а не появятся ли белые четырехугольные полотнища, что так забавно и в то же время пугающе хлопали на соленом ветру.

Положив косматую голову на передние лапы, пес не мигая смотрел вдаль, лишь изредка шевеля ушами, отгоняя надоедливую мошкарку от упрямого широкого лба.

Сегодняшней ночью собака вдруг почувствовала, как вокруг задрожал воздух. Недоуменно подняв голову, Дружок потянул носом, силясь разобраться в происходящем.

Только он присел на задние лапы, как в свете лун воздух прямо над ним сгустился в пятно. Пес хотел отойти подальше, но вдруг пятно озарилось ослепляющим светом, песок вокруг вздыбился словно от удара, и из образовавшейся воронки вывалился человек.

Дружок принялся к прищельцу, но увы — пахло от него не вкусной солониной, а как от той сгнившей туши, на которую он недавно наткнулся в устье реки.

Поджав хвост и жалобно заскулив, собака затрусила в глубь джунглей, туда, где у подножия заросшего холма в глубокой пещере жил не такой добродушный, как его прежний любимец, но все же человек.

Ощущение было такое, что с холода сразу попал в жарко натопленную баню — дышать было просто нечем.

«А каково здесь будет днем? Брр! И угораздило же этого остолопа поселиться именно

здесь!»

Моментально вспотев, Скорпо осторожно открыл глаза, прислушиваясь к себе — все ли с ним в порядке? Первое неуверенное движение телом, и вот он оказывается на коленях, захлебываясь рвотой.

Кое-как отдышавшись, он огляделся. Вокруг стрекотала тропическая ночь, волны с легким шипением ласкали песчаный пляж. Бесконечные небесные огоньки делали ночь светлой. Далекие луны, казалось, висели прямо над головой, достать их — только протяни руку.

Пересилив головокружение, Инвар Мийяра направился в чашу. Дороги он не знал, но по тому, как усиливалась надвигающаяся энергетическая линия, понимал, что движется верно. Где-то примерно через час, когда с непривычки чародей сбил ноги и изорвал подол мантии-плаща, он вышел к жилищу мастера Гемине.

Как и его северный коллега, Гемине облюбывал себе жилище в пещере, в самой глуши леса и недалеко от пересекающихся энергетических линий. По молодости лет (они со Скорпо были одногодками) южанин ученика не имел, и, если не считать крикуна-попугая да невесть откуда прибившегося пса, жил в одиночестве.

Итак, когда Скорпо вышел к пещере того, кого до посвящения в Круг Двенадцати звали Фар А'норт, с запада показало свой ярко-оранжевый огонь солнце.

— Хорош дрыхнуть, Отродья сын! — что есть сил проорал в тяжелую дверь мастер Скорпо и шагнул в сторону. На всякий случай...

Обиженно стукнул засов, заскрипели несмазанные петли, и на пороге возник заспанный, в волочащейся по земле длинной ночной рубахе мэтр Гемине.

Осоловело взглянув на незваного гостя, он недоуменно, словно прогоняя видение, мотнул головой:

— Изыди на ...! — И попытался закрыть дверь. Инвар резко двинул ногой по некрашеному дереву. Видно, Гемине не успел сделать от входа и шагу, так как сразу же послышался такой вопль, что Скорпо зажмурился, отступая назад.

— СКОРПО!!! ОТЦА ТВОЕГО В СХАД!!! — немилосердно надрывался разбуженный хозяин. — ТЫ ХОТЬ РАЗ В ЖИЗНИ МОЖЕШЬ ЯВИТЬСЯ БЕЗ СВОИХ ИДИОТСКИХ ШТУЧЕК?!!

— Могу, — шагнул на порог ухмыляющийся гость. — А зачем? Будет что потом на Совете рассказать. Нет, ты согласишься... — войдя, Скорпо бесцеремонно уселся на кое-как сколоченный стул — ...наши собрания похожи на посиделки стариков. Соберемся, посидим, побрюзжим, друг дружке косточки перемоем, и на этом все! А так вот ты зимой заявишь: «Мол, приперся Скорпо, нашумел, нагрубил, все такое», и уже наше уважаемое собрание будет не таким уж серым и нудным! Ты согласен?

— Хам... — Потирая копчик, Гемине ушел за разгораживающую комнату ширму. — Ты по делу или просто мимо проезжал?

— Как-как? — поперхнулся Мийяра. — «Мимо проезжал»? Дружище, ты знаешь, сколько стоит один манускрипт Сио? А сколько дерет *достопочтенный* Катт-Апп за доставку? «Проезжать мимо» — это весьма дорогое удовольствие для меня. Кстати, об удовольствии...

Хозяин не подавал голоса — то ли не расслышал, то ли не знал, что ответить.

— Я говорил про удовольствие... — в голосе Инвара зазвучал металл.

— У меня сейчас нет денег, — наконец вышел одетый Гемине.

— ?

— Были проблемы... Пришлось потратиться...

Скорпо молчал, пристально вглядываясь в бледное лицо.

— Но я верну... К зиме. Все до самой последней монеты. Надеюсь, ты приехал сюда не из-за этого?

— А если я скажу, что именно так? — закинул ногу на ногу гость. — Что тогда?

Гемине безмолвствовал, нервно покусывая кончик длинного уса.

— А как твои эликсиры? Изобрел что-нибудь новенькое? — разорвал Скорпо тишину, безучастно осматриваясь вокруг.

— Ну... Я сейчас работаю над одной вещичкой... Лео заказал.

— Для путешествия между гранями? Я думал, что вы уже отказались от этой идеи.

— Напротив, у нас сейчас подъем. Вот-вот, и мы добьемся успеха!

— «Вот-вот», это, я так понимаю, лет через двести?

— Ты не прав, мы... — враз покраснел Гемине.

— Оставим это! — махнул рукой Скорпо. — Между прочим, у меня тоже есть для тебя заказ. И не в пример нашему мэтру Лео оплачиваемый. Уверен, лишние несколько монет тебе не помешают. Скажу более — я даже подумываю погасить долг, если ты все выполнишь в срок. То есть к вечеру.

— Сегодняшнему вечеру? — несколько растерялся Гемине. — А что тебе надо?

— Мне нужен... — Гость замолчал, словно вспоминая название эликсира. — Оденан. Да, мне нужен оденан.

— Боги Кристалла! — шумно выдохнул чародей. — Зачем тебе это?!

— Не мне... Не волнуйся, это и не для кого-то из нашего круга. Это для моей матушки. Она, если тебе известно, ведьма. А тут на старости лет куролесить начала. Рука на собственную мать у меня, естественно, при всем желании не поднимется, а вот лишить ее способностей... Короче, сколько тебе понадобится времени для изготовления пойла?

— Год... может быть, полтора... Не надо так на меня смотреть, оденан по своей структуре вещь очень тонкая, так что...

Мийяра чувствовал себя, по крайней мере, обманутым. Земля уходила из-под ног, и желанный домик с садом на берегу реки таял, уплывая далеко-далеко. Но выход должен был быть! Должен!!!

— Погашу долг, — ровным голосом заявил Инвар.

— И что из того? Скорпо, я не смогу приготовить снадобье к завтрашнему вечеру. Я даже не уверен, что смогу его сделать к концу года. Хотя... — запнулся он.

— Что «хотя»? — уцепился за соломинку гость.

— Только между нами, хорошо? Лео три года назад просил сделать оденан ему. Для чего, правда, не сказал. Но я сделал.

«Страхуется. Например, от меня или еще от кого».

— Я так полагаю, что это тайна? И как ты представляешь себе... изъятие?

— Надо отправиться к Лео, ну а там...

— Ты с ума сошел? Лео мне ничего не даст, вот если тебе...

— Мне, верно, может, — кивнул Фар А'норт. Ехать, а тем более кого-то о чем-то просить, ему не хотелось, но сумма долга поборола все «но».

— Хорошо, — сказал он вслух. — Я сделаю, что ты просишь. И надеюсь...

— Да спишу, спишу я тебе долг! И даже на хлеб с вином подкину... — устало махнул

рукой Инвар. — Когда собираешься отправиться?

— Сегодня нет, конечно. Может, завтра или послезавтра... Но к концу недели обещаю!
— гулко стукнул себя в грудь Гемине.

Инвар долго смотрел в лицо собеседника.

Тяжело смотрел... нехорошо... Так, как смотрят на своего кровного врага, перед тем как, свернув ему шею, швырнуть бездыханное, но еще агонизирующее тело себе под ноги.

— Прямо сейчас поедешь, *сесболдоу*... — прошипел Скорпо, поднимаясь. И прежде чем выйти на воздух, швырнул ему кожаный мешочек. — На! Подкрепись на дорожку!..

Мастер Лео был искренне удивлен, выслушав просьбу Гемине. Во-первых, из длинного путаного рассказа он ровным счетом ничего не понял. Кто-то что-то сделал, кому-то зачем-то нужен оденан, иначе случится-произойдет непоправимое, ибо, ибо... Далее шел такой бред, что глава Конклава еле сдержался, чтобы не обратить рассказчика в какую-нибудь дрянь вроде этого повествования.

Во-вторых. Хотя мэтр Лео и не владел в совершенстве искусством вхождения в чужой разум, чтения мыслей и управления человеком, как, например, кланы Скорпо и Таурис, но он был готов отдать последние штаны, будучи уверенным, что до странности бледный, с горящими глазами Фар А'норт сейчас изволит откровенно врать. К тому же глупо и неумело.

Внимательно выслушав легенду в очередной раз, Лео спросил без обиняков:

— Мэтр Гемине, давайте без дураков. Для чего вам оденан? Право слово, чем больше я вас слушаю, тем больше мне хочется выставить вас вон. Поэтому ради Неба!.. Итак, слушаю вас...

— Ну-у-у... — протянул магик, начиная старую песню. — Дело в том, что... вождь соседнего острова...

Лео, не дожидаясь дальнейших объяснений, взглядом показал на двери.

— На моем острове объявился неизвестный чародей. Он угрожает мне смертью, если я откажусь посвятить его в наши знания.

Глава Конклава удивленно вскинул брови, но прерывать рассказчика не стал.

— Он — служитель Отродья. Чернокнижник. По-моему, даже, некромант. Конечно, я бы мог призвать Круг, но... Как бы я тогда выглядел в глазах коллег? А так, я надеюсь только на вашу помощь и порядочность.

Мастер Лео крепко задумался: сейчас рассказ Гемине был похож на правду — уже некоторое время чувствовалось, что равновесие сил на восьмой грани качнулось в темную сторону. Да еще мастер Ариес стал присылать одно за одним сообщение, что на Твилисе местные оракулы из эльфов начали вещать пророчества о конце мира и даже называли срок — через двадцать лет. А если учесть некую активизацию орков, да неожиданное зарождение у все тех же эльфов религиозных течений, связанных с поклонением Отродью, да и неожиданный всплеск деятельности неконтролируемых колдунов, колдуний и ведунов!.. Блюдо получалось совершенно несъедобным.

Что до самого Гемине, страшившегося показаться беспомощным перед другими членами Конклава, так это естественно! Лео сам бы испугался подобного. Оставалась лишь одна деталь...

— А почему ты не можешь его просто убить? Зачем тебе лишать его способностей?

— Боюсь, что убить этого колдуна, как простого человека, будет не так уж и просто...
— поднял глазапроситель. — А потом... он хороший алхимик, а мне нужен расторопный

помощник.

— Хорошо, я дам тебе оденан. Только обещаю тебе, что ты используешь его именно с этой целью.

Гемине мутило от фэла:

— Именно так все и будет, магистр!

Оказавшись на улице и вдохнув свежего воздуха, Гемине не выдержал и вырвал содержимое желудка прямо на подол серебристой мантии — Скорпо делал очень ядреный фэл.

Оставив зеленого от непосильной усталости Гемине стонать на далеком южном острове, Инвар вернулся в Заблудший Лес.

Дома, естественно, ничего не изменилось, если не считать скучающую парочку тайников. При появлении чародея парни отлепились от входа в пещеру, коротко поклонились, ожидая распоряжений.

— Передайте хозяину, что у меня все готово! — Будучи в хорошем расположении духа, Скорпо хотел добавить еще какую-нибудь шутку, но на ум, кроме соленой скабрзности, ничего не приходило. — Также скажите ему, что я настаиваю на нашей встрече в самое ближайшее время.

Тайники не сдвинулись с места.

— Что еще?! — Мийяра, почувствовав приближение опасности, начал концентрировать энергию, одновременно с этим проникая в разум стоявших перед ним.

— Мне было приказано взять у вас *подарок* для старшего тайника. — Один из парней широко шагнул вперед. — А также получить рекомендации по его применению.

— Сейчас все будет... — зло огрызнулся волшебник и, мысленно кляня себя за излишнюю настороженность, направился в пещеру.

Бросив мимолетный взгляд на аккуратно сложенные у стены мешки, по всей видимости, с обещанной Локо провизией, Инвар уселся за рабочий стол. Достав желтую, пахнущую мылом бумагу, он начал покрывать ее ровными строками.

Согласен на все твои предложения. У меня все готово для нашей встречи. Для нашей матушки ничего особенного готовить не надо — подойдет абсолютно любой напиток. Время суток также значения не имеет.

Подписываться Инвар не стал. Еще немного поразмыслив, он добавил:

Надеюсь увидеться до Праздника Зимнего Равноденствия, но возьму на себя смелость предположить, что время — не наш союзник.

Сложив письмо вчетверо, он вложил его в коробочку, обитую изнутри толстой мягкой тканью, где уже покоилась темная бутылка с заветным оденаном.

Когда посылка передавалась из рук в руки, холодное острие стрелы кольнуло в сердце чародея — что-то было не так. Но, еще сидя за письмом, Скорпо просмотрел разумы гонцов и не обнаружил ничего опасного для себя. Тогда откуда же появилась эта заноза неуверенности? Этого колдун понять не смог.

Не смог, как и не смогли унять свое удивление поверенные старшего тайника, когда на постоялом дворе «Южный Тракт» они узрели своего хозяина.

С тех пор этих двоих никто на восьмой грани не видел...

Уже по прошествии двух недель возле пещеры Скорпо вновь застучали копыта, и на

прекрасном буланом коне гонец из Уилтавана принес долгожданную весть.

Внимательно прочитав письмо и велел приезжать за ним не ранее как через неделю, Инвар Мийяра начал собираться в дорогу.

— Слушай меня внимательно, сын Дара, — укладывая вещи, отдавал он распоряжения примчавшемуся по зову орку. — Шарангад более не привози, я не знаю, когда вернусь. Деньги за еще непроданный товар доверяю тебе. Когда устроюсь — дам о себе знать. Ты пока можешь жить здесь.

— Шахман едет большой град стать великий жрец? — Йор — Летящий Конь понимающе кивнул огромной головой. — Картурак^[11] больше не ждать? Что сказать покупатель?

— Жрец, говоришь? Можно и так сказать. А клиентам скажи... — Инвар внимательно оглядел пещеру: не забыл ли чего нужного? — Клиентам скажешь, что переходим на государственный уровень.

Йор непонимающе нахмурился.

— Шучу... — Чародей забросил на спину огромный мешок, а другой взял в руку. — Ладно, образуется, видно будет. Удачи! — И... сам от себя такого не ожидая, протянул руку. — Да вернусь я еще! — Скорпо с удивлением разглядывал растерянную, чуть не плачущую физиономию орка. — Ра привет передавай, хорошо?

Сын Полуденного Волка лишь кивнул, пожимая ладонь мага.

Прибывшие в срок, ровно на седьмой день после весточки, крепкие, сбитые молодцы без лишних слов загрузили вещи мага в широкую крытую повозку, запряженную четверкой лошадей, и даже помогли Инвару подняться на нее. Оказавшись внутри, Скорпо тут же вытянулся на мягких домотканых коврах, что были наброшены поверх сена. Заложив руки за голову, он прикрыл глаза, отдаваясь утренней дремоте.

С удовольствием слушая скрип колес, сопровождающийся хлопаньем вожжей о круп лошадей, он неожиданно понял, что до сегодняшнего дня еще ни разу в жизни не путешествовал подобным образом. Когда он был еще под началом Каяса, ему приходилось или ехать верхом, или просто шагать пехом, ибо других способов путешествовать (не считая манускриптов Сио) учитель Инвара не признавал. Мерно покачиваясь, позволив запаху сухой травы себя убаюкать, Мийяра заснул.

Проснулся он от голода.

Привстав на локтях, чародей огляделся. Сквозь щели повозки виднелась стена густого леса. На костре что-то жарилось, и ароматный дымок призывно щекотал ноздри. Резонно решив, что если он таки соизволит вылезти на улицу, то ему наверняка предложат кусок еды, Инвар так и сделал. То есть, кряхтя из-за онемевшего плеча, он встал и вылез наружу.

Взору предстала живописная картина: посреди роскошной поляны при свете заходящего, еще летнего солнца на пылающем костре, роня жирный сок в беснующееся пламя, жарился цельный кабанчик, по всей видимости привезенный с собой.

От костра навстречу магу спешно отделился тайник.

— Мой хозяин просил вас переодеться, — с поклоном протянул он сверток, перетянутый бордовой лентой. — Господин Мийяра полагает, что в другом платье вы не будете привлекать к себе столь ненужного внимания, сколь в этом наряде.

С сожалением взглянув на зажаривающуюся тушу, Инвар взял предложенную одежду. Зайдя за повозку так, чтобы попугачики не смогли бы увидеть, он переоделся.

Покончив с этим, Скорпо критически оглядел себя.

«Пижон да и только!» — ухмыльнулся волшебник. Теперь он походил на какого-нибудь дворянчика средней руки. Фиолетовый камзол с широким прошитым поясом, такие же фиолетовые, но более темные панталоны с кручеными шнурками вместо парадных бантов по бокам и внизу. Туфли на высоченном каблуке с серебряными пряжками. Шляпа с чуть потускневшим, но еще щегольским пером. Опять же фиолетовый, подбитый черным плащ и короткая трость.

К получившемуся портрету надо добавить, что кошель, вшитый прямо в пояс, приятно тянул книзу. Если бы не люди старшего брата, Инвар пересчитал бы, сколько там. Свои деньги он, разделив, часть спрятал в вещах, а оставшееся схоронил за пазухой.

Явившись к костру в новом обличий, Скорпо был встречен одобрительным, хотя и сдержанным гулом собравшихся. Ему моментально предложили деревянное раскладное кресло, пододвинули походный столик. Несколько пассов прислужки, и перед Мийярой совершенно без всякого волшебства материализовались запотевший кувшинчик вина и бокал, на круглом серебряном блюде дымился большой кусок мяса на кости, а рядом мелко порезанный сыр, зелень и каравай хлеба.

Глядя на все это, сдерживать себя Инвар более не мог. Накинувшись на еду, он забыл о приличиях и, уподобляясь невежественному крестьянину, даже не дотронувшись до приборов, схватил свинину руками, вгрызаясь в горячую плоть. Липкими жирными руками он, кроша, разламывал хлеб и, сминая податливую мякоть, впихивал себе в рот, запивая все это вином прямо из широкого горла.

Заранее предупрежденные о возможности чего-то подобного, тайники молча отвернулись к костру, как в ни чем не бывало, неспешно продолжая свой разговор.

Наконец в первый раз за четыре месяца как следует наевшись, Скорпо развалился в кресле, блаженно вытянув ноги. Его снова клонило в сон. Но отдаться во власть грез ему не дали.

— Мэтр!.. — над ним наклонился тайник. — Нам надо продолжать путь. Господин Мийяра просил нас прибыть в Уилтаван на рассвете.

Волшебник, еле сдерживаясь, чтобы не обложить парня руганью, молча встал и направился к повозке.

«Локо, отца его в ...! Переодеться! Прибыть на рассвете! Боги, какая таинственность!» — Маг, все прекрасно понимая, ругался из вредности, но...

Повозка мерно раскачивалась из стороны в сторону, изредка подскакивая на ухабах.

«Допустим, братцу удастся подвести меня к принцу, — Инвар неожиданно отметил, что ни разу не назвал про себя Владыку Керита отцом. Владыка, принц, еще как-нибудь, но не отец! Словно стараясь затупить голос крови перед хладнокровным убийством собственного... Чушь! Брось, мой дорогой, тех, кто отказался от собственной возлюбленной и своих же детей, даже человеком назвать нельзя, а уж тем паче своим родителем! Итак, братцу удастся подвести меня к Владыке. Необходимо, чтобы рядом, кроме нас троих, никого не было. Ну а если все же будет? Тогда поставить сверху *купол непроницаемости* или занять зрителей чем-нибудь таким?»

Воображение нарисовало нарядно одетых людей, в панике спасающихся по коридорам дворца от невиданных доселе зверей.

Баловство все это... ребячество... Надо что-то посерьезнее. Если все будет происходить на глазах у лишних свидетелей, то впоследствии возможны инциденты. Например, «на Владыку воздействовали колдовством, он был не в себе и так далее». Значит, придется

воздействовать на несколько человек разом. Работа сама по себе тонкая — это же не одного-единственного человека дурачить. На каждого настроиться, к каждому подладиться, и, не дай Небо, сделать что-то не так. Еще одним Кривым Ра на свете будет больше. А может, и не одним... С одной стороны, двумя-тремя дурачками на свете больше, а с другой — лишние вопросы появятся, а Локо, как и мне, сие совсем не нужно.

Да и сама работа потребует большого расхода энергии, потом на восстановление несколько дней уйдет, может, даже и недель. Все! Спать... Утром приедем, осмотримся, обсудим, а там и видно будет».

Домик в восточном пригороде Уилтавана прельщал своей простотой и вместе с тем некой изысканностью. Ничего лишнего, но без аскетизма. Только то, что необходимо для нормальной жизни. В довершение «летней резиденции» с видом на излучину Келебсира окружал небольшой ухоженный садик с беседкой.

Уже который раз Скорпо не мог отказать себе в удовольствии прийти сюда с большой кружкой приправленного красного вина и, неспешно попивая под стрекотание плавно опускающегося вечера, любоваться спокойными водами великой реки.

Мысли волшебника текли неторопливо, в унисон ползущим сумеркам, и уже который раз Инвар ловил себя на том, что все происходящее вокруг — этот покой, эти поздние свидания с журчащей водой, послеобеденные прогулки по окрестностям — это мечта, к которой он, сам того не зная, стремился всю жизнь.

Кружка пустела, и, гонимый ночной прохладой, магик шел в дом, где его ждали постель тончайшего полотна и... традиционная вечерняя игра.

Еще в день приезда Локо, ткнув пальцем в опустившую глаза девицу, сухо объявил:

— Это... Эльнорой звать. Ну, там, приготовить, прибрать, по хозяйству... Если пожелаешь, и кровать согреет. Будет выкобениваться — мне скажешь. А так, считай, что я тебе ее подарил. Цени — специально для тебя подбирал.

Пожелай Скорпо, и рабыня сама с радостью приползла бы к нему, но... Волшебника женщины вообще не интересовали.

Каждый раз, как только магик заходил в спальню, Эльнора пыталась помочь раздеться своему господину, и каждый раз Мийяра взглядом указывал на дверь.

Со временем эта игра начала ему нравиться. Поначалу он читал в ее мыслях облегчение, спустя время уже недоумение, а затем и что-то похожее на ревность, граничащую с непониманием, и было отчего! Девушка была прекрасна. Огромные глубокие серые глаза, тяжелые огненно-рыжие волосы, спускающиеся по лебединой шее на округлые плечи, высокая полная грудь, стройная фигура. И лишь только один недостаток, который некоторые мужья, обладая *этим* их драгоценные супруги, сочли бы несомненным достоинством — Эльнора была немой. Если Инвар понял правильно, то замолчала девушка еще в детстве, после некоего случая, испугавшего ее. Конечно, волшебник мог и поподробней узнать об этом, покопавшись в дальних уголках ее памяти, но, сочтя это лишним, полностью отдался покою и отдыху, что предоставили ему судьба и старший брат, не обращая внимания на бесполезные потуги женщины.

Однажды, по истечении третьей недели спокойствия и безделья, среди дня появился Локо.

Старший тайник был заметно взволнован, по высоким выступающим скулам бродила лихорадочная бледность. Скорпо только-только вернулся с послеобеденной прогулки и,

пребывая в хорошем настроении, не удержался, чтобы не поддеть брата:

— Глядя на тебя, можно подумать, что ты только-только от палача сбежал!

Локо исподлобья глянул на шутника.

— Почти... — наконец разжал он губы и, после того как улыбка сползла с лица чародея, продолжил: — Владыка при смерти. И не смотри так на меня — я здесь ни при чем. Лекарь сказал: отголосок старой болезни.

«Не врет братик. Он здесь ни при чем. Видать, дело действительно плохо. И что же тогда мы имеем?»

— У тебя есть мысли? — В минуты опасности Инвар мгновенно концентрировался на проблеме. — Говори, не томи!

— Совет министров постановил выставить охрану у покоев принца Керита. Охрана смешанная — гвардейцы и легионеры. Моим людям отведена роль страховщиков и соглядатаев.

— Вот оно как!.. И в связи с чем же такой... *праздник?*

— Думаю, кто-то все же прознал о том, что я его сын. Но... — Локо запнулся, подбирая слова.

— Да говори же, Отродья твоя душа! — не выдержал Инвар.

Ведьмачий с нескрываемым удивлением взглянул на младшего брата, при этом еле сдерживаясь, чтобы не наброситься на него — с доверенным Владыки Керита в подобном тоне уже давно никто не смел говорить. Даже отец...

— С легионерами связываться бесполезно... — обвел языком сухие губы тайник. — А вот среди гвардейцев есть преданные мне люди. Можно попробовать пробраться к нему в покои и... — здесь Локо сделал жест в сторону чародея, — ...и поговорить. *Как ты умеешь.*

— Годится! — кивнул Инвар. — Когда? Сегодня?

— На рассвете. Лучше и не придумаешь. Ты переоденешься в форму гвардейца. Тебя вместе с нужным напарником и двумя «красными» поставят прямо у дверей спальни. Там кроме Керита будет находиться лекарь и кто-нибудь из слуг. Ты сможешь справиться с ними?

— Естественно... меня же этому учили. Кстати, — Инвар подступил к тайнику вплотную, — кстати, чуть не забыл спросить. А где будешь ты, мой дорогой?

— Я... буду... рядом... — отдельно выговорил Локо. — Но помочь... Боюсь, что помочь я тебе не смогу.

Братья долго смотрели друг другу в глаза.

— Все ясно, — кивнул колдун. — Все предельно ясно.

— О чем ты? — встрепенулся тайник. — Какого схада, Инвар?! Пойми ты, пустая твоя башка, что Совет категорически запретил мне беспокоить Владыку! Иными словами: даже не думать подходить к нему. А этот старый козел, министр военных дел, напрямую мне заявил, что «дни моего теневого правления подходят к логическому концу»! И каково тебе это, друг мой?

«Похоже, опять не врет. И все же... где здесь подвох? ГДЕ?!»

— Извини... показалось... — отступил маг.

— Небо тебе судья... — сквозь зубы сплюнул на вымытый пол Локо. — И еще! ПРЕКРАТИ КОПАТЬСЯ В МОИХ МОЗГАХ!!! Я же себе ухо сожгу в схад!

— А ты сережечку сними... Тем паче она тебе совсем не идет! — ощерился Инвар.

— Приросла... — серьезно, словно извиняясь, ответил тайник. — Вросла в смысле.

— Вернемся к нашему дельцу. — Волшебник зачем-то посмотрел в окно, где на прозрачном голубом небе вдруг завиднелась пара белых облачков. — Объясни мне: как я смогу попасть в караул?

— Сейчас ты отдыхаешь. Можешь набираться сил, можешь там колдовать себе, если нужно... В общем, дело твое, а к вечеру...

К ужину Скорпо не притронулся. Весь оставшийся день после ухода брата он размышлял. И чем больше маг думал, связывая случившийся разговор с переплетением событий последнего времени, тем тягостней становилось на душе. Спроси его сейчас тот, кому бы он не осмелился даже подумать лгать: «Что случилось, Инвар? Что тебя беспокоит?», и мастер Двенадцати ответил бы: «Не знаю... Не так что-то... А что не так — не ведаю, не постигаю! Слишком гладко всё, просто... Словно по ледяной горке качусь и вижу: там, внизу, ничего нет, только голое поле... Ан нет! Не голое оно, не пустое. Ждут меня там, а кто — не вижу. И зачем — не знаю».

Лежа на широкой, в два человеческих роста, кровати, чародей просто смотрел вверх, разглядывая трещины потолка. И чем дольше разглядывал он их, тем муторней ему становилось, и не хотелось сегодня вечером никуда идти. Зато в кои-то веки появилось желание взять оплетенную бутылку вина, того самого — красного зерстского, что крепостью своей равных себе не имеет, да и осушить ее до самой последней мутной капли и, уподобясь последнему пьянице, завалиться где-нибудь в неприметном месте, отогнав смурые мысли прочь... Тихо скрипнула дверь.

Эльнора.

Сначала в комнату проник запах фиалок. А затем, подобно вплывающему в долгожданную бухту кораблю, вошла она.

Коснувшись округлым бедром локтя своего господина, села рядом, не сводя чуть раскосых глаз с ранних морщин, что расчертили упрямый лоб.

Легла, продев мягкую узкую ладошку в глубокую прорезь вышитой рубахи.

И, не дождавшись ответа, прижалась всем своим жарким телом к мужчине, положив голову на плечо. Так, чтобы непокорные волосы шелковой вуалью легли на его лицо.

И не нужно ей было чего-то еще.

Инвар неосторожно повернул голову взглянуть — не заснула ли она?

Губы встретились...

Вот так и запело все внутри, захотелось сказать... А что сказать? Да и зачем?..

Глупо...

И прекрасно...

И лишь бабочка из последних сил затрепетала в липкой паутине, натянутой коварным пауком меж ветвей годовалого тополя, что упрямо вырос под самым окном.

В вечерних сумерках Инвар выехал в Уилтаван. На этот раз его никто не сопровождал, но благодаря пешим прогулкам по округе, когда он иногда достигал крепостных стен, чародей уверенно двигался к Восточным воротам уставшего от будничных хлопот города.

Прекрасно помня начертанный Локо путь, чародей въехал в ремесленный квартал, что бок о бок соседствовал с бедным. Отсчитав по главной улице четвертый перекресток от ворот, он свернул влево, затем на шестом переулке вправо и остановился около пятнадцатого дома по правую руку.

Опустевший, когда-то роскошный особняк показался ему знакомым. Но рыться в воспоминаниях было некогда, и Скорпо направился в глубь заброшенного сада. Возле облезшей беседки его ждали. И, судя по легкому запаху яблочного винца от лихо закрученных усов гвардейца, уже давно.

Вместо приветствия служака молча указал позднему гостю на сложенный на покосившемся столе сверток.

Покорно вздохнув, волшебник облачился в гвардейскую форму. На тяжелый панцирь-нагрудник лег просторный, без рукавов плащ с вышитым золотом гербом Бревтона. Длинный палаш, притороченный к широкому поясу, украшенная красным венчиком алебарда да короткий самострел, ремнями перетягивающий спину, — все это показалось волшебнику настолько нелепым, что, не удержавшись, он хмыкнул. Напарник-гвардеец удивленно зыркнул на него, но, ничего не сказав, лишь подхватил свое оружие и пошел вперед, уверенный в том, что присланный последует за ним. Скорпо ничего не оставалось, как отправиться следом.

Весь путь до дворца они молчали. Точнее будет сказать, безмолвствовал Скорпо, внимательно слушая невнятное ворчание служаки. Пока они шли, чародей совершенно точно узнал, куда именно следует засунуть Локо, послать его самого и во что нужно завернуть и чем присыпать некоего Розга, что кругом жульничает и стыда при этом не имеет.

Выяснив о себе и о брате все (или почти все), маг прекратил расходовать силы понапрасну, готовясь к предстоящему.

Уже завиднелась острая крыша дворца.

Они пересекли площадь и очутились у ворот, где их ожидало несколько человек из числа гвардейцев. Суровый седой капитан обругал пришедших за нерасторопность, а Инвар тем временем ощутил беспокойство старого солдата — в наступившей темноте он не мог разобрать лица чародея. Не раздумывая, Скорпо послал ему успокоение и решимость.

Потоптавшись немного на месте, люди начали строиться по двое. Как только колонна была организована, на площади зазвучали чеканные шаги.

— Красные пожаловали... — проворчал кто-то из гвардейцев. — А мы все думаем, куда это запропали наши brave молодцы?! — В ответ раздался приглушенный смех сослуживцев.

Приблизившись легионеры слаженно остановились, замерев на месте. Командир отряда вскинул руку, приветствуя старшего гвардейцев. Тот махнул в ответ, строго зыркнув на своих. После недолгих переговоров между командирами гвардейцы и легионеры выстроились в одну общую колонну и двинулись во дворец.

Идя по длинным мрачным коридорам, по ходу меняя посты, они достигли покоев Владыки. Скорпо вместе с украшенным шрамами легионером встал слева от двери. Решив не спешить, маг начал постепенно *оглядываться* вокруг.

Стоявший рядом напарник был явно не в себе. Единственное, о чем он сейчас думал, так только о том, что вот-вот, и «этот козел (то есть сам Скорпо) бросится в покои с обнаженным палашом, а он (Гай Нил!) нанесет негодю удар в спину, который мгновенно парализует человека, обрекая его на мучительную долгую смерть».

Еле удержавшись, чтобы не отпрыгнуть подальше от сумасшедшего, лжегвардеец перешел к следующему караульному из Красного Легиона, и тут же чуть не заорал в голос — этот был готов пустить в ход оружие прямо сейчас, даже не дожидаясь подходящего повода.

«Небо! И это лучшие воины Бревтона?! Гроза Иратахонии? Да их всех под стражу надо!

Под замок! В холодные подвалы, от людей подальше!»

Разум чародея постепенно проникал сквозь дверь за спиной.

Внутреннему взору предстала большая комната. У дальней стены на кровати, сложив на груди руки, лежал Владыка. Рядом, на низком табурете, сидел лекарь. На какое-то мгновение Скорпо почудилось, что он знает его.

«Кэй Роуч. Молод, даже слишком молод, чтобы быть дворцовым лекарем. По крови — человек. Младший сын. Альцкатек. Однако далеко забрался! Интересно как? Ага... Был отдан в обучение... Хм, где-то я уже видел это...»

Невольно заинтересовавшись прошлой жизнью врача, начал постепенно проникать все дальше и дальше, зарываясь в пласты чужой памяти.

«Отец пропал без вести во время набега кочевников. Мать... сумасшедшая?! Тронулась от горя?»

Одна за другой выплывали картинки из чужого далекого детства...

Нищета, голод... Бесконечные ожидания на холодном ветру, пока очередной ненавистный мужчина за несколько монет не насытит свою похоть и не уйдет восвояси... Старик-врачеватель покупает его за горсть серебра и полмешка зерна... Долгое, длиной в целую вечность, путешествие через океан... Квентиания — западный архипелаг. Учеба... нудные, бесконечные ночи, проведенные над толстыми книгами, изучением целебных трав и свойств минералов. А затем... поединок?! Испытание, которое старо как мир. Учитель и ученик готовят яд. Каждый из них испивает зелье «соперника», чтоб выживший продолжил свой путь во времени. С великим трудом отыскав противоядие и собственноручно закрыв глаза наставника, молодой лекарь пускается в странствие. Оно продолжается недолго — на Островах Вепря, что к северо-востоку от континента, Небо сводит его с Келари, при жизни легендарным командиром Красного Легиона, который, на собственной шкуре испытал искусство юноши, привозит лекаря в великий Уилтаван...

Скорпо очнулся, понимая, что еще немного — и на главное сил не останется.

Оторвавшись от альцкатека, волшебник осмотрелся: кто еще находится в комнате.

Монах-единоведец, шепчущий у треножника молитвы, старый слуга, готовый броситься на помощь Роучу, еще какой-то клюющий носом министр, решивший, что «без его личного участия дело не сдвинется, да и потомки не простят, если он пропустит этот исторический момент».

Слегка передохнув и призвав Вигу — покровительницу чародейства, Скорпо принялся за дело. В первую очередь, дабы обезопасить себя, маг заставил охранников излить свою злобу на всякого, кто посмеет подойти к покоям. Когда глаза легионеров, как и гвардейца, стали мутными, Инвар отставил в сторону опостылевшую алебарду, снял с ремня палаш и, встав прямо перед дверью, начал...

Открыв глаза, владыка Керит приподнялся на локтях. Лекарь бросился к нему, но враз порозовевший больной совершенно ясным чистым голосом сказал:

— Оставь!.. — и неторопливо сел, опустив ноги на пол.

Запнувшись на полуслове, монах перевел взгляд на короля, не веря в происходящее — неужели действительно свершилось чудо?!

— Гилей! — позвал слугу Керит.

— Да, мой господин... — не скрывая волнения, подбежал, прихрамывая, старик.

— Бумагу... чернила... — приказал монарх, равнодушно глядя на все еще

посапывающего в кресле вельможу.

— Сударь, проснитесь! — Лекарь бесцеремонно толкнул министра в плечо.

— А?! Что? — наконец продрал глаза соня. — Ваше величество! — И тут же рухнул на колени. — Радость-то какая!

— Файхан, замолчите. У меня нет никакого желания выслушивать ваши... слюни! — одернул министра Керит. — Роуч, возьмите бумагу и перо. У меня мало времени, поэтому просто делайте свое дело. Готовы?

— Да, Владыка! — Лекарь, недоуменно глядя на пациента, приготовился писать.

— Ваше величество! — снова возник министр торговых дел. — Позволю себе напомнить, что заниматься письмами — дело секретаря! Сейчас я за ним пошлю! Эй, Гилей! — щелкнул он сухими пальцами.

«Заткнись!» — вспыхнуло в голове у Файхана. Человек даже не понял, откуда поступил приказ, но желания послушаться не возникло, а потому как был, так и застыл на месте с поднятой в воздухе рукой.

— Роуч, пишите! — Монарх тяжело выдохнул, провел языком по высохшим губам и наконец начал диктовать. — Я, Керит Де Увал, Владыка Бревтона, будучи на пороге смерти и готовый предстать перед создателями Кристалла, изъявляю свою последнюю волю Роуч, Отродье вас раздери! Что вы там застыли?! Если хотите, можете добавить, что я нахожусь в СВОЕМ УМЕ!

Керит обвел пустыми, казалось, ничего не видящими, глазами присутствующих.

Хотелось лечь и отдаться сну, но что-то толкало его вперед, собирая по крупинкам остатки сил, дабы он мог произнести вслух требуемое...

Слова давались тяжело, всплывая из мутной неведомой бездны, ложась на язык подгнившим лакомством с крючка рыболова.

— Я объявляю своим преемником Локо Мийяру, своего сына от...

Местами надрывая бумагу, торопливо скрипело перо. Слуги ловили каждое слово своего повелителя.

— В чем призываю быть свидетелями присутствующих здесь. — Керит в изнеможении протянул дрожащую руку к документу. Кое-как расписавшись, тиснул перстень-печать. Немного подумав, макнул большой палец правой руки в чернильницу и приложил его у подписи.

— Теперь ваша очередь! — И, задыхаясь, откинулся на подушки.

Как он выскользнул из утреннего дворца, Инвар помнил плохо. Единственное, что ясно прорывалось сквозь омут затмения, это растерянные глаза Файхана, оглашающего завещание Владыки Керита, да не менее растерянные физиономии собравшихся вельмож, с нескрываемым страхом пожирающие на удивление спокойное лицо главного тайника.

Бредя по еще спящим улицам города, Скорпо даже не слышал, как за ним неотступно следовала чья-то тень.

Выйдя на улицу, чародей направился в совершенно другую сторону. Постепенно приходя в себя, он вдруг осознал, что очутился в незнакомом квартале, и куда теперь следует двигаться, просто не знает.

Неуверенно пройдя мимо еще нескольких закопченных покосившихся домов, он решил повернуть назад, но не тут-то было!..

Дверь дома за спиной резко распахнулась, и крепкие руки, схватив его за одежду, грубо

втащили вовнутрь.

— Зablудился, солдатик? — просипел незнакомый голос, и по горлу, сбривая волоски утренней щетины, проползло остро заточенное лезвие.

Инвар не шевелился, призывая остатки сил для отпора, а тем временем по его карманам умело шарили в поисках добычи.

— Тю-ю-ю... — раздался разочарованный голос ночного ремесленника, — а я уж думал, что у солдатика мощна тяжела, а жизнь легка. А ты, братец, совсем пуст... — Острие стоула уперлось под подбородок, и по горлу на грудь закапала кровь. — Делать-то что будем, солдатик? Чё молчишь али язык со страху проглотил, бесстрашный ты наш?

Мага затрясло изнутри. Голова мгновенно стала ясной, на кончиках пальцев, казалось, заискрилась Сила.

— Я не *солдатик!* — Инвар мягко отвел руку с ножом в сторону от себя. — Мое имя — Скорпо! — Комната озарилась ярким светом, вырывая из темноты рожу неряшливо одетого мужика.

— Я — мастер Круга Двенадцати. Подданный Виги, вассал Огня и родной брат Владыки Бревтона!!!

Вор затрясся, выронив нож на утопанный пол. Его глаза полезли из орбит, изо рта пошел голубой дым.

— И НИКТО НЕ СМЕЕТ СТАНОВИТЬСЯ НА МОЕМ ПУТИ!.. — Скорпо выки вперед ладони. — Без видимых на то причин... — с усмешкой добавил он.

Тайники растерялись. Только-только человек, которого им поручили сопровождать и охранять, стоял посреди улицы и не иначе как пьяно озирался вокруг и вдруг неожиданно исчез, растаяв в воздухе.

Перестав скрываться, парочка вышла на середину улицы, внимательно прислушиваясь и оглядываясь вокруг.

— Отродье его в душу! И надо же было ему сюда забрести! — не выдержав, выругался зрячий.

— Молчи... — Его товарищу казалось, что вот-вот, и изо всех скособоченных окон с кривыми ножами в зубах на них полезут лихие людишки, коими славен этот квартал.

— Хоть молчи, хоть кричи — толку не будет! Мож, уйдем отсюда, пока жопы на месте? А главному скажем, что...

Тайник так и не успел поделиться своей отговоркой — буквально в двух шагах от них вздрогнул, теряя остатки черепицы, дом. А затем раздался тонкий, словно кому-то отдавили сокровенное, пронзительный крик, перетекающий в рев, какой не может исторгнуть человеческое горло.

Переглянувшись, зрячие кинулись к дому. С разбега высадив дверь, парни ворвались в прихожую и... замерли на месте, осеняя себя охранными знаками.

Вся комната была в крови... На полу, стенах — человеческие внутренности. Точно несчастного разорвало изнутри. Но не этот страшный натюрморт порастил невольных зрителей. Посреди всего этого живым факелом пылал человек...

Вот он обернулся, ощерясь мертвой ухмылкой. Кости пальцев потянулись к живым, сноп слепящего света брызнул из пустых глазниц, и людишек тут же поглотил разбушевавшийся костер.

— АХАТЭЗ АХАТ САРА КЛЭ, ОН ИР ГЛА ИРСГА, ЛОД ОТ ХАНАСГЛА!!!

прогрохотал огненный великан, выходя на враз ожившую улицу. — Смерть поправ, станет сын над отцом, кровью его причастившись!!!

Проснувшиеся люди выбегали вон из горящих домов, натыкались на оживший кошмар и бросались прочь, подальше от этого места.

У отца Симона, Бревтонского и Вильсхолльского, нынешнего первосвященника Церкви Единой Веры, была одна-единственная слабость, за которую (стань она известна Верховному первосвященнику) расстался бы он со своим священным саном, став обратно простым монахом. И даже сейчас, когда Владыка Керит испускал последний дух, священник, философски рассудив, что «если на то и есть воля Ушедшего, то его, отца Симона, участие никоим образом не повлияет на ход событий», а посему, отрядив во дворец на ночное бдение провинившегося монаха, сам сладко спал, нежась в ранних утренних лучах, пробивавшихся сквозь плотные шторы.

Бесцеремонный толчок в плечо разбудил первосвященника. Недовольно дернувшись (такой сон прогнал!), отец Симон открыл глаза. Над ним стоял перепуганный прислужник, коему поручалось сопровождать первосвященника на службу. Паренек что-то пытался сказать, но язык его не слушался, а сам он весь трясся, отчаянно жестикулируя.

— Случилось что? — неспешно потянулся под толстым одеялом мужчина. — Владыка Керит скончался? Враги под стенами шатры поставили? Да говори же, бестолочь!

— Отродье... Отродье явилось! — осеняя себя знаком креста в круге, рухнул на колени прислужник.

За всю ночь мастер Лео так и не сомкнул глаз — что-то тягучее, тревожное томилось в душе, прогоняя сон. А под утро, когда усталость взяла свое, взору явился неведомый старик.

Несмотря на прожитые годы, незнакомец, с любопытством озираясь вокруг, бодро прошагал по комнате, задержался у накрытой тканью Сферы Кристалла, неодобрительно покачал головой и после недолгого раздумья уселся на край кровати.

— Ну ни схада не изменилось! — вместо приветствия объявил он, по-молодецки забрасывая за плечи длинные седые волосы.

— Мы что... знакомы? — Оказывается, Лео сидел рядом, облаченный в парадную мантию.

— Ну как тебе сказать, милоч... — Старик улыбнулся, показывая совершенно молодые зубы. — Вроде слышали друг о друге. Да ты не мучайся — не вспомнишь. Я тебя тоже с трудом припоминаю, хотя вот комнатку эту помню очень даже хорошо.

«Абсурд какой-то», — подумал про себя Лео, но вслух сказал иное:

— Бывали здесь раньше?

— О! И не раз! А может, и не бывал. Может, просто приснилось! — и, хитро улыбнувшись, заговорщически прошептал волшебнику на ухо: — Я же тебе снюсь.

Внезапный порыв ветра распахнул настезь окно, сбрасывая с подоконника «Книгу Судеб» Руперта Мактиги.

— Я че зашел ... — перестав улыбаться, гость посмотрел на свои морщинистые руки. — Ты бы поднимался, а? Не ровен час, слетишь ты со своей долбаной горки прямо к нечистому на завтрак. Да и людишек жалко. Хотя в большинстве своем оскотить их всех надо... ну, чтоб дураков по миру меньше шастало. Но опять же — души губить раньше времени не дело... да и...

— Старик, что ты плетешь?! — Глава Совета Двенадцати схватил старика за плечи, разворачивая к себе. Поймав воздух, не удержался и свалился на пол, больно ударившись коленкой о каменный пол.

...Окончательно придя в себя, Лео внимательно огляделся — до такой степени реально было это утреннее видение.

Он поднялся на ноги, одергивая задрывшуюся ночную рубашку, и... замер, не веря самому себе, — на кровати остался след. Как раз там, где сидел гость.

Медленно переведя взгляд на запертое тяжелыми ставнями окно, Лео увидел то, что боялся увидеть — развернутую книгу, труд великого сумасшедшего, чьи туманные предсказания будоражили не одно поколение восьмой грани.

Осторожно, словно это треснувшая ваза, чародей поднял книгу.

Взгляд упал на следующие строки:

Придет огонь средь лета на рассвете,
Умрет король, чей труд — песок.
Поправ отца, взойдет на трон служитель —
Он — тьмы слуга, сломает ключ оков.

Ровным счетом ничего не поняв, Лео хотел закрыть фолиант, но следующие строки, казалось, предназначались именно ему.

Ты ищешь, но ищешь впустую,
Себя преступив, отыщешь ты друга,
Но продолжение — только в мире ином,
Когда свеча осыплется под дыханьем мертвеца.

Осторожно взяв Сферу Кристалла, чародей направился в лабораторию — беспокойство все нарастало. То ли он еще не отошел от утреннего визита, то ли действительно в мире что-то нарушилось...

Пышущий жаром неведомый демон двигался в сторону Келебсира прямо через город, разбрасывая дома и оставляя за собой пепелища. Под ногами великана в панике метались люди, сялясь укрыться от страшной напасти.

Отец Симон в сопровождении нескольких священников спешил к нему наперерез, на ходу творя молитвы. Вот наконец они и догнали его.

— Ну-ка, братья, все вместе «Огради нас Ушедший», — тихо, но четко проговорил первосвященник. — Попробуем для начала!.. — и затянул первым.

— *Ступив с облаков, да отвергнув страх, пробуди души, огради от напасти...* — запели священники.

Демон наступил на крышу, проваливаясь в дом по колено.

— *От стрелы летящей, от воды морской, от огня лесного...*

Великан замер...

Оглянулся на молящихся...

И, сея разруху, пошел своей дорогой далее...

— Так... — утерев сажу с лица, выдохнул первосвященник. — «Звезду морей»! — И, глубоко вздохнув, затянул:

— *Звезда морей, приведи нас в спасительную гавань...*

Сконцентрировавшись, мастер Лео обомлел — всплеск энергии! И не просто всплеск, а словно какая-то неведомая воронка втягивала в себя абсолютно все *Силы Земли* в округе. И эпицентр ее — здесь, рядом!

Глава Круга Двенадцати бросился к Сфере. Сдернув покрывало, он впился в мутную глубину, силясь хоть что-то там разглядеть.

Идти было тяжело... В один момент чародею показалось, что силы начинают покидать и его.

«Чушь! Показалось... Если это и случится, то нескоро. Успокойся. Ищи... ты должен найти».

И он нашел!

Взору представился пылающий Уилтаван. Огромное огненное чудовище, по виду схожее с человеком, сжигало великий город.

Не колеблясь ни секунды, Лео пошел в атаку.

Дотянуться до «сознания» монстра оказалось совершенно просто — он втягивал в себя подряд все, что имело хоть отдаленное отношение к магии.

Оказавшись внутри, Лео немного растерялся — наверное, именно так должен был выглядеть мозг сумасшедшего, ибо хаос явился перед ним.

Среди ломаных линий желаний и несвязных мыслей отыскалось ядро. Страх и невероятной величины Сила сплелись в единый клубок, упорно ища... Что? Что же он ищет?!

Шаг за шагом Лео старался выискать малейшую лазейку, дабы найти ответ.

Известие о пожарах и появлении неведомых чудовищ во главе чуть ли не с самим Отродьем не особенно удивило Локо — что-то в этом роде он и ожидал. Стоя перед пустым тронем, еще не коронованный Владыка пытался понять — изменился для него этот мир или остался прежним.

— Господин? — в неуверенности топтался сзади тайник.

— Говори... — с явной неохотой разомкнул уста Мийяра.

— Пожары в городе... Восточные кварталы практически выгорели...

— И?.. Мы же все равно хотели навести там порядок. — То ли старший тайник, то ли Повелитель Бревтона медленно развернулся к говорившему. — Будем считать, что это совпадение интересов Провидения с нашими. Все?

Вместо ответа гонец глазами указал на закрытую за его спиной дверь.

«Только этого еще не хватало... Значит, эти ублюдки не желают признавать меня своим господином? Хорошо... Давайте поиграем!»

— Все ли наши люди сейчас здесь? — подманив к себе тайника, Локо говорил тихо, но твердо.

— Точно так...

— Отлично... Передай: быть готовым в любой момент. Это раз. Далее... Отряды несколько человек. Самых расторопных и смысленых. Найти моего гостя... Найти во что бы

то ни стало. Доставить сюда. Живым и невредимым. Немедленно. Все ясно?

— Точно так... А если дворяне начнут...

— Если они начнут... — Мийяра привычно взвесил в руке трость-стиллет, — если они начнут, мы их прикончим.

— *Что тебе надо?!* — От внезапного удара Лео чуть не выбросило из состояния контакта.

— *Что ты ищешь во мне, тэндх?* — снова вспыхнуло в голове.

— Я не ищу, я пытаюсь понять, что тебе здесь нужно... — Чародей говорил вслух, зная, что его «слышат». — Может быть, тебе нужна помощь?

— *Я хочу вернуться в свою грань. Эта слишком хрупка для меня.*

— Тебя призвали? Кто?

— *Не знаю. Да это и не имеет значения. Я здесь, и я тот, кто есть.*

— Останови разрушения! Уйди! — Понимая, что сказал глупость, волшебник все же продолжил: — Ты убиваешь ни в чем не повинных людей!

— *Они все равно когда-нибудь умрут. А невиновных Кристалл еще не создал... Может быть, когда-нибудь... потом...*

— Чего ты хочешь?

— *То, чего и другие. Жить. И если этот мир не создан для меня, я переделаю его для себя! Ты можешь меня остановить, магик, но ты слаб... Впрочем, как и все грешники.*

Контакт прервался, и в Сфере, ослепляя Лео, вспыхнул огонь...

Проводив глазами взвившуюся вверх пыль, в которую походя превратился один из собратьев, отец Симон запаниковал по-настоящему... Ни одна из пречистых молитв не могла не то что изгнать, но даже и приостановить этого демона! Впору уже было подхватывать подол мантии и бросаться наутек.

А это трижды проклятое чудовище, дойдя до городской стены, развернулось и пошло сеять огненный смерч аккурат по границе самого Уилтавана, в сторону Северных ворот.

Помянув Ушедшего (да и не только!), отец Симон уже задумал попробовать Великие Псалмы, но тут всплыли слова «Заветов»:

— *Поднявший меч да встретит меч, пусть даже и взят он из рук врага твоего, ибо нет стыда в том, чтобы защитить жен и детей своих.*

Осенив себя знаком креста в круге, первосвященник оглянулся на своих и, тихонько испросив прощения у Ушедшего, протяжно зашептал-запел:

— *Как с сырой земли да в небо голубем, милости твоей, Царь камней...*

Единоверцы, крестясь, отшатнулись от заклинателя.

— Идолопоклонство! Моление языческое! — прошипел кто-то, но отец Симон, не обращая внимания, продолжал:

— *Отвори ворота небесные! Ниспошли благодать на защиту от врага незваного во имя жизни!*

Огненное чудовище замерло, прислушиваясь к пisku двуногого насекомого.

— *Взываю к тебе во имя земли!*

Демон развернулся, вглядываясь в наглеца, призывавшего древних богов.

— *Во имя света!*

Чудовище занесло ногу, метя в первосвященника.

— *Во имя любви!* — выдохнул последнюю фразу отец Симон, втянув голову в плечи.

Высоко над головами ударил гром. Мир вздрогнул, и святому отцу на мгновение показалось, что не молния полыхнула под мглою туч, а золотом сверкнул меч Кары небесной.

Истошно зарычав, чудовище завертелось на месте, разбрасывая в стороны снопы искр и ошметки домов.

— Крепко же тебя отделали, братец... — Локо разглядывал превращенное в сплошное месиво лицо Инвара. — А ведь еще легко отделался!

— Легко?.. — Чародей еле ворочал языком.

— Ну... только раны, ушибы... А ведь мог заживо сгореть... — развел руками старший Мийяра.

— Сгореть?.. — раненый еле дышал.

— Ты что, ничего не помнишь? Тебя нашли на том самом месте, где сдох этот схадов демон!

Видя растерянную физиономию чародея, старший сын Лысой Мийяры пустился в разъяснения:

— Вчера на рассвете невесть откуда явилось огненное чудовище. Оно выжгло почти все восточные кварталы. Погибших едва ли с десятков наберется, но две сотни семей остались без крова...

Уступив усталости, Скорпо закрыл глаза, силясь хоть что-то вспомнить.

Пустые, еще темные утренние улицы... Качающаяся из стороны в сторону грязная мостовая... Стены домов в проблеске восходящего солнца... Невесть откуда взявшийся человек, тычущий ножом в горло... Ненависть и ярость, придавшие силы изнеможенному телу... Вспышка света и наступившая темнота...

Локо сказал: «На рассвете явилось огненное чудовище».

Значит, Каяс был прав, вдалбливая мне в голову Второй Закон. Магия для магии. Чародей должен сохранять нейтралитет. Он не имеет права вмешиваться в политику или в события, ведущие к смене правления, религиозных устоев или другим подобным последствиям.

«Понимаешь, парень, у людей свой путь, и он начертан свыше. Вмешиваться в их дела — значит, переписывать Нити Судеб. А кто мы такие, чтобы это делать? Боги? За это те же боги и наказывают. Хочешь, назови это ревностью, хочешь, устранением конкурентов. Так или иначе... Вот послушай! Пару веков назад тогдашний глава Конклава решил помочь родному брату, Владыке некоего острова, взойти на престол. Ну вроде как туземцы страдали под гнетом деспота и все такое... Вся сложность была в том, что Владыка окружил себя таким кольцом охраны, что даже комар не мог подлететь к носу тирана безнаказанно. Чародей сделал свое дело... В один прекрасный день на солдат что-то нашло, и они не иначе как от нечего делать убили своего господина, после короновав его брата. Забегая вперед, тот оказался не самым лучшим правителем, и уже без всякого магического вмешательства (если не считать Небесного) его самого выкинули с балкона прямо во взбесившуюся толпу. Что до самого чародея, то во время перехода он бесследно исчез. Хотя вроде как нашлись очевидцы, утверждающие, что он сам по себе сгорел заживо к исходу дня переворота. Слава Виге, у мага был ученик, так что клан Лео не прервался. Лично я склонен верить этим людям — клан Лео, впрочем, как и наш, является кланом Огня, так что именно такой конец

совершенно логичен».

Значит, я тоже должен был умереть... Почему Вига не покарала меня? Почему разрешила жить дальше, ведь я преступил закон?

— *А может, потому, что есть силы могущественней, чем твоя сисястая богиня?* — прошелестело по комнате. — *И у них другие планы на твою задницу? Как тебе такое, дружок?*

Вздрыгнув, Инвар попытался сесть, но разом вспыхнувшая во всем теле боль бросила его обратно на смятую постель.

— Ты это... живой? — ошарашенный Локо осторожно потыкал бесчувственную руку волшебника.

Через силу оторвав голову от подушек, Скорпо потребовал к себе Эльнору. Оказывается, девушка так и не ложилась этой ночью, бодрствуя у дверей спальни своего господина.

— Там... в моих вещах... — мужчина попытался остановить блуждающий взгляд на лице рабыни, но оно, словно играя, качалось из стороны в сторону, то и дело расплываясь, — есть мешочек... кожаный... Там травы... Завари... и побыстрее! — Инвар опрокинулся, прикрывая глаза.

Коротко кивнув, девушка кинулась исполнять приказание.

Когда дурно пахнувший отвар был наконец готов, утро за окном уже просыпалось. Инвар пил молча, прислушиваясь к каждому глотку в ожидании прилива сил. Сок черной травы разбежался по жилам, вдыхая жизнь в ослабленное тело. Когда кружка со снадобьем опустела, магик, наказав разбудить его через час, крепко заснул.

Очнувшись, он велел приготовить еще отвару и по испытии его снова погрузился в глубокий сон. Так продолжалось в течение суток, вплоть до следующего утра. В последний раз Скорпо, велев его более не беспокоить, спал до самого вечера и поднялся полный сил. Единственное, что беспокоило его, так это нудная боль в ушибленном предплечье и мысль о том, что это «воскрешение» даст о себе знать, лишив его пары драгоценных лет.

— И что мы имеем? — Даже не поздоровавшись с братом, Скорпо уселся за пустой стол.

— В смысле? — пожал плечами Локо.

— В том смысле, почему ты здесь, а не в своем дворце?! Я так полагаю, у тебя неприятности. И что у нас пошло не по плану? — криво усмехнулся чародей.

— Эти... Короче, меня обложили со всех сторон. Министры вкупе с вельможами при поддержке дворян пытаются не допустить меня к коронации из-за того, что завещание якобы поддельное.

— Так я и думал... — поскреб подбородок волшебник. — Слушай, а у нас пожрать нечего? Я голоден, как самая последняя собака!

— Эльнора! — нехотя позвал Локо служанку. — Накрой нам поесть... И побыстрее.

Не поднимая робких глаз, девушка вышла из комнаты и почти сразу же вернулась с подносом дымящихся тарелок — видно, все приготовила заранее.

Захрустев крылышком жареного цыпленка, маг кивнул Локо — продолжай!

Налив себе вина, старший брат начал излагать ситуацию:

— После того как Керит скончался, Файхан в присутствии Роуча огласил последнюю волю усопшего. Что здесь началось! Одни вопили, что я их подкупил. Другие, что Керит был не в своем уме, когда составлял документ. Третьи вообще несли такую чушь, что их самих

можно было записывать в сумасшедшие. Накричавшись, все они сошлись в одном: к коронации меня не допускать, должности главного тайника лишить, из страны выслать, а лучше всего предать позорной смерти как заговорщика и убийцу.

Обсосав жирные пальцы, Инвар принялся за горшочек тушеного картофеля с печенью.

— Итог следующий: если я не захвачу в течение двух дней трон, на него посадят кого угодно, но только не меня.

— Уже есть кандидаты? — оторвался от еды колдун.

— А когда их не было?! — зло улыбнулся Локо, оставив нетронутое вино в сторону. —

Первый — некий Тарраум. Постоянно кричит о том, что его род ведет свое начало еще от Царей Степи. У этого шансов на поддержку знати больше всего. Второй — Рауль де Волано. Точно не помню, от кого он там вылутился, но кичится своей древней кровью не меньше, чем пьяный гном. Что еще? Легионеры пока вроде как соблюдают нейтралитет, выжидая, кто взойдет на престол. Им вообще-то без разницы, кто будет на троне, главное — чтобы денежка падала на карман. Гвардия? Вот здесь непонятно. Часть — за меня, часть — за Тарраума. А в целом им тоже без разницы. Вот такие дела...

Опустошив горшочек до дна, чародей стрельнул глазами по столу: чем бы еще полакомиться, но его отвлек шум на улице. Локо, также услышав его, встал, нервно теребя набалдашник трости. Эльнора, прижав руки к полной груди, отступила за спину Инвара, словно там было самое безопасное место в доме.

Вошедший тайник без всяких церемоний смело подошел к своему предводителю и что-то прошептал ему на ухо.

Поздно сосредоточившись, Скорпо разобрал лишь последнюю фразу говорившего: «...люди Тарраума».

— Что? На нас объявили охоту, братец?! — откинулся на спинку стула маг. И, не обращая внимания на враз вытянувшуюся физиономию служаки, продолжил: — И много их там, за дверью?

— Около десяти... — наконец обрел дар речи зрячий.

— Всего-то... — вставая, лениво потянулся мастер Круга Двенадцати.

Перевернув вверх дном город, люди «его сиятельства дона Тарраума» безуспешно обыскали все возможные места, куда бы мог спрятаться ублюдок Керита, и наконец решили прочесать пригород Уилтавана. Проходя один дом за другим, слуги вышли на стоящую в удалении усадьбу, как раз напротив поворота реки.

Придерживая под плащами короткие мечи, они смело прошли в ворота и постучались в дверь.

— Именем дона Тарраума, откройте!

Ответа не последовало.

— Именем дона Тарраума откройте, или мы выломаем дверь!

Скрипнул отодвигаемый засов, и в щели проема показался краешек встревоженного женского лица.

Сообразив, что перед ним всего-навсего служанка, незванный гость с силой толкнул дверь. Мгновенно дом наполнился чужими людьми. Искали тщательно, но, ничего не ломая, стараясь не наносить излишнего ущерба.

Все это время предводитель пытался добиться от Эльноры хоть словечка. Девушка лишь испуганно мычала, жестами силясь показать, что говорить не может от рождения.

— Пусто. Нету здесь никого, — вышел наружу один из слуг дома Тарраума. — Кажись, это дом графа Козоле.

— У него дом на западной стороне... — мотнул головой старший. — Ты не помнишь, у кого из господ служба немая?

— Вот спросил!.. — почесал затылок напарник. — Да брось ты ее, нам еще искать и... — Парень поперхнулся на полуслове, застыв статуей.

— Эй! — Вожак ткнул его в плечо, но тот даже не шелохнулся. — Ты чего?

С трудом сдерживая улыбку, Эльнора отступила в сторону.

Покончив с докладом, поверенный поклонился, ожидая распоряжений.

— Назначьте мне встречу с де Волано... — растягивая гласные, приказал Тарраум. — Сегодня же... Разумеется, тайно. Скажите ему, что я желаю обсудить с ним создавшееся положение и варианты его разрешения. Намекните, что я готов рассмотреть его предыдущее предложение.

— Как скажете, ваша милость, — поверенный снова поклонился. — Осмелюсь напомнить, что до коронации остался всего один день, и если вы с господином де Волано не решите, кто станет Владыкой Бревтона...

— Все будет решать суд чести! — скривил физиономию дворянин. — Сударь, могли бы и не напоминать. Я все знаю, идите!

— Небо, что за варварские законы! — поежился Тарраум, когда дверь закрылась. — Что за варварское время!

Привлеченный непонятным шумом извне, он встал и подошел к окну. Чуть отодвинув край портьеры, осторожно выглянул на улицу. И обомлел, узрев представившуюся картину.

Десять его людей... Самых лучших, преданных, отряженных на поиски внебрачного отпрыска Владыки Керита, маршировали вдоль ограды его роскошного дома и... слаженным хором выкрикивали хвалебные слова в адрес своего хозяина...

Лишь одно маленькое «но»!

Все его слуги были абсолютно голыми.

— Да что же это такое!!! — Опрокинув по пути кресло, дон Тарраум собственной персоной кинулся на улицу.

— Инвар, это же мальчишество! — Локо не мог успокоиться.

— Братец, я не пойму — это тебя, что ли, восхваляли? — рассмеялся чародей. — Успокойся: сочтут за временное помешательство, вот и все!

— Да пошел ты! — огрызнулся старший, но, не удержавшись, улыбнулся. — Представляю себе рожу этого козла.

— Лучше представь, что он будет плести в свое оправдание! — заговорщически подмигнул маг. — Конфуз необычайный!

Братья расхохотались, совсем по-мальчишески подмигивая и корча рожицы друг другу.

— Ладно... — вытирая слезы, попытался прекратить веселье Локо, — и что там дальше?

— Дальше? — выдохнул Скорпо. — А дальше у нас коронация. Или я ошибаюсь? И вообще: завтра будет завтра... И начнется оно с утра! Или я ошибаюсь? — Волшебник с удовольствием потянулся, поглядывая на рабыню.

Тарраум нервничал. Да и было отчего — мало было вчерашнего позора, так еще сегодня ночью Рауль де Волано выдвинул такие условия отступных, что впору было, призвав всех богов в свидетели и напоследок пристыдив соперника, отступить. А еще лучше по-тихому прирезать его к Отродью и даже не вспоминать его имени! Но не таков был потомок древних Царей Степи, чтобы пасовать перед нависшей опасностью. И сейчас, когда он стоял перед первосвященником единоверцев и жрецом древних богов (коим *еще* поклонялся сам), его лицо выражало спокойствие, а рукоять меча в руке придавала уверенность. Не говоря уже о верных вассалах, что находятся за спиной и готовы в любой момент обнажить оружие.

Де Волано, юный отпрыск славного и не менее древнего рода, во главе своих людей стоял напротив ненавистного конкурента, и лишь лихорадочная бледность выдавала волнение молодого человека.

Возле самого трона отец Симон неспешно беседовал с Верховным жрецом *иных богов*.

— А что, милостивейший Гонорий, вы ранее участвовали в подобном мероприятии?

— Лично я — нет. Но мой предшественник рассказывал, что он, еще будучи послушником, участвовал в Суде. Только не здесь, а в Гольоре. Вы там бывали?

— Увы, не довелось. Слышал, ваши позиции там очень крепки?

— Пока да, но ваши проповедники уже начали смущать народ, — сощурил выцветшие глаза старец. — Полагаете, получится?

— На все воля Ушедшего. Но я думаю, что вы не отдадите паству просто так, без боя? — улыбнулся в ответ первосвященник.

— Надеюсь, нам в будущем не придется скрещивать мечи, как этим господам сегодня?

— Не приведи... — осенил себя знаком отец Симон. — Ушедший завещал «возлюбить врага своего» и «желать не смерти его, а искупления».

— А Ирион говорил, что «смерть врага еще не означает воцарения справедливости, ибо, убив, ты покажешь свою силу, но не докажешь свою правоту».

— Интересная мысль... — кивнул единоведец, — на досуге надо будет обдумать ее.

— Не пора ли, господа? — не вытерпев, прервал разговор старцев де Волано.

— А что, колокол уже прозвонил полдень? — даже не удосужился повернуться к торопыге Гонорий. — Кстати, как вам создавшаяся ситуация? — обратился он к отцу Симону.

— По мне, надо бы отдать трон этому молодому человеку — сыну покойного Керита. Во-первых, есть завещание, коему был свидетель брат Тонио. Во-вторых, коль Владыка не смог вовремя жениться и оставить официальных наследников, почему же мы должны отвергать внебрачных детей? Опять же какая-никакая кровь... А эти... *господа*... — первосвященник поморщился. — Будем соблюдать закон.

— Да, — кивнул жрец. — Другого нам не остается.

До тронного зала донеслись первые удары колокола. Дворяне, все как один, напряглись, готовые вот-вот броситься друг на друга.

— Полностью доверяю вести церемонию вам, — шепнул на ухо Гонорию единоведец. — Так сказать, на правах старшинства.

Тот что-то хотел сказать, но, передумав, лишь кивнул в ответ.

Второй удар колокола, и Тарраум почувствовал, что в горле у него пересохло, а спина стала до отвращения мокрой...

Седьмой удар, и Рауль де Волано еще раз мысленно пересчитал своих сторонников и сторонников врага, и будущая схватка не показалась ему легкой...

Девятый удар. Гонорий, чуть повернувшись к главному церемониймейстеру, глазами приказал приготовиться...

Одиннадцатый удар и... в зал вошел Локо Мийяра в сопровождении всего пяти человек охраны. Причем один из них скрывал свое лицо под капюшоном черного, волочащегося по мозаичному полу плаща.

Двенадцатый удар. Главный церемониймейстер выступил в центр зала...

— Какого Отродья ты забыл здесь, ублюдок? — Де Волано одним прыжком пересек зал, занеся руку для пощечины.

— НЕ СМЕТЬ!!! — Голос отца Симона прогремел под узорчатым потолком. — Рауль де Волано! Извольте вернуться на свое место.

— Что-о-о?! — Юнец развернулся к первосвященнику. — Что ты сказал, старик?

— Я сказал: извольте вернуться на свое место! — шагнул вперед единоверец. Жрец иных богов последовал за ним, тяжело опираясь на искривленный узорчатый посох.

— Повторяю в последний раз: вернитесь на место и дайте вершить Суд по закону! — Отец Симон знал, что сделает этот выскочка, но предпринять уже ничего не мог: «всё в руках Ушедшего».

— Суд? По закону? А закон только один! *Ублюдкам здесь не место!* — Рауль выхватил меч и с разворота опустил его на голову Локо.

Раздался нечеловеческий крик, первосвященник зажмурился, не желая видеть, как холодная сталь разрубает череп молодого человека.

— О нет!.. — крикнул кто-то под общий выдох собравшихся. — Боги грани!

Отец Симон осторожно открыл глаза и поперхнулся от увиденного.

Перед целым и невредимым Локо выплясывал, держась за кисть онемевшей руки, Рауль де Волано. Его расколотый пополам меч валялся у самых ног сына Керита.

— По-моему, Суд уже окончен. Причем даже и не начавшись. Как полагаете, святой отец? — улыбающийся Гонорий по-дружески толкнул единоведца в плечо.

Первым очнулся Тарраум.

На деревянных ногах он прошагал к Локо и, опустившись на колено, протянул ему обнаженный клинок.

— Присягаю на верность своему господину. Отныне и до самой смерти. — Следом за ним на колени опустились его люди и вассалы Рауля.

— Это обман! Магия! Нечестно! — истошно заверещал обманутый в ожиданиях юноша, бросаясь вон. — Я докажу!!!

У самых дверей каблук дорогого кожаного сапога поехал по тщательно натертому полу, и Рауль де Волано, не удержав равновесия, неуклюже упал, ударившись виском о косяк.

— *И Небом наказан будет тот, кто руку поднимет на избранника Божьего!* — отведя взгляд от трупа, опустил голову Гонорий.

На второй день празднеств Владыка Локо, улучив момент, пригласил Инвара в свои покои.

Разместившись в глубоком, обитом драгоценным шелком кресле, чародей с нескрываемым любопытством и восхищением разглядывал убранство кабинета.

— А там что? — кивнул Скорпо на дверь в конце комнаты.

— Где? А!.. Спальня... — Повелитель Бревтона собственноручно сервировал стол. —

Потом покажу... — Разлив вино, он пододвинул бокал Инвару. — Ну, давай! Есть за что выпить.

— Да-да... — Чародей рассеянно взял предложенный фужер. — Может, мне у тебя поселиться? Буду при дворе фокусы показывать да дворянчиков твоих в строгости держать, чтоб заговоры не плели. Как тебе такое, а? — Пригубив напиток, маг осекся и посмотрел сквозь бокал на пробивающийся через шторы свет. — Какой необычный привкус. Разве это зерстское?

— Самое настоящее! — торжественно объявил Локо, вставая. — Тридцатилетней выдержки! Предлагаю выпить за... Только не смейся и просто выслушай... — Владыка на мгновение задумался, дотронувшись до оберег-сережки. — За нас с тобой!.. За кровь, которая нас связывает. За женщину, которая нас родила! — На лбу Локо выступила испарина. — За братство! Кровное братство! Пусть это прозвучит вычурно, пафосно, но... за любовь! За братскую любовь! — И одним глотком осушил бокал до дна.

Последовав его примеру, Инвар сам налил по новой.

— Кстати, о женщине! — поднял палец колдун. — Когда ты собираешься посетить нашу матушку? Или уже посетил?

— Когда? — Локо выглядел растерянным. — Даже и не знаю... Надо будет как-нибудь найти время... съездить... А еще лучше ее саму сюда привезти.

— Да это было бы лучше. — Скорпо не понимал, что с ним происходит. Вслед за волной тепла, которая обычно согревает сразу после глотка выпитого вина, тело начал сковывать холод. И не просто холод, а... какая-то неясная пустота, словно... словно... Ужасная догадка пронзила Инвара.

— Кстати, посоветуй... я собираюсь упразднить закон о запрещении магии на территории Бревтона. Как полагаешь, народ воспримет нормально?

— Единоверцы взбунтуются. Для них магия — это попытка оспорить главенство Ушедшего... — рассеянно пробормотал *волшебник*, лихорадочно ища выход.

— Эй! Что с тобой, братец? — улыбнулся Локо. — Да на тебе лица нет! Случилось что? Так ты только скажи, мы быстро все исправим!

— Все? — взглянул исподлобья Скорпо.

— Или почти все... — откинулся на спинку кресла Владыка Бревтонский.

— Зачем? — прошептал Инвар. — Зачем ты это сделал?

— Зачем?.. — уселся поудобней Локо. — Так сразу и не скажешь... Давай не спеша вместе. Вот ты мне помог. Что тут говорить? Честь тебе и хвала. Допустим, как я и обещал, перепало бы тебе поместье и все, что положено, и тут начинаются всякие «но» и «если». Тебе землю — королевство в убытке, а оно сейчас и так не в лучшем положении. Открою маленькую тайну: большая часть дохода в казну идет от аренды Красного Легиона малым государством. Даже скажу больше — рано или поздно встанет вопрос о «приобретении» новых земель. Далее... аппетит приходит во время еды — вдруг тебе захочется еще чего-нибудь эдакого? А из каких средств это брать?! Вывод?

Остается мальчик без награды. Почему так жестоко?.. Вот пожелай ты кому рассказать... А чем докажешь? А так будешь молчать, чтобы ни одна мышь не узнала о твоей роли в этом деле. Я даже уверен, что Конклав, или как он там у вас называется, за то, что ты сделал, по головке не погладит. Решись ты поведать правду Таррауму... Так он захлебнется собственной кровушкой раньше, чем ты рассказ закончишь. Поверь, я все предусмотрел. И одно дело — убрать соперника, претендующего на трон, а другое — свергнуть

коронованного Владыку. Да и боюсь я тебя, откровенно говоря. Я же знаю, что ты можешь сотворить с людьми! Где гарантии, что подобное ты не сделаешь со мной? Хочешь еще вина? Специально для тебя готовили! — Локо налил себе, не обделив и брата. — О чем думаешь, родной? Не грусти, не надо!.. На вот на первое время, там, глядишь, мож, еще подкину на бедность. — И выложил на стол увесистый мешочек.

Скорпо долго не мигая смотрел в глаза брату, чувствуя, как оторопь сменяется ненавистью.

— Знаешь, о чем я сейчас сожалею... Помнишь Аргию? Приходила к нашей матушке за помощью. Ты тогда хотел ее ...ть, а я заступился. Помнишь как? — Инвар наклонился, словно готовясь к прыжку. — Правильно помнишь... Эта штука называется «морозильный студень», или по-другому — «морозильная отравка». Изготовить ее много ума не надо. Единственная капля — и стоит человек статуей полдня. А ведь можно было тогда не одну каплю, а несколько... Я ведь еще тогда знал, что когда-нибудь ты меня раздавишь! Чувствовал... знал... А тогда пожалел. И был бы ты сейчас похож на ту дурочку, что по Уилтавану про листочки-пчелки распевает! Вот о чем я сейчас жалею... *братец!*

Скорпо дрожал, прикидывая расстояние до горла Локо, но тот, почувствовав прямую угрозу, встал и сделал шаг назад.

— Пошел вон!.. — И, повернувшись к нему спиной, отправился в опочивальню.

Проводив взглядом Владыку, Инвар хотел уйти, но дверь в спальню была приоткрыта, и сердце второй раз за день обожгло огнем ненависти — на широкой кровати, раскинувшись, спала Эльнора... Одежды на ней не было.

Обернувшись, Локо победно улыбнулся и закрыл за собой дверь.

Где-то тренькнул колокольчик, и через мгновение тяжелая боевая рукавица гвардейца легла Скорпо на плечо.

Ведомый по тусклым коридорам черного хода, Скорпо чувствовал, как привкус оденана с языка перебирается в опустошенную грудь.

Ненависти уже не было... только боль.

Одна боль...

ИНТЕРЛЮДИЯ

Боги не умеют смеяться. Такими они создали себя сами.

В этот Виток Сна Седобородый не просто смеялся, он, торжествуя хохоча, падал в ложе облаков и, катаясь по нему, сучил ногами, как грязный смертный.

Он ловил гроздь звезд, подбрасывая, сталкивал их друг с другом в невероятном фейерверке невыразимого счастья. Свет рождающихся солнц он сплетал в гирлянды ветров и запускал к границам миров, изливая на них свою безудержную радость.

— Вига! Вига! Где же ты?! — кричал он во всю свою мощь, любуясь, как под действием силы голоса эфир кристаллизуется в жемчуг.

Когда богиня явилась, он схватил ее в объятия и закружил по бесконечному чертогу в бешеном танце веселья.

— Что случилось, Великий? — еле остановила она сумасшествие.

— Вига, представь себе! — Бог усадил ее на качели дождевых нитей. — Выслушай и просто представь себе это!

Много витков назад Непроизносимый придумал, как получить власть над гранями. Для этого надо было захватить одну из них. А еще лучше уничтожить, нарушив тем самым Равновесие, дав мирам возможность самим искать свой путь. И что он делает? Среди миллиарда граней он находит ту, на которой умирает Служение. Служение тому, кому уже нигде в Кристалле более не служат... Того бога просто забыли, создав себе новых. Тебе не надо напоминать, что происходит с нами, когда нас забывают?

Дождавшись момента, Непроизносимый помогает обиженному, полному ненависти умирающему богу отомстить своим убийцам. А чего мелочиться?! Давайте отомстим сразу всему миру! Людям и нелюдям за предательство. Богам и самому Кристаллу за то, что не отвратили его последние витки! Забытый создает из мерзости граней такой артефакт, что даже Непроизносимый боится им воспользоваться напрямую, ибо мощь Бунп Лоуусу безгранична, а собственный разум, которым его наделили, непредсказуем.

Непроизносимый подкидывает Книгу нам. И мы прячем ее на восьмой грани, посчитав ее самой управляемой. Мы рискнули, смешав кровь и время существования разных народов, вывести новую расу для охраны и защиты сокровища, мы даже вручили им магию, дабы они уверовали в Свет! Этого и ждал бог Хаоса! Ибо мы сами породили среду, в которой именно он — царь! Мы собственными руками положили под себя мешок с порохом и с комфортом разместились на этом мешке, не забыв протянуть шнур. Осталось только поджечь его... И Непроизносимый начинает добывать достойный огонь.

Где полностью перекроив, а где слегка подправив Нити, он, подогнав тропы и время к Перекрестку Судьбы, выпестовал тэндха, человека, а влив в него свою силу, сделал из ничтожества великого мага, равного по силам... да даже мне самому!!! Ты знаешь, о ком речь, Вига? Да-да... тот самый!

И заметь — мы... все мы... ни сном, ни духом!.. Красивая работа! Ничего не скажу, просто красивая.

Но вот незадача...

Когда все фигуры были расставлены и партия должна была вот-вот перейти к своему завершению... Червь из червей, гниль из гнильи стал, того не ведая, на сторону Порядка!

Родной брат питомца Непроизносимого использует «молот тьмы» для своих никчемных

целей...

А использовав, не иначе как в знак благодарности, умудряется лишить его силы! Силы Отродья!!!

Вига! Разве это не смешно? Прошу тебя, улыбнись! Только представь себе — четыреста тысяч с лишним витков работы... столько сил... ради покрытого плесенью стула в самом засранном городишке Кристалла! Что ты говоришь? Этот путь еще не окончен? Успокойся... Теперь все будет так, как захотим этого мы!

Боги не умеют смеяться. Такими их создали те, кто им служит...

Глава 5

ТЕНЬ

Испуганно заверещав, тварь поползла от сугроба прочь, силясь перевалиться через поправшуюся в темноте разлапистую корягу. Обессиленное тело вновь подвело своего хозяина. Острый сук впился в тоненькую ткань только-только народившейся кожи живота, напрочь распарывая ее. Существо, когда-то носившее имя Инвар, заплакало, пытаясь сняться с колючего дерева, но... лишь сильнее вдавило его в себя.

Пошли долгие, полные немилосердной боли часы...

Замерзшая тварь ждала рассвета. Нет, с ним не придет спасение... просто... Просто надо как-то существовать дальше...

Среди ночи, перебивая стук осеннего дождя, раздался непонятный шорох. Вырванный из беспокойного сна, Инвар сел, лихорадочно нашаривая под одеялом тонкий, как жало, заранее смазанный *морозящей отравой* шило-стиллет.

С соседней койки поднял свою огромную голову Йор. Тускло сверкнуло лезвие изогнутого меча. Орк молча взглянул на хозяина, но тот не мигая смотрел на дверь, судорожно сжимая рукоять иглы.

Сын Дара втянул в широкие ноздри воздух, силясь понять, кого принесла нелегкая. Увы, прошедший ливень отбил запах ночного гостя.

Справившись с волнением, Скорпо встал, осторожно ступая на цыпочках по холодному каменному полу, подошел к двери.

Шорох повторился, отдаваясь скрежещущим эхом в сердце Мийяры.

«Таки явились. Что же, пришло время умирать?»

Маг инстинктивно закрыл глаза, стараясь проникнуть в разум незваного гостя... Ничего... Теперь уже давно... *ничего*...

Оказавшись рядом, орк осторожно толкнул Инвара, кивая на приготовленное оружие.

Какое-то время они оставались без движения и только прислушивались. Наконец шорох повторился, и в нем можно было различить то ли стон, то ли рык. Летящий Конь многозначительно посмотрел на хозяина. Скорпо, чуть отступив в глубь пещеры, приготовился к нападению.

Орк резко распахнул дверь и, метя в грудь еще невидимого противника, ударил что есть силы.

Захлебывающийся вскрик потонул в шуме дождя.

Скорпо осторожно наклонился над распластанным на пороге телом.

Старшая Сестра второй раз за всю ночь смогла выглянуть из-за грозовых туч, бросая тусклый свет на содрогающуюся под дождем землю.

— Схад Отродья! — выругался Мийяра, наконец рассмотрев представшую перед ним картину. — Катт-Апп!

Удар пришелся в голову гнома. Если бы на его месте был человек, то клинок Йора рассек бы грудь непрошеного гостя.

Недовольно ворча, сын Полуденного Волка осторожно перенес гнома на кровать волшебника и сразу же отправился смывать «запах подземной гнили».

Не дожидаясь утра, Скорпо запалил все свечи и начал осматривать рану. С первого же

взгляда было понятно, что гном уже не жилец в этом мире, и, будь на месте Инвара опытный лекарь, приговор не изменился бы. Тяжело дыша и обливаясь потом, Катт-Арр доживал последние минуты своей долгой жизни.

«Зачем он здесь? Я же ничего ему не заказывал. Просто решил навеститься?» — Скорпо разглядывал бледное лицо гнома. Словно услышав немой вопрос, старый знакомец открыл глаза.

— Рофэх-Фа... — тихо произнес он. — Рофэх-Фа...

— Что? — наклонился ниже Мийяра.

— Рофэх-Фа ждет... дома... «Верно, бредит».

— Передать, может, что? — В голосе Инвара не звучало даже и нотки издевки.

— Долг... там... ждет... — Карлик мучительно закрыл глаза. — Должно было... случиться. Она не дается... так просто... Бунп Лоуусу... Платить... за него... жизнью...

«Бунп Лоуусу!» — В Скорпо словно молния ударила. Он вскочил и заходил по комнате. Вернувшийся орк непонимающе взирал на происходящее, про себя еще раз решив, что от гномов хорошего ждать нечего — один этот довел шамана до умопомрачения.

Внутри у бывшего чародея все кипело. Страх, неизвестность уходили прочь, их место занимала теперь мучительная мысль о том, как жить дальше. Как выжить в этом проклятом мире, когда он, этот мир, разом лишил тебя всего — способностей, сил, цели! И этот великий артефакт, всплывший из небытия, определял главное — цель. Жить!.. И отомстить разом всему миру, сосредоточенному в одном человеке, обманом и кровью занявшем чужое место, заодно похоронив заживо родного брата.

Инвар вернулся к умирающему, готовый ловить каждое его слово.

— Бунп Лоуусу. Что ты знаешь о нем? — горя от нетерпения, сел он рядом, не замечая, что придавил руку коротышки. — Говори!.. — еле сдерживался, чтобы не схватить его за горло.

— Он здесь... Рох-Тилион служит ему.

— Хэй! — поднялся с места Йор. — Он казал Талион? Здесь есть талион ^[12] — я видел следы. Рядом красный пещера.

Что-то неуловимо знакомое мелькнуло в памяти Скорпо, но вот что, не мог вспомнить.

— А когда откроется Бунп Лоуусу? — Вопрос был задан по наитию.

Глаза гнома на мгновение метнулись к суме, с которой он пришел в Заблудший Лес.

Мийяра встал и быстро подошел к столу, на котором лежал потрепанный мешок.

— Эй!.. — Увидев, что чародей полез в его вещи, Катт-Арр попытался встать и даже сумел опустить короткие ноги с кровати.

— Успокой его!.. — не оборачиваясь, приказал маг, вываливая содержимое мешка на стол. Краем глаза он увидел, как широко шагнул к гному сын Полуденного Волка.

Несколько манускриптов Сио, причем два из них соединяющих Кинблоу с далекой Квентианией. Весьма увесистый мешочек золота, и еще один, с драгоценными камнями, не иначе как с Голубых Гор. Продолговатая деревянная шкатулка красного дерева. Скорпо, невольно залюбовавшись замысловатым узором и прикинув, сколько это может стоить (работа мастеров древней Наугии, выполнена четыреста — пятьсот лет назад, а скорей всего и больше), попытался открыть шкатулку.

После нескольких безуспешных попыток, внимательно присмотревшись и узрев щелочку замочной скважины, чародей повернулся к гному и...

Мертвый Катт-Арр лежал, запрокинув еле держащуюся на нитках плоти голову.

Довольно улыбающийся орк спокойно вытирал окровавленный нож о плащ мертвеца — приказ хозяина был исполнен в точности.

Слов у Мийяры просто не было. Безутешно махнув рукой, он обыскал труп под недовольным взглядом Летящего Коня — тому не терпелось самому заняться трофеями. Ключик нашелся на шее торговца магическими принадлежностями.

Полтора оборота — и древний механизм, отпустив крышку ящичка, открыл взору чародея свои недра.

Осторожно, двумя пальцами, Инвар извлек древний свиток и, еле сдерживаясь от нетерпения, развернул его. Тонкая, от времени местами почти истлевшая бумага явила неизвестные Скорпо письмена. Корявые черточки, растянутые точки, совсем не поддающиеся описанию символы тянулись ровными рядами сверху вниз, храня в себе древнюю тайну.

— Стоп! Стоп!!! — отложив манускрипт в сторону, Скорпо двинулся в глубь пещеры, туда, где еще от предыдущего хозяина остались бережно сохраненные в бесконечных веках книги.

Подсвечивая себе толстой коптящей свечой, Мийяра насилу отыскал нужный ему фолиант. Положив пыльную книгу рядом со свитком, чародей начал сравнивать символы.

— Отродье меня подери... — не веря своим глазам, прошептал он. — Ленивитанский!.. Быть не может! Каяс говорил, что документов на этом языке сохранились считанные единицы: он даже древнее антыни! Небо! Сколько же ему *тысячелетий*?!!

Едва переведя дух, он принялся читать рукопись, выискивая похожие слова в пыльном фолианте Второй Эпохи.

Шуршало перо, оставляя на листе рассказ канувших в прахе веков...

В очередной раз перечитав написанное, Скорпо победоносно усмехнулся и призывно махнул мнущемся в дверях орку.

Йор мгновенно кинулся из дверей на улицу, где уже давно светило послеобеденное солнце, и почти сразу же явился вновь, держа в руках подобие подноса, накрытого несвежей тряпкой.

Потянув носом, Инвар почувствовал, как желудок призывно ухнул, требуя снесь.

В улыбке обнажив кривые клыки, орк выставил перед хозяином принесенное и, гордо сдернув ветошь с деревянной тарелки, стал рядом.

— Думай шахман ест хочет! — прорычал он, предвкушая похвалу.

— О-о-о! — восхищенно протянул Инвар, любуясь (несомненно!) прожаренными кусками душистого мяса. — Сын Дара, я уже говорил, что ты знаешь толк в кухне? — сквозь чавканье похвалил Йора чародей. — Я скажу тебе больше! Все не так уж и плохо! Для меня, по крайней мере... — Он зацепил толстый с салцем кус. — А вот тебе придется снова остаться за хозяина: я уезжаю. Далеко. Но обещаю вернуться! — проглотив чуть сладковатое мясо, он пожалел, что все вино было выпито накануне. Ну да ничего, скоро все будет хорошо, все будет славно, и вина будет сколько хочешь, как и нормальной еды!

— Шахман уезжает сегодня? — Летящий Конь потупил глаза.

— Увы, мой друг, — наскоро проглотив последний кусок, Инвар встал и, приобняв верзилу за плечи, вывел его на свежий воздух.

— Время уходить, время приходить. Время жить и время... время... — Чародея впал в

ступор, а последний проглоченный кусок неумолимо полез обратно.

Еле справившись с собой, бледный как полотно мужчина всем корпусом повернулся к орку.

— Ты где взял мясо?.. — кое-как выговорил Скорпо.

Не понимая вопроса, сын Полуденного Волка лишь пожал огромными плечами и кивнул на стоящий в центре вытоптанной поляны шест.

Резкий порыв ветра качнул застывший воздух, разворачивая к Инвару лицом голову мертвого гнома.

Поднялись веки, и выбеленные глаза Катт-Арра, найдя своих убийц, казалось, пронзили грудь человека насквозь.

Сухие губы раскрылись, и с шеста раздался каркающий смех:

— И ВЕДЬ НЕ ПОДАВИЛСЯ, А?! И НЕ ПОДАВИЛСЯ!..

Кто-то, подойдя сзади, осторожно обнюхивал Инвара. Холодный мокрый нос чуть коснулся выгоревшего предплечья, вызывая новый приступ ужасной боли.

Скорпо вскрикнул, дергаясь, как бабочка под иглой любопытного ученого.

Медведь, удовлетворенно рыкнув, ухватил за шею жертву и потянул к себе, переворачивая ее так, чтобы удобнее было вгрызться в живот.

Кричать сил уже не было...

Перед тем как в очередной раз потерять сознание, Скорпо понял, что должен возблагодарить хищника: он снял его с проклятой коряги...

...Сбросив с себя одеяло, старик сел на узкой жесткой кровати, закрывая лицо руками.

«Все! все... успокойся! Это просто сон, просто кошмарный сон...»

Насилу отдышавшись, Скорпо встал, направляясь к приготовленной еще с вечера лохани для умывания.

Ополаскивая лицо, Мийяра чувствовал, как вместе со стекающими по глубоким морщинам каплями уходит ночной страх.

Без стука открылась дощатая дверь, и девка встала на пороге, с любопытством глядя на гостя.

— Чего тебе?.. — Скорпо чуть не добавил «Ули», но осекся, вовремя сдержав порыв. В последние годы образ тринадцатилетней хохотушки из далекого детства все чаще являлся к нему. Впрочем, как и лица тех, кто так или иначе прикоснулся к его жизни.

— Так разбудить велели! — согнав на переносице веснушки, улыбнулась селяночка.

— Так я вроде как уже... проснулся! — в тон ответил странник и, не удержавшись, плеснул горсть воды ей в лицо.

Та радостно, словно пирогом одарили, расхохоталась и скрылась в дверях. Улыбнувшись вслед озорнице, Скорпо начал неспешно, даже через силу, собираться к выходу.

Сквозь немытое окно пробивался утренний свет. На улице гомонила ранняя детвора, видимо собравшаяся на Келебсир рыбачить. Громко запел поздний петух, стараясь перекрыть выводимую из хлевов скотину, и Инвар вдруг вспомнил, как будила его мать, в шутку зажимая маленькому соне нос. А он каждый раз, словно в первый, брыкался, недовольно ворчал и старался, извернувшись, забиться под тощую подушку.

— Вы кушать будете?! — Скорпо обернулся, подслеповато щуря глаза: из-за непрошеной набежавшей слезы показалось, что матушка, еще живая, стоит в низких дверях

чужой избы.

— Я так разумею, вы туда? — молодой крестьянин кивнул в сторону Башни Лео. — Вот еще творожку отведайте.

— Благодарю... — кивнул маг, с удовольствием принимая предложенную мису. — Уже нет, оттуда...

— А правда, что когда-то вам нельзя было встречаться друг с другом? Ну, все колдуны были под запретом?

«Когда-то?! Всего лет тридцать с небольшим назад!»

— Не совсем... Раз в год можно было. На праздник Зимы. И не то чтобы нельзя было просто... Если бы кто убил мага, ему за это ничего бы не было. Даже наоборот, еще бы и наградили... Но не везде так было — только в Бревтоне. На юге и западных землях — там такого не было.

— Дикие же времена, однако, были!.. — серьезно посетовал крестьянин, почесывая сквозь ворот холщовой рубахи сухую грудь, будто случайно касаясь знака креста в круге. — А вот скажите, сударь, если не тайна, вы, верно, весь мир повидали?

Скорпо утвердительно кивнул, аккуратно зачерпывая ложкой творог.

— И как там? В смысле... — Мужик повел руками, стараясь объяснить вопрос — Как там?

— По-разному... — хмыкнул гость, отодвигая в сторону пустую миску и принимая квартовую кружку ледяного молока. — Где-то лучше, где-то хуже, а в целом все одно.

— Ну а вот нелюди, они тоже везде есть, да? Просто святой отец говорил, что это ошибка небесная. Вроде как Господь...

— Тренировался, что ли? — с удовольствием отпив, Мийяра вытер рот. — Проба пера, так сказать... — Видя непонимание хозяина, он махнул рукой. — Правильно ваш священник говорит. Нечего нелюдям на нашей земле делать! Даже если они и первыми на ней появились... Вот что можно ждать хорошего от того, кто живет дольше приличного человека аж на целых сто с лишним лет?! А от тех, кто всю свою долгую никчемную жизнь тратит на то, чтобы, уподобляясь тупому кроту, вырыть побольше туннелей в земном чреве, что говорить о них? Согласись, ты бы свою жизнь под землей губить не стал, ведь так? А раз нет, то какой смысл их существования?

— Это вы верно говорите... — с неуверенной улыбкой кивнул мужик. — Ну, с эльфами и гномами, оно, мож, и понятно... А вот орки... тролли?..

— А что орки? Туда же их! Под корень! — Скорпо говорил спокойно, беззлобно, по ходу прикидывая, какой раз в жизни выдает подобную бессмысленную тираду. — Только и умеют, что ночью огненную стрелу в крышу пустить да, фэлу обожравшись, человеческую бабу на спину запрокинуть...

«Кстати! А сколько Кривой Ра остался мне должен с прошлого раза?»

— Это вы верно говорите. А как насчет троллей? Мы вот, например, и не знаем, что с ними делать! Вроде люди как люди, только...

— Что значит «люди как люди»? — не понял Скорпо. — Мы сейчас говорим о *троллях*?

— Ну...

— И?..

— Ой, простите, господин! Верное, вы не знаете... Тут же рядом за горами Халлатетра Вечная Долина стоит. Так там они и живут.

Мийяра подавил зевок: разговор вдруг стал ему совершенно неинтересен.

— Так вот... Не знаю, с чего и начать... — снова почесал себе грудь крестьянин. —

Раньше в той долине только гоблины да тролли жили. Тролли обычные, не горные...

— Равнинные?

— Точно. Те, что головы имеют. А вот совсем недавно оказалось, что они под свое крыло людей приняли. Наши старики даже вспомнили, отколь они там взялись. Ушедший только помнит, когда с севера народец пришел. Пришел, тута маленько пожил, да не понравилось, с места снялись да в сторону Никсдора подались. Тама как раз вильсхолльцы земли распахивали, что у эльфов отвоевали. И не то тропку перепутали, не то по ходу передумали, но ни в Никсдоре, да и нигде больше их не видели. А в Долину народ по своей воле сроду не ходил — троллей боялись.

Переведя дух кружечкой холодного пива, селянин продолжил свое повествование, не замечая безразлично-уставшего взгляда чародея.

— А лет так двадцать-тридцать назад... да, где-то так... Явилось четверо. Люди сказывали, что их в темноте за троллей приняли — здоровые, что лоси. Слава Ушедшему, уберег он от смертоубийства, разобрались, что к чему, да кто есть кто. Они тогда с торговлей пришли. Меду привезли, рыбки соленой, еще чего-то. Вот такие дела. Так как с ними-то быть, мож, подскажите?

Скорпо долго, неотрывно смотрел в глаза крестьянину, соображая, где потерял нить разговора.

— Я что-то не понял, хозяин, — наконец вымолвил он. — Ты спрашиваешь моего совета, как себя вести с другими людьми?

— Вот тут-то и вся эта соль, как говорится! — воздел мужик палец. — Людьями-то они себя не числят! «Тролли мы», — говорят. И вправду: со стороны посмотришь — по-ихнему болтают, силы невероятной и... наивные какие-то.

— То есть? — поднял седую бровь маг.

— Ну, вот... «Если тролль слово дал, он умрет, но его сдержит!» Это нормально? Пряма как дети! А поговорки, которые через слово вставляют? «Кувшин кувшину — рознь». Дети!

Дальше крестьянина было не остановить — он все говорил и говорил.

Едва Скорпо взобрался на козлы повозки, его окликнул деревенский староста.

— В Уилтаван путь держите, господин?

Мийяра хотел послать деревенщину куда подальше — дескать, «не твое дело», но, сдержавшись, коротко, кивнул.

— Вы бы поосторожней. На дороге нынче беспокойно.

— Людишки лихие? — снизошел маг до ответа.

— Если бы... — Староста зло сплюнул. — Двое с Вечной Долины нынче поутру прошли. Один из тех дурачков, что троллями себя называют, другой — самый настоящий. Первороденный по-ихнему. Так-то они ребята мирные, но вчера вечером в соседней деревне драку по пьяни устроили. Бабы сказали, поголовно всех мужиков покалечили. Брешут, верно, но вы уж все одно — поосторожней.

— Спасибо за совет. — Скорпо тронул лошадей, но крестьянин не унимался.

— Баба Каяса видела, как они как раз по этой дороге пропылили.

От резко натянутых вожжей лошади встали на задние копыта, недовольно заржав.

— Баба *кого*? — Опешивший маг был готов сойти на землю.

— Каяса, — непонимающе глядя на беснующихся лошадей, повторил староста. —

Дарин Каяс. Вы же у него нынче ночевали.

Еле проглотив вставший в горле комок, Инвар Мийяра пустился своей дорогой.

Забрав в условленном месте Трава, сына Йора, к вечеру Скорпо был уже у Северных ворот Уилтавана.

Вот здесь и начались проблемы. Старшина караула потребовал с орка даже не двойную плату за въезд в город, а сумму, сразу в несколько раз превышающую обычную.

— Неделю уже как указ вышел, — хмурясь, объяснил стражник. — С нелюдей брать в десять раз больше против обычного.

— Что, бюджет уже трещит по швам? — зло ощерился Мийяра, отсчитывая монеты за Трава. — Оно и понятно, женушка Владыки молода и соответственно требует повышенного содержания, то бишь расходов.

— А вот за такие слова! — Служивый потянул из ножен палаш.

— Червяки или мухи? — усмехнулся старец, распуская шнуровку мантии-плаща. — Я задал вопрос. Чем ты предпочтешь питаться всю свою оставшуюся жизнь, начиная с сегодняшнего вечера? — Наконец распахнув ворот, он показал знак скорпиона на перечеркнутом круге. — Ну, чем?

Отступив на два шага, стражник убрал руку с оружия.

— Проезжайте... — еле сдерживаясь, наконец прорычал он.

— Ты забыл сказать «пожалуйста»... — Скорпо хотел добавить еще что-то скабрзное, но смолчал, усаживаясь обратно.

«Повысили налоги на нелюдей... И это только начало. Скоро резать будут направо и налево. Как всегда, начнут с гоблинов и орков, а там черед гномов подойдет. Эльфов, опять же по традиции, на закуску оставят. Так всегда было... и везде... Вот очередь и до Бревтона дошла. Отродье! Тут же Талат-Гален рядом. Крови будет...»

— Шахман, — ворвался в размышления хозяина орк, — приехал.

Выскочивший из кабака мальчишка низко поклонился, принимая вожжи у сошедшего на землю *дедушки*, меж тем неодобрительно зыркнув в сторону Трава.

Не обращая на невежу внимания, спутники вошли в распахнутые настежь двери трактира «Дно кувшина». Пробравшись сквозь гудящую толпу, они подошли к стойке, над которой важно возвышался неимоверно грузный мужчина.

— Комнату и ужин на двоих. — Скорпо выложил на липкое дерево две золотые монеты.

Ничего не говоря, трактирщик взял одну монету, демонстративно попробовал ее на зуб, не торопясь спрятал ее на поясе и... отодвинул второй желтый кружочек обратно к магу.

— Не понял... — прохрипел Мийяра, уже догадываясь, к чему ведет хозяин.

— Я не сдаю комнаты нелюдям. Вам — да. Ему... — он кивнул на густо покрасневшего Трава. — Если желаете, можете попытать счастья в другом месте, но, уверен, там вам обоим будут рады так же, как здесь.

— Вы руководствуетесь законом королевства Бревтон или личными принципами?

В который раз за последние тридцать лет Скорпо приходил в ярость от собственной беспомощности: обладай он сейчас хоть малой толикой своих утраченных способностей, наглец просто ползал бы у него в ногах, вымаливая прощение.

— Есть два способа разрешить конфликт. Первый... — Мийяра во второй раз за сегодняшний вечер начал распускать шнуровку мантии. — Первый вариант: ты сейчас извиняешься за недостойное поведение, но я этого не услышу, потому как не понимаю

кваканье лягушек. — Чародей наконец развязал веревки, обнажая знак магического цеха. — Второй вариант. Кстати, он милее моему сердцу: достопочтенный трактирщик берет за моего спутника... скажем, раза в четыре больше обычного (то есть как за человека), коя сумма послужит компенсацией за *ваше* задетое достоинство и неудобства, причиненные моим визитом. Для тупых перевожу: я хотел бы остаться в этом городе инкогнито, иначе сказать тайно, — сегодня мне не нужна реклама. Итак, ваше решение, достопочтенный хозяин? — Гость выложил в ряд четыре золотые монеты.

Всю ночь Скорпо ворочался с боку на бок, думая, что делать дальше. Точнее даже будет, не *что именно*, а *как*. Прокручивая ситуацию последних дней, маг раз за разом приходил к выводу, что нужен помощник. Орки для этой роли не годились: как телохранители, лазутчики, связующее звено между ним и покупателями — двести раз да! Но сама идея, что рано или поздно придется заявиться в Кинблоу — город гномов с орком под ручку!.. Радости дальнейшая перспектива не вызывала. Да и что говорить об этом, если в самом Уилтаване, городе, где к нелюдям *всегда* относились если не с любовью, то уж с терпением, новые веяния, нашептанные единоверцами, ставили под вопрос осуществление его дальнейших планов.

Размышление чародея прервал истошный вопль снизу. Да такой, словно кому-то отдавили сокровенное! Следом загремела падающая мебель, и стены «Дна кувшина» затряслись, сбрасывая с потолка густую паутину.

Встав с постели, Трав вопросительно посмотрел на хозяина.

— Лежи... Сами разберутся, — закрыл глаза Инвар Мийяра. — «Эх, люди, люди... Ни выпить не умеют, ни отдохнуть нормально, а все туда же...»

После того как трактир содрогнулся еще четыре раза подряд, все наконец стихло. Правда, аж до самого утра слышались тихие всхлипы, ругань да шорох двигаемой мебели, под кои звуки мастер Круга Двенадцати и задремал.

Спустившись только к обеду, Скорпо обнаружил, что был неправ: ночью мебель не двигали, а... убирали. Точнее, ее обломки. С нескрываемым восхищением оглядев совершенно пустое и безлюдное помещение, чародей искренне посетовал, что, «видимо, вместе с мебелью вынесли и всех обитателей этого славного местечка». В сопровождении молодого орка он двинулся прочь, на ходу прикидывая, где можно будет позавтракать, а заодно уже и пообедать.

Двери «Праздника живота» были еще закрыты, а в «Кровь и лозу» Скорпо идти не пожелал, поминая хама-хозяина, заоблачные цены и изжогу после тамошней пищи. Поэтому пришлось тащиться до «Меча Бревтона», что был недавно поставлен прямо на рыночной площади, невдалеке от дворца Владык.

На площади было не протолкнуться. Глядя на оживленные, даже радостные лица, маг решил, что сегодня какой-то праздник и в намеченном кабаке, скорей всего, делать нечего, ибо все места будут заняты. Мийяра хотел уже развернуться и уйти, как его внимание привлек помост, стоящий в дальнем углу.

«Кого-то сегодня повесят. Здесь всегда вешают. Бесплатное развлечение для черни. Не надо платить за вход, только выбрать место поближе. Смотри — это занятно. Пьеса отрететирована веками до мельчайших нюансов.

Начинается с того, что несчастного вводят на эшафот. Он дрожит и готов напустить в

штаны. А лучше, конечно, чтобы и напустил: нет забавнее зрелища, чем взрослый мужчина с недвусмысленными мокрыми дорожками на платье. Затем палач, пряча улыбку под... Какой сейчас цвет предпочитают душегубы на окладе? Черный? Красный? Как это пошло! Надо бы порекомендовать братцу зеленый. Этаким цветом ранней травы. Он успокаивает. Хотя нет, осужденный должен трястись от страха, а не со спокойной душой и холодным сердцем представлять перед Создателем. На чем я прервался? Ах, да! Палач, пряча под колпаком улыбку в предвкушении дармовой добычи, накидывает петлю на вспотевшую шею, привычно проверяя, не слишком ли тугой узел. И, оценивая (пока еще чужое) тряпье, гадает, сломается ли шея сразу или тело будет дергаться до последнего вздоха в судорожных попытках освободиться.

Далее финал...

Под ногами распахивается люк, и под дружный испуганный вздох злодей уходит в свой последний путь... И предстает перед своим Создателем, коему верил и перед кем преклонял колени. Жаль, что отзывчивый зритель этого не увидит. Было бы потешно...

Зато потом будут долго обсуждать, как вывалился посиневший язык и как под общий хохот палач брезгливо снимал с мертвеца стоптанные, но еще годные сапоги».

Только Скорпо начал выбираться из толпы, как Трав удивленно охнул и восхищенно зацокал языком.

«Одно слово — нелюдь. А еще ведет свой род от времени создания Кристалла!» — буркнул про себя Мийяра, но, перехватив взгляд орка, невольно обернулся и замер, силясь оценить увиденное.

На помосте виселицы как ни в чем не бывало стоял... Вот как можно было назвать *этого* человека? Громила? Да самый страшный громила рядом с ним годился только на звание ребенка! Не иначе как для сравнения рядом с «малым» стоял ободранный, будто только-только из заварушки, гном. Скорпо мысленно попытался представить рост осужденного: средний гном был человеку максимум по пояс, а этот торчал у его колена, словно случайное приложение к сапогу.

— Тролло! Тролло гера вый ссад!!! — со злостью пропищал стоявший рядом гоблин, радостно пожирая глазами парня.

«Тролло? Тролль, что ли?!» — не понял чародей.

— Эй ты! — бесцеремонно схватил он коротышку за шиворот. — Я вижу, ты знаешь, кто это?

Вместо ответа гоблин одарил человека не менее озлобленным взглядом.

— Кара ша длала! — ткнул в несговорчивую рожу Трав. — Шахман говорит тобой!

Оценив выпирающие орочьи клыки вкупе с доспехами и блестящим оружием, зеленокожий залопотал на своем языке. Сын Йора переводил.

— Сказал это правда тролль. Он родом Аммст Рин — Вечная Долина. Гобло всегда воевать с тролло. Тролло их... — Здесь Трав употребил такое скабрзное слово, что Скорпо сначала пропустил его мимо ушей, сочтя за невежество обоих нелюдей, но, вспомнив рассказ крестьянина, невольно рассмеялся, даже не зная, как реагировать.

— Ладно, ступай!.. — Человек кинул пленнику монетку и отвернулся.

Не успел гоблин ступить и шагу, как Трав тут же отобрал подачку, взамен наградив по-своему — добрым пинком в тощий зад.

Меж тем на помосте происходило следующее: двое палачей, бывших троллю по грудь, вязали парню руки, а тот с наивным любопытством озирался вокруг.

— Тара агиа! — вдруг по новой возник орк, нетерпеливо дергая хозяйина за рукав. — Шахман! Полахан!

Ничего не понимая, Мийяра обернулся.

«Сегодня что, День всех народов?!» — В нескольких шагах, возвышаясь над головами собравшихся, стоял самый настоящий кентавр. Скорпо хотел что-то добавить вслух, но тут народ радостно загудел, оглашая площадь приветственными криками — на балконе дворца появился Владыка Локо в сопровождении молодой красавицы-жены.

Только глашатай закончил свою речь, как стоящий на помосте гном рухнул на колени, как юродивый, простирая руки к людям:

— Да простите вы нас, люди добрые, народ честной! Каемся мы в проступках своих, каемся в помыслах, по незнанию да недомыслию все это. Признаем свою вину, каемся! Правду сказал этот человек, всю правду выложил, как она есть! Не солгал он, сказав о покушении на величайшего из Владык этого мира. И да будет в подтверждение слов его наша речь оправдательная. Глядишь, и смилостивится Владыка Локо над нами и простит, узнав, как оно на самом деле-то было!

Скорпо насторожился: что плетет этот карлик? Насколько известно, Локо сам, лично, рассматривал дела, не в силах отказаться от давней слабости.

— Лукка, друг мой, — продолжал меж тем орать изо всех сил гном, — расскажи все, дорогой!

Немного потоптавшись и густо покраснев (а это было видно даже отсюда!), увалень для начала попросил.

— Пивка бы... — громко обратился он к притихшей толпе и, видя, что желание его исполнено не будет, принялся рассказывать: — Я тут с родичем из стойбища... по-вашему, стало быть, из деревни, прибыл. Пришел, значить. Покушать решили. То есть поужинать. В трактир зашли. Тупое такое название — «Дно кувшина». Нет, вы вот все пораскиньте, у кого чем есть, что ет за имя для трактира «Дно кувшина»? Получается, что у них, у всех кувшинов, кроме дна, ничего внутри и нет. Так понимается?

Мийяра поперхнулся, уже догадываясь, что было дальше и кто *именно* не дал ему сегодня выспаться!

— Ну, вот мы с Озом... Большим Озом то есть. Так его у нас в стойбище кличут. По-вашему, в деревне будет. Вот с Озом мы тока из кружек и пили. Немного пили... Так... по чуть-чуть. Сам я — кружек двенадцать...

Над площадью пронесся гул не то восхищения, не то банальной зависти.

— И Большой Оз тоже... кружек девятнадцать... кажется. А ему больше и не надо... Он еще маленький...

Через полчаса Скорпо был сам готов вздернуть деревенщину. А лучше придушить собственными руками... Всю его неторопливую болтовню, даже со всеми ненужными подробностями можно было уместить в два предложения. Но увалень неторопливо рассказывал и рассказывал.

Маг не мог понять другого — почему никто не прерывает приговоренного?! Ни глашатай, ни палачи, ни даже его разлюбезный братец! Почему?! Все, словно сговорившись, молчали, внимая каждому слову тролля.

А тем временем повествование перетекло из разгромленного кабака в городскую тюрьму. Лукка с гордостью представил своего сокамерника и нового друга Дожа —

Дырявого Мешка, «за которого, если надо будет, и голову оторвет» (здесь гном, насколько это было возможно со связанными руками, низко поклонился), искренне извинился перед «жрецом Хари за его отдавленную задницу», а также... перед неким старичком, «что пришел к нему спозаранку в гости, а он его, простите за грубое словцо, немного облевал».

— Да вон он, кстати, на балконе с какой-то дурой сидит! — торжественно проорал тролль, головой кивая в сторону Владыки Локо и его супруги. — Ты уж, дед, прости меня! Ну уж очень не вовремя ты зашел. Давай, чтоб замирился, приезжай ко мне в стойбище... по-вашему, стало быть, в деревню. С родней познакомлю, посидим, поговорим. Моя мамуля такое пиво варит!

Над рыночной площадью повисла тишина... Жители Уилтавана и гости столицы все как один повернули удивленные лица к балкону, на котором судорожно глотал воздух донельзя побагровевший повелитель Бревтона.

Вот он, цепляясь за перила, встал.

Еще раз открыл рот и... завалился набок, хватаясь за поднявшуюся следом ее величество Улаи-Ит-Тероиа.

Вместо того чтобы поддержать своего законного супруга, женщина, пожелав уйти, резко повернулась. И вот именно это желание покинуть лобное место сыграло с ней злую шутку — она осталась без платья, да еще и оказалась лицом к подданным.

Подданные были счастливы...

То там, то здесь тишина давала трещину, и... наконец площадь буквально содрогнулась от улюлюкающего хохота!

Краем глаза Скорпо увидел, как глашатай отскочил в сторону от тролля и рванул торчавший из дощатого помоста рычаг.

Толпа замерла — начиналось долгожданное зрелище.

Натуженно рыча, малый болтался на веревке, мотая огромной головой и извиваясь всем телом.

«Сейчас перекладина не выдержит веса!» — подумал Мийяра, глядя на чуть покосившуюся виселицу.

Перекладина выдержала. Веревка — нет.

Деревенщина исчез в отверстии люка, и над площадью снова замерла напряженная тишина. Все как один смотрели то на обрывок толстой веревки, то на место, где исчез великан. «Новый лучший друг тролля, гном по прозвищу Дырявый Мешок» осторожно посмотрел вниз. Люди жадно подались вперед в ожидании чуда.

— Боги Небесной Горы! Чтоб я сдох! Парень, ты там жив?!

Скорпо показалось, что от поднявшегося шума он сейчас оглохнет.

«Или я дурак, или его сейчас отпустят из-за вмешательства Неба. Древний закон никто не посмеет нарушить», — подумал чародей.

— Проследи за ним! Смотри, только осторожно! — перед тем как отправиться в «Праздник живота», приказал Мийяра орку. — Если судьбе будет угодно, то нам сегодня окажется по пути. Да ступай же ты наконец! — И, махнув рукой, отправился в харчевню, мысленно прикидывая: «А если вдруг... справится ли тролль с его поручением?»

Когда Трав доложил, что тролль действительно был отпущен восвояси, да еще на пару с пройдохой-гномом, и сейчас они двигаются к Перекрестку Семи Дорог, Скорпо тут же двинулся из города следом.

«На ночь они, скорей всего, останются в «Южном Тракте». Интересно, а куда, собственно, направляется этот обалдуй? После такого приключения надо дома сидеть, а не по чужим землям шляться! Или виселица его ничему не научила?»

Размышления прервал отборный мат, на который способна только луженая глотка жителя пещер и подземелий. Прямо на пути мага четверка не совсем трезвых гномов спорила между собой, оглашая округу проклятиями и изощренными угрозами.

Приблизившись к преградившим дорогу спорщикам, Скорпо невольно прислушался к словесной баталии, в очередной раз внутренне восхищаясь теми словечками и оборотами, которые вплетали в свои высказывания беседующие. Судя по всему, гномы обвиняли друг друга в том, что, упустив из своих рук некоего висельника-проходимца, теперь должны «плестись наугад без денег» и «шкурами полными репьев»^[13].

Представляя, чем может закончиться стычка, Мийяра хотел уже править на обочину, чтобы объехать спорщиков, как до его слуха донеслось имя — Дырявый Мешок.

«Так-так, стало быть, новый друг моего тролля... — Скорпо даже не заметил, что стал называть Лукку *своим*, — обворовал соплеменников? Вот так пройдоха! Шустрый малый...» — И осекся, пускаясь в новые раздумья.

— А что мы стоим? — не поворачивая головы в сторону Трава, изрек Мийяра. — Нам надо быть в «Южном Тракте» сегодня, а никак не завтра...

Широко улыбнувшись, орк с гиканьем хлестнул лошадей, направляя повозку прямо в середину бранящихся гномов.

Как Скорпо и предполагал, искомая парочка восседала в трактире за кружкой пива, довольствуясь весьма скромным ужином. Хотя при ближайшем рассмотрении оказалось, что тролль пил горячее ароматное вино.

«Красное мериденское. Терпкое. Скорей всего, двухлетней выдержки. Дешевка, короче», — враз определил колдун, осторожно подсаживаясь в торец длинного стола.

В это время троллю принесли чай, и в носу у мага защекотало от не менее забористого аромата.

«Горло болит». — Инвар прислушался к беседующим.

Гном с нескрываемым удовольствием пускал вверх одно за другим дымные колечки, с отеческой улыбкой поглядывая на сидящего напротив увальня. Тот пил не спеша, явно боясь обжечься.

— Ну и куда ты теперь? — не выпуская обкусанного мундштука изо рта, прогундосил Дырявый Мешок. — Как шея? Не болит?

— Шея нормально. Глотать только еще больно, — поморщившись, тролль отпил чаю, — Не знаю... Надо бы найти Большого Оза, да и убраться к себе. Погулял — не понравилось. Неинтересно.

— Кстати, а куда девался твой друг? — Гном, откинувшись на спинку стула, с удовольствием разглядывал потную кружку с темно-янтарной жидкостью. — А ведь хорошо... — И потянулся, откладывая в сторону трубочку.

— Оз? Не знаю даже. Когда он долбанул меня по голове, я ж того... отрубился! А он, не сообразив, кого, собственно, уложил, кинулся по городу на мои поиски.

«Пора!» — пронеслось в голове Скорпо.

— Пробегав до рассвета, он умудрился оказаться за городской стеной, где очутился в сточной канаве, в коей счастливо провалялся до второй половины дня. Затем, очнувшись, не

был пропущен обратно в столицу. После чего присоединился к выходящему из города торговому каравану и сейчас направляется все дальше и дальше на юго-восток в полной уверенности, что возвращается на север, домой, в родное стойбище. Что вас, господа, еще интересует? — Инвар Мийяра еле сдерживал улыбку, наслаждаясь произведенным впечатлением. Всего одна серебряная монета стражнику, а каков эффект!

Друзья долго, не сводя глаз, смотрят друг на друга... Потом одновременно, словно весь сегодняшний вечер репетировали, поворачивают головы в сторону незванного гостя.

— А ты... Вы... — Гном явно не знал, как себя вести, — собственно, кто? Простите...

Все шло так, как чародей себе и представлял.

Неспешным отработанным движением он снял с головы капюшон, выставляя лицо напоказ.

Дырявый Мешок прищурился, уже догадываясь, кто перед ним. Тролль недобро нахмурился, и по нему было видно, что он готов просто встать и без лишних предисловий втоптать тэндха в заплеванный пол. И причиной тому будет не злобный характер, а просто не понравился ему этот человек. И хоть режьте, хоть колесуйте — вот не понравился, и все!

«Честный... И даже не скрывает, дурак! Честный дурак...» — Мийяра на какое-то мгновение засомневался: а стоит ли привлекать этого громилу? Затем, все еще раз взвесив, чародей сделал следующий шаг.

Медленно, очень медленно (в который раз!) распустил шнуровку плаща...

— Отродье и все святые! — взлетел с места гном, тыча короткими пальцами в двухцветную татуировку на дряблой шее. — Мастер Скорпо!

И под звон подскочившей посуды рухнул обратно на скамью, напрочь забыв закрыть рот.

— Может, кто-нибудь мне объяснит... — тролль, убрав с лица маску ненависти, говорил спокойно, — ...в чем здесь... — все же природа и непосредственность взяли верх, — ВАШУ БОГУ ДУШУ, дело?!!

Наконец гном закрыл рот.

— Лукка, — прокашлявшись, начал он, — перед тобой один из самых великих колдунов на этом проклятом свете. Один из Круга Двенадцати, мастер черной, белой и Отродье знает какой еще магии по имени Скорпо.

— И дальше что? — Тролль набычился, но было ясно видно, что он не знает, как себя вести.

«Все правильно. Как там у орков... «Не ведаешь, кто перед тобой? Покажи клыки. Друг — поймет и простит, а перед врагом извиняться не нужно». Воистину великие слова великой древней расы!..» — огладив седую бородку, Скорпо покровительственно улыбнулся.

— Спасибо за, так сказать, представление, гном по имени Дождь — Дырявый Мешок, — откинулся на спинку стула колдун. — Продолжай, пожалуйста... Интересно послушать, что говорят обо мне в миру.

Прочистив горло и, не иначе как для храбрости, отхлебнув пивка, Дырявый Мешок в нескольких словах поведал магу, что говорят о нем в народе. И даже рискнул упомянуть о слухах по поводу родства Скорпо и Владыки Локо и их *натянутых* отношений между собой.

Услышав последнее, Инвар про себя возблагодарил Небо — теперь все последующее будет носить некий благородный оттенок, а значит, будет легче склонить этих двоих к себе на службу.

Немного помолчав, словно сызнава переживая нелегкие воспоминания, Скорпо кивнул:

— Увы, Дождь, ты прав. Да, я... родной брат нынешнего Владыки королевства Бревтон.

Гном быстро глянул на тролля, но, ничего не сказав, приготовился внимать каждому слову мага. Колдун между тем спокойно продолжал:

— А что здесь такого? Брат брату, как... Как там у вас говорят, тролль... «кувшин кувшину — рознь», не так ли?

— А... э... — растерялся Лукка, отчаянно хлопая глазами. — А откуда... вы это... — и не договорил, получив тычок от гнома.

— Ты хотел спросить, откуда я знаю поговорки народа из Вечной Долины? — улыбнулся старик. — Мой покойный учитель, бывало, говорил мне: будешь любопытным, будешь иметь мир в кармане, — сказал Скорпо и тут же пожалел, что сказал это: тролль закатил глаза, на его физиономии было ясно написано: «А оно мне все это надо?!», у гнома лицо буквально окаменело, словно он не знал, что и ответить.

— Но сейчас не об этом, мои друзья... — Мийяра заметил, как в дверях трактира мелькнул чем-то встревоженный Трав. Орк растерянно постоял на пороге, взглядом отыскал хозяина и... развернувшись, выскочил обратно на улицу.

«И что сие означает? У нас неприятности? Поджигает время? Или что еще?!»

Как можно шире улыбаясь, Скорпо приступил к намеченному разговору.

— Так вот, о моих взаимоотношениях с семьей... Ограничусь лишь следующим: да, нынешний правитель действительно мой родной старший брат. И каждый из нас желает смерти другого больше, чем бы вы могли себе представить, и, поверьте, на это у нас есть очень веские причины. Теперь по делу... Зачем я вам все это рассказал? Объясняю: мне нужна ваша помощь, господа. И вы мне ее окажете, ибо с сегодняшнего дня вы оба стали моими должниками. Надеюсь, вы блюдете закон долга?

То и дело хмурясь, Дырявый Мешок ковырял треснувшим ногтем доску столешницы.

— Я что-то не понял! — вскочил Лукка, мимоходом сметая рукой все, что стояло на столе. — А с чего бы это, а? Я за то... Мы у тебя что-то занимали? Просили?! Так какого рожна ты объявляешь нас своими должниками, тэндх?!!

— Успокойся, приятель... — Гном положил свою ладошку на лапищу гиганта. — Жизнь, в особенности собственная, даже в наше время чего-то стоит.

Тяжело сглатывая накопившуюся слюну, тролль недоуменно уставился на Дожа.

— Видишь ли, в чем дело, мой друг... — улыбаясь, продолжил Мийяра, — сегодня утром вы должны были умереть. Но!.. Остались живы. И причиной тому — мое искусство. Я спас вас, мой дорогой. Я подарил вам жизнь. И думаю, что это не такая уж и мелочь, которая могла бы быть для вас лишней. Поправьте меня, если я ошибаюсь.

— Дождь, ты ему веришь? — с трудом усевшись на место, гигант в упор взглянул в лицо гнома.

— В смысле?

— Он что, сказал правду? Я слышал про магию и ее силу, видел всякие там колдовские штуки, что показывают бродяги на базаре. Но я... не знаю, как выглядит настоящая магия. Когда из коробки появляется еще живой кролик, даже мне понятно, что его прятали за пазухой. А тут!.. Настоящий волшебник... Вроде настоящее волшебство... Так где оно сегодня было?!

Заглотив остатки пойла, Дырявый Мешок пододвинул к себе почти пустой кувшин:

— Веревка... — Дождь наполнил свой сосуд янтарным напитком. — Веревка, на которой нас должны были повесить, привезена с Южных гор.

— И что?!

— Парень, ее же делали гномы! Она выдержит пятерых, как ты. А она оборвалась... Она действительно спас нам жизнь, а следовательно — мы должники этого человека. — Опрокинув в себя пиво, гном, не обращая внимания на растекшуюся по подбородку и груди пену, поднял помутневшие глазища на мага. — Что вы хотите от нас, мастер Скорпо?

Еле сдерживаясь, чтобы торжествуя не закричать, Инвар Мийяра, накинув капюшон на голову и, чуть замешкавшись, кивнул трактирщику, чтобы тот принес вина.

— Мне нужны расторопные ребята. Есть вещи, которые я при всем моем искусстве и силе не могу сделать лично сам. Грядут большие перемены, господа, и они коснутся каждого. Так что можно сказать, что вы, как никто иной, заинтересованы послужить тому, кто скоро будет властвовать на континенте. Нет-нет... Никаких государственных переворотов, революций, убийств (ну разве что только в порядке самообороны!) не предвидится. Просто очень скоро мой старший братец *совершенно самостоятельно* уйдет к Создателю, и мне останется лишь подтвердить свое право на престол. Для этого нужно будет найти и доставить некоторые документы, пару свидетелей, и еще так... по мелочи. Самому мне ни в коем случае нельзя этого делать, дабы не вызвать преждевременной реакции со стороны братца. Но, простите, зачем устраивать кровавую кутерьму, если его дни и так сочтены? И другое: уверен, что, прознав про мои планы, Совет Двенадцати решит самостоятельно прибрать трон к своим липким ручкам! А так... Я даже ваше «спасение» обставил как «несчастный случай».

— Были другие варианты? — усмехнулся Дырявый Мешок.

— Множество. Начиная от исчезновения прямо с эшафота, кончая появлением неведомого демона, пожравшего ваши еще дышащие тела. Только зачем? Пустая трата энергии, ненужный интерес Конклава... А так... просто, изящно и, как говорится, со вкусом.

— Если честно, я ни хрена не понял! — громко выдохнул тролль.

Устало мотнув головой, Дождь пустился в объяснения:

— Перевожу: при данных обстоятельствах, учитывая сложившуюся политическую обстановку и с точки зрения банальной эрудиции и социальной концепции, данный индивидуум, имея склонности к парадоксальным эмоциям... — Взглянув на слушателей, гном осекся и, пробурчав себе под нос «занесло, однако!», продолжил вслух: — Короче, этот колдун мог спасти наши задницы только так. Иначе нельзя было. Теперь понятно? — повернулся к Лукке карлик.

— М-да-а-а... — неуверенно кивнули тролль и волшебник.

— Если я вас правильно понял, господин колдун, то вам нужны наши услуги, так сказать, в знак благодарности за наше спасение.

— О да, мой друг! *Aquila non captat muscas!*^[14] — с облегчением кивнул Скорпо.

— Не понял, — нахмурился Дырявый Мешок, — о каких мухах идет речь?

«Вот тебе на! А наш гном, оказывается, совсем не так прост. Если он знаком с антыню!.. Пусть даже и поверхностно...»

— Это древняя поговорка, гном. Очень древняя... И надеюсь, ты правильно понял ее, правильно, — колдун в растерянности искал выход.

— Я немного знаю этот язык, маг, — не без ехидства проговорил Дождь, прищурясь. — Я *multi* путешествовал... *multum*^[15] видел...

«И слишком много слышал! Ну и как от тебя избавиться... наш многознающий? Нет, *такой* ты мне, дружок, и задаром не нужен».

В распахнувшейся двери трактира опять показался Трав. Снова, немного помявшись на пороге, на этот раз он все же решился. Накинув на голову капюшон, орк направился к Инвару.

Гном будто невзначай опустил руку под стол, недобро пожирая глазами сына Йора. Лукка, в свою очередь, демонстративно потянув носом воздух, настороженно зыркнул на пришедшего, сжимая огромные кулаки.

«И почему кто-то решил, что этот увалень будет работать в паре с орком? О Небо, хотя бы сейчас друг друга не перерезали!»

— Шахман! Гномы, что мы побили. Едут дальше восток. Здесь решил не спать, — прошептал Трав на ухо магу. — Говорите дальше покойно.

«А это идея! Что ж, одним слугой меньше... Думаю, тролль со всем справится и сам! — Скорпо подавил довольную усмешку. — Теперь вспомнить, как там звали этих пьянчуг!»

— Дож, тебе что-нибудь говорят имена: Огненная Борода, Железный Лоб, Потухший Горн? — отпустив слугу, облокотился на стол Мийяра.

Дырявый Мешок замер, стрельнув глазами на дверь. Дальнейшее походило на самый плохой спектакль на свете.

— В первый раз в жизни слышу! А что?

— Просто мой соглядатай сообщил, что эти brave парни вот-вот будут здесь. И мне подумалось, что тебе не хотелось бы с ними встречаться. Тем паче они ищут некоего воришку... — Скорпо сделал глубокую паузу, в течение которой явно слышалось: «Не вы ли это, милостивый государь?!»

— История... — протянул Дырявый Мешок. И хотя он излучал полное спокойствие, было заметно, что гном волнуется.

— Мастер Скорпо... Господин маг, а разве нам не пора трогаться в путь? — как можно беспечнее спросил Дож.

— На ночь глядя?! Друг мой, по-моему, было бы разумнее переночевать здесь и только утром пускаться в путь.

— Дело в том... дело в том, что... — Коротышка набрал в грудь воздуха и выпалил залпом: — Обеты, данные мной ранее, заставляют не только отказать вам в немедленной выплате долга чести, но и, не дожидаясь утра, двинуться в путь, дабы ускорить миг для совершения оного.

— Дож, ты вроде никуда не торопишься? — совершенно не вовремя возник Окопиу.

— Лукка, дружок, ты просто запамятовал! — не оборачиваясь, проскрежетал карлик. — Сударь, так я пойду? Время, знаете ли, не терпит...

— Да пожалуйста! — кивнул на дверь Скорпо.

— Лукка, на два слова, — вставая, толкнул друга гном.

«Вот и славно... — провожая глазами уединившуюся парочку, улыбнулся волшебник. — Тролль — мой, а что до гнома?.. Надеюсь, Трав догадается *проводить* нашего всезнайку».

Сколько он так пролежал без сознания, неизвестно.

Вволю насытившись, медведь убрался прочь, оставив тело человека с выеденным животом.

Очнувшись, Скорпо долго не мог понять, что произошло.

Глядя в бесконечно звездное небо, он в который раз гадал, почему смерть не приходит за ним — по всем законам он должен был давно умереть, но сила Бунп Лоуусу держала его в

этом мире.

В полудреме, ощущая каждым сохранившимся нервом, как неспешно нарастает утраченная плоть, мелькали картинки недалекого прошлого: первая ночевка с увальнем-троллем в пещере Заблудшего Леса, долгие вечера, проведенные над выпариванием фэла для орков и на продажу, отправка Лукки на обучение к мастеру Айдо...

Для осуществления задуманного Мийяре требовался настоящий опытный воин, а не тупое нагромождение мускулов...

Поселившись недалеко от Меридена, старый бор-От откровенно... подрабатывал, охраняя торговый тракт от лихих людишек. По крайней мере, Скорпо именно так понял его нежелание съезжать с неудобного места.

Всю дорогу до мастера боя тролль, неспешно подстегивая лошадок, что-то бурчал под нос, не то напевая, не то тихо ругаясь в такт дребезжащей повозке. Хотя последнее было из области невероятного, ибо, как узнал Мийяра, сквернословить было не то что не в чести у людей-троллей, а даже считалось позорным, если не сказать самым ужаснейшим из грехов.

Сухо приняв гостей, да еще и недовольно обругав Лукку, Айдо взял чародея под локоток и отвел того в сторону.

— И что это означает, достопочтенный маг? — заложив, по обыкновению руки за спину, тихо спросил бор-От.

— В смысле? — попробовал опустить глаза Мийяра. — Вот привез паренька... Хочу, чтобы вы сделали из него надежного бойца и телохранителя. В чем проблема?

— Просто «надежного бойца и телохранителя». И все? — И хотя голос бор-Ота был совершенно лишен всякой окраски, в нем сквозил холод.

Обладая сейчас Скорпо хотя бы половиной своих утраченных способностей, валялся бы этот косоглазый охальник у него в ногах, вымаливая прощение за непочтительность.

Кое-как преодолев раздражение, Мийяра через силу улыбнулся:

— Я не понял вас, бор-От. Потрудитесь объяснить ваш сарказм.

— Скорпо, я же вижу вас насквозь — этот парень должен стать не просто воином, а клинком вашей мести. Или я не прав? Все прекрасно знают, что между вами и Владыкой Локо кровная война.

«А по поводу клинка мысль не так уж и плоха!»

— Боюсь разочаровать вас, мэтр, но этот малый мне действительно нужен только как воин и телохранитель. А если быть полностью откровенным, то при всем моем могуществе иногда складывается так, что я не могу быть сразу в нескольких местах, а тролль для мелких поручений вполне годен.

— Знаю я твои... «мелкие поручения». А что же, орки вас *боле* не устраивают?

— В последнее время — нет. Знаете ли, всякие брожения по поводу нелюдей, и все такое... Впрочем, уверен, вы в курсе. Закончим пустые разговоры, сколько?

Мастер Айдо долго смотрит в глаза мага, и Скорпо на мгновение все-таки кажется, что *мастер боя* подсчитывает в уме сумму гонорара.

— Оставьте его так... — наконец изрекает науг. — Даже без задатка. Вы должны помнить мои правила — за обмылки я платы не требую.

— Как будет угодно! — Скорпо спрятал за пазуху вынутый кошель. — Должен сказать, что он мне понадобится уже к середине зимы. Так что сами видите, свехубийца за этот срок из него все равно не получится — не успеете... При всем моем уважении к вашему

искусству. Просто научите его правильно пользоваться оружием.

— Попробую... — кивнул бор-От, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Спустя буквально несколько недель, возвращаясь с одного из островов Хрустального моря, Скорпо решил навестить «своего» тролля. Каково же было изумление чародея, когда он не узрел нового ученика Айдо.

— Сбежал?! Недосмотрел! — еле сдерживая ярость, набросился на мастера боя Мийяра.

— Не переживайте, мэтр... — широко улыбнулся тот. — Уверен, через неделю-вторую ваш парень вернется.

— ?

— Чаю не желаете? — Науг жестом пригласил гостя следовать за собой. И только сейчас Скорпо заметил, что старый мастер немного прихрамывает, а Ильд-Ми, единственный оставшийся ученик, старается не поворачиваться к нему лицом, что-то скрывая.

«По хлебалу получил, что ли? Да что у них тут вообще случилось-то?!» — Маг растерянно зашагал следом.

— С самого начала я вообще не хотел его учить, — усевшись на колени перед низким столиком с дымящимися плошками, снова улыбнулся бор-От. — Хотите знать почему? Мне просто стало жаль парня — ведь я понял так, что вы готовите его как одноразовую стрелу своей мести. Не перебивайте, я знаю, что был не прав. Он, конечно, туповат, но не дурак... для подобной роли не годится. Так или иначе, я хотел от него избавиться. В нашей науке для этого есть множество способов. Можно просто изгнать, но для этого необходимы веские причины. Да и последствия могут быть самыми непредсказуемыми, но мне... было интересно. По старинке было испытание на голод и уничтожение, его он прошел превосходно. Затем было испытание силой... Кстати, у него повышен болевой порог?

— Даже не знаю, — растерялся Мийяра. — Я, видите ли, его еще ни разу и не лупцевал. — И, не удержавшись, попытался пошутить: — Как-то некогда было!

— А может, он действительно тролль? Не просто же так он себя им считает? — скорее всего, к самому себе обратился мастер боя. — Надо поразмыслить. Продолжаю. Во время схватки ваш покорный слуга дал слабину. И не смотрите на меня так. Да! Недооценил его возможности! Но какая реакция! За всю свою жизнь не видел ничего подобного. Я имею в виду неподготовленных бойцов, новичков. Такая быстрота развивается за годы, десятилетия упорных тренировок! Великолепный материал. Уверен, что смогу слепить из него отличного воина. Правда, не за несколько месяцев, как того желаете вы...

— За сколько? — мысленно прикидывая, а понадобится ли ему тролль после *всего*, поспешил Скорпо.

— Определенно сказать не могу... Посмотрите на Ильд-Ми. Он у меня уже четыре года, но до совершенства ему еще далеко: горяч!

— Так где сейчас Лукка? — немного успокоился маг.

— В Талат-Галене... После того как он уложил меня с Ильд-Ми на больничную койку (точнее будет, *думал*, что уложил), он отправился с Ватгилем наводить порядок в эльфийском лесу.

— А кто такой Ватгиль? — опешил чародей, теряя нить разговора.

— Да так... — махнул рукой Айдо. — Царек местный, своими же изгнанный. Из эльфов. Лукка ему тут спину прикрыл, когда орки напали.

— Какие орки? — Скорпо чувствовал, как закружилась голова.

— Местные. Из Талат-Галена. — Лицо бор-Ота выражало полное спокойствие и даже некое участие к бестолковому гостю.

— *Орки из эльфийского леса?* — попробовал уточнить Мийяра.

— Да. Я же сказал, Лукка пошел туда навести порядок, — кивнул науг. — Сам видишь — бардак там царит просто неопиcуемый!

Один за другим ушли на покой слуги Небесных Сестер, уступив место холодному утру. Тварь вздрогнула, прислушиваясь к непонятным звукам, доносящимся со стороны тракта.

Нет... звуки исходят не от дороги, они гораздо ближе к полуразложившемуся Скорпо. Словно полчище гигантских улиток шло напрямик через лес, не разбирая пути.

Разум твари озаряется страшной догадкой, и перед взором встают мертвецы...

Его мертвецы...

Восставшие по его повелению и по прихоти Бунп Лоуусу. Восставшие против своего хозяина. Хотя... разве у мертвых может быть хозяин?

Шаркая под нудный гул, зорситэ двигались вперед, и шли они в сторону Уилтавана, где ждала их ничего не подозревающая добыча.

Тварь застонала, сжимая от безысходности осколки зубов, в бессильной злобе ломая оставшиеся.

Как ни не хотелось Инвару Мийяре отправляться на Конклав, но пришлось... И дело даже не в том, что противно было смотреть на скопище тупиц, возомнивших себя властителями грани, сколько надоело, изворачиваясь, лгать, выставляя себя одним из них.

После того как Локо лишил своего брата магических возможностей, тому пришлось выложить немало золота, чтобы не только в Бревтоне, но и за его пределами множилась слава о великом и могучем колдуне, коему нет равных. Вот именно из-за этих слухов и требовалось присутствие мастера Скорпо на ежегодном Совете Двенадцати, дабы тот смог разъяснить некоторые подвиги, весть о которых достигла ушей главы Круга и его коллег.

Внутренне Мийяра посмеивался над недалекими чародеями, принявшими на веру хотя бы такой «факт». Четыре года тому назад Скорпо в поисках ключа к Бунп Лоуусу угодил в Храм Всех Богов, что стоит в горном массиве Южной Квентиании. Официально чародей прибыл туда для «поклонения Виге и обретения смысла жизни», за что, кстати, заслужил громкое одобрение и восторг Круга вкупе с молчаливой завистью.

Следуя давним традициям, Храм Богов построили на вершине скалы. Можно сказать больше — он был ее частью, высеченной из цельного камня. У подножия горы — деревня. Вот тут-то и начались проблемы... Сельский жрец, узнав в пришельце великого волшебника, пристал к нему, чтобы тот помог соплеменникам. Устал его народ от посещений незваного гостя в виде зверя невиданного, да еще и не иначе как оборотня. Ибо «кто еще кроме оборотня может скот резать, а туши оставлять, и кровь же до капельки с собой забирать».

В оборотней и подобную мифологическую фауну Скорпо никогда не верил. Кто сказал, что, если по грани наравне с людьми шляются толпы гномов, эльфов и прочей нелюди вплоть до кентавров, должно быть еще и зверье, от вида и повадок которого ум за разум заходит? Конечно, боги создали множество всякой разной живой дряни, портящей воздух, но Мийяра, как человек, сведущий в магии и ее природе, прекрасно понимал всю сложность подобной биологической конструкции, а следовательно и ее несостоятельность. Ну и что из того, что тварь режет скот, но мясо не трогает, отдавая предпочтение *реке жизни*?

Вариантов ответов может быть сколь угодно. Например, это тот случай, когда в организме животного чего-то не хватает; или оно просто таким образом мстит селянам за какую-либо обиду... И еще что угодно, что только может взбрести в голову. На любой вкус и интеллект рассуждающего.

Еще раз основательно прикинув все «за» и «против», *великий волшебник*, согласовав сумму вознаграждения, приступил к охоте на оборотня.

Немного позже в летописях Южной Квентиании появилась такая запись:

«...дня, гость из далекой северной страны, назвавшийся мэтром Скорпо, мастером Круга Двенадцати, прибывший с паломничеством в Храм Богов, вступил в схватку с монстром, терроризирующим мирных жителей деревни Кашвал. Нечаянный свидетель донес все подробности той битвы.

Маг велел доставить ему кровь шести черных петухов. На закате на выжженной до земли площадке он равномерно разлил жертвенную жидкость в виде круга. Затем, тихо проговаривая про себя священные заклинания, обсыпал линию волшебным порошком и, приказав всем удалиться, вошел в круг, вооруженный лишь толстой храмовой свечой и заостренным колом из священного дерева акклака.

Когда наступила непроглядная ночь, да такая, что даже не было видно ни одной из Сестер, из чащи леса вышло чудовище. Внешне схожее с волком, но гораздо крупнее любого из хищников, со светящимися во тьме налитыми кровью глазами оно направилось к бесстрашному человеку.

Чародей простер к нему руку со свечой и, заговорив на языке зверей и птиц, приказал оборотню подойти. Послушный, как ласковый щенок, зверь подполз к кругу и начал лизать жертвенную кровь, что еще не высохла на черных углях.

Но только он приподнял покрытую пеной морду от земли, волшебник произнес свое заклинание, и безумие охватило оборотня...»

Потом каждый раз, когда Скорпо вспоминал, на какую сумму он угробил тогда фэла, колючая изжога изводила его.

Обожравшись дурью, полуволок-полупсина (кстати, весьма крупный экземпляр!) в первый раз в жизни почувствовал себя... человеком. Пьяным человеком. Он ощутил прилив неудержимой, безрассудной радости, лапы стали ватными, а весь мир заискрился неожиданными красками.

Чувство голода охватило зверя. Он вылизал остатки крови и, довольно урча, не спускал глаз с неподвижной фигуры.

На легкое покалывание в груди полуволок не обратил внимания, продолжая слизывать приманку. Покалывание сменилось таким стуком, что казалось — сердце бьется о ребра. Но так хотелось еще этой крови с таким чудесным привкусом. Еще!!! Еще! Еще...

Все это время Скорпо краем глаза видел, как в дальних кустах сидит дрожащий от страха соглядатай. Если бы этого «нечаянного свидетеля» там не было, старец бы просто, дождавшись, пока «монстр» не сдохнет от перенасыщения, приволок бы тушу в деревню, сунув жрецу и старейшинам под нос — расплатитесь! И, пускаясь в путаные объяснения магических материй, убедил бы простофиль в значимости победы разума над потусторонней силой, что, в свою очередь, в несколько раз увеличивает вознаграждение. Как минимум в пять раз, но достаточно будет и двух.

Эх, если бы в кустах не было этого молодца!

Обычно оборотней заклинаниями не убивают.

Дождавшись, когда звериные глаза застекленели, Скорпо картинно поднял кол (нижняя часть составного посоха, сделанная по заказу одним из именитых оружейников грани, с виду обычная деревяшка, но при нажатии кнопочки становится длинным тонким мечом) и, бубня полную ахинею, вонзил сверкнувшую сталь в грудь жертвы.

Туземец, не выдержав, ахнул и, завопив так, словно это именно ему пробили сердце, бросился прочь от проклятого места, подгоняемый треском и бликами враз вспыхнувших на поляне огней от заранее заложенных великим магом петард.

Но это еще что!.. А каково было вызывать долгожданный дождь в... Скорпо даже не помнил название этого богами забытого местечка. В тот день Небо сжалилось не то над выплясывающим козлом по высохшим грядкам огородов магом-самозванцем, не то над многострадальными крестьянами, обрушив долгожданный ливень.

Но самое страшное испытание ждало Мийяру на Конклаве, когда обалдевшие от подвигов коллеги мастера пристали с расспросами. Вот когда мэтр Скорпо продемонстрировал свой изворотливый стервозный характер во всем блеске. И сейчас, собираясь в дорогу, Скорпо прокручивал в голове свои последние «достижения» и более-менее правдоподобные им объяснения.

А тут еще по поручению мастера Лео неожиданно явился Регул — слуга, ученик и, как Мийяра подозревал, любовник главы Конклава. Явился и тоном, не терпящим возражений, передал приказ хозяина: «Предъявить достопочтенному Собранию своего ученика, какой, по достоверным источникам, у Скорпо таки завелся».

— Желаете увидеть моего ученика? — осклабился тогда Инвар. — Извольте...

«А почему бы троллю не стать моим учеником? — рассуждал маг, трясясь в разболтанной повозке на пути в Мериден. — Уверен, мои недоучки скорей проглотят языки, чем признают, что не видят в нем никаких способностей! Да сядь с ними со всеми... Лишь бы Гемине не подвел!»

Бедняга Гемине, вконец запутавшись в долгах и попав в полную зависимость от Мийяры и фэла, стал почти его рабом. Инвар несколько раз порывался вернуть тупицу на истинный путь, но тот с упорством больного все чаще и чаще требовал дурман, соглашаясь на любую услугу или работу, лишь бы на ладонь легла щепотка серого порошка.

Гемине пообещал выкрасть кой-какие манускрипты из архива Конклава, куда за все эти годы Скорпо так ни разу и не пустили, а для ближайшего друга мэтра Лео и лучшего алхимика грани двери были открыты в любое время.

Мийяра надеялся найти в этих рукописях указание на ключ и ближайшую дату схождения граней, когда страж Бунп Лоуусу не только позволит, но даже поможет завладеть артефактом.

До заветной цели оставалось всего немного.

Когда зорситэ убрались восвояси, Скорпо пополз дальше. Сейчас ему хотелось только одного — добраться до какого-нибудь укромного места и залечь там в ожидании Судьбы.

А есть ли такое место в этом мире?

Есть ли тот уголок, где можно найти успокоение, не оглядываясь на канувшие в омут вечности дни? Или бессмертие, подаренное Бунп Лоуусу... плата?

Плата за гордость, за кровь и честь тех, кто сошел с пути, ведущего к заветной цели растоптанного мага...

Из-за этого дебила с телом человека прибытие на Конклав обернулось таким конфузом, что будь на месте Скорпо кто иной, то ему ох как досталось бы от ядовитого язычка хозяина тролля!

Как известно, клан Лео издавна специализировался на создании гомункулов. И когда повозка, управляемая вечно полусонным Луккой, поравнялась со стражниками Башни, кони, испугавшись големов, понесли. Висельник не придумал ничего лучшего, как резко остановить взбесившихся лошадей прямо под окнами замка. Сам тролль, естественно, удержался на козлах, а легкий Мийяра, воспарив над землей, влетел в незарешеченное окно гостевого зала прямо под ноги собравшихся.

Не успел он сказать хотя бы одно слово в свое оправдание, как все одиннадцать магов, и даже кое-кто из бестактных учеников, накинулись на «вошедшего» с полными сарказма вопросами.

— Чтоб меня разорвало! Скорпо! Поздравляю! Я вижу, наконец вам удалось найти заклинание, позволяющее передвигаться по воздуху! Отлично! Думаю, в следующий раз вы доведете его до совершенства и вам не придется совершать посадку с помощью подсобных средств! — Мастер Лео никак не мог простить ту злую шутку, когда Мийяра в порыве красноречия доказал собравшимся, для *каких именно* целей тот выращивает искусственных тварей, а также некоторые их части, способные не только некоторое время жить отдельно от тела, но и быть имплантированными.

— Признайтесь, ведь вам для этого заклинания пришлось использовать какой-то ингредиент! Что это было? Кровь грифона, глаз дракона или... — фривольно кивнул в сторону штанов мэтр Тауру, так и не простивший разнос, устроенный Скорпо по поводу его работы над эликсиром вечной жизни на основе настоев драгоценных металлов.

Начавший звереть Инвар хотел уже дать отповедь по всем вопросам и личностям, их задавшим, как в дверях возник Лукка Окопиу.

— Вы не поверите, господа... — улыбнувшись, сделал глубокую паузу Скорпо. Все в предвкушении затихли, и маг негромко, но торжественно объявил: — МОЗГИ ТРОЛЛЯ!

Все как один обернулись на мастера Либра, но тот, так и не распознав ложь, развел руками.

Увы... не в силах признать свою неправоту сильные мира. Не может статья такого, чтобы кто-то, пусть даже и один из них, был умнее, удачливее и сильнее их самих. Невозможно пережить ощущение собственной неполноценности, и рука судорожно сжимает меч, запаливается карающий факел, нашептывается навет, и кривятся в злобной усмешке губы, готовые оболгать, хоть как-то унижить победителя.

Все разом заговорили, перебивая друг друга и тыча в насмешника пальцами, загалдели, неся вздор и поминая наболевшее.

Вспомнили и ту злополучную охоту на оборотня и вызов дождя, после коих все, кто нуждался в помощи, искали встречи *только со Скорпо* и более ни с кем! А шутка по поводу путешествия по другим мирам? До сих пор на Твилисе туземцы ножи точат, после того как мастер Акариус их святыни разворовал, а уже свой остров драконьим пометом (каков ингредиент для перемещения?!) загадил. Он же на жаре разморозился и разлагаться начал. Полагаете, от такого аборигены в восторг пришли? Куда там темным умам до великих свершений, если дышать нечем. А рецепт дождя, в который по большому секрету мэтра Либра посвятили? Он же ради науки всю живность в округе истребил в неудержимом рвении сделать климат лучше. Все? Ан нет! Господин Скорпо, будьте любезны разъяснить, на кой

сход вам на прошлой неделе понадобилось лезть на прием к Тару Архату, королю Голубых Гор? Вы в курсе, что после этого визита в Веза-Влау волнения начались? Случайно не знаете, из-за чего гномы вооружаться начали? Хорошо... А вот донесли, что ваш ученик под руководством старого прыгуна Айдо к эльфам в Талат-Гален ездил. Зачем нам революции... Не созрел еще наш мир до таких потрясений! И сколько раз можно повторять: Конклав не вмешивается в политику.

По поводу последнего Скорпо, честно признаться, ничего не знал и даже объяснения придумать не мог, решив оставить разборку с троллем на потом. А вот что касается Веза-Влау... Скажи он правду, четвертовали бы на месте, и даже без последнего желания! В который раз Мийяра возблагодарил Небо, что читать чужие мысли мог только его клан.

Ведь случилась глупость. Тару Архату был задан совершенно невинный вопрос: не подскажет ли он, где найти того самого гнома, который, в свое время, вращаясь в великосветских людских кругах, превосходно организовывал торжества и праздники. Как зачем? Он же наизусть все правящие ветви знает и, выходит, может подсказать, кто, когда и где родился. Тут, понимаешь, конец света грядет, и предотвратить его может лишь отпрыск одного славного рода. И хоть ничего умнее тогда в голову просителя не пришло, ведь сработало! И адрес дали, и помощь предложили... Правда, тут же куда-то все собираться поспешно начали. Дела, понимаешь, неотложные появились. Краем уха проситель услышал: «эвакуация».

Но и это полбеды. Угрозило же потом Скорпо в тамошней гостинице любопытства ради спросить за Дожа — Дырявого Мешка. Оказалось, этого проходимца здесь не только знают, но и ждут с «такими» объятиями!.. И показали, с какими именно. Если бы не сопровождавший «великшого шахмана» сын Кривого Ра, который сунул озверевшему гному под подбородок стул!.. В общем, жизнь Инвара Мийяры на этом была бы закончена.

Вот кое-как волшебники успокоились, отдышались и расселись по местам, готовые внимать ученикам коллег.

Первым выступал подопечный Ариеса.

Это был милovidный, похожий на девушку молодой человек. Старый затейник питал слабость к подобному типу.

Не удержавшись, Скорпо попросил устроить небольшой дождик, втайне надеясь, что это задание будет непосильным — управление погодой не было профилирующим у клана Ариес.

Под молчаливое согласие собравшихся паренек подергался-подергался и... выжал из воздуха пять скупых капель.

Посыпались насмешки, будущий Ариес побагровел и...

«Контроль. Прежде всего в нашем деле — контроль. Пусть на голову тебе льют помои, а к твоей заднице пристроился истекающий слюной извращенец, ничто, никакие эмоции, никакой страх не должны помешать тебе правильно произнести заклинание!» — вдруг прозвучал в голове Скорпо голос покойного Девина Каяса.

Раздался нестерпимый грохот, треснула стоящая на столе стеклянная посуда, и на головы представителей Круга Двенадцати обрушился дождь из жаб и лягушек.

— Что-то нынче не так в нашем королевстве... — ворчал Мийяра, в спешке забираясь под стол.

По счету восьмым на суд жюри вызвали «подмастерье самого *достопочтенного Скорпо*». И только сейчас, к месту, достопочтенный Скорпо вспомнил, что забыл

предупредить *подмастерье*, что таковым он и является.

Проклиная про себя Конклав, белый свет, навязавшегося на его несчастную голову тролля, мастер Скорпо соизволил встать и выйти на середину зала.

— Уважаемые коллеги! Друзья. Позвольте представить вам моего ученика... — и самодовольно улыбнулся. — Мое, так сказать, творение... Лукка, пожалуйста, подойди сюда!

Сжимая кулаки и, видимо, от непонимания происходящего готовый задать стрекача, тролль поднялся со своего места, шагнув на деревянных ногах к «учителю».

Одиннадцать пар подозрительных глаз вперились в огромную тушу.

— А зачем ему искусство? — раздался отчетливый шепот со стороны отдельно сидящих учеников. — Его и так все обходить будут!

Первым не выдержал обмана Акариус:

— Скорпо! Вы что, изволите издеваться над Конклавом?! — но его удержал вставший следом мэтр Лео.

— Милостивый государь, соизвольте объяснить достопочтенному Собранию, что вы хотите *этим* сказать, — сначала сдержанно, но вдруг взорвавшись, в истерике закричал глава Круга. — Он же пустышка! У него никаких способностей к магии!

«Удивительно... А как вы *все* за эти двадцать лет не смогли рассмотреть пустышку во мне?» — хотел сказать Скорпо, но... Молитвенно сложив ладони на груди, он улыбнулся волшебникам самой искренней улыбкой невинности:

— Дайте мне возможность сказать, и я все вам объясню.

Это была не самая лучшая, но весьма убедительная речь. Отчаянно жестикулируя, с неподдельной дрожью в голосе Инвар Мийяра говорил о необходимости чистоты науки в мире, где жажда прямой выгоды и корыстолюбие затмили разум людей; о долге Конклава не только перед живущими на восьмой грани, но и перед всеми созданиями Кристалла; об ответственности за поступки и изыскания своих коллег и их учеников как в прошлом, так и в настоящем, и в будущем! И вот он, самый рядовой маг, создал вполне адекватное своим действиям здравомыслящее существо, которое собирается напитать магией и знаниями, дабы оно могло сеять разумное и светлое на этой стороне мира.

Больше всех, *хотя и демонстративно не говоря ни слова*, негодовал Лео. Еще бы, Скорпо покусился на его вотчину, создав, и создав успешно, без всяких видимых отклонений, искусственного разумного человека, чему его клан посвятил не одну жизнь, но дальше уровня интеллекта новорожденного ребенка не продвинулся. Остальные возмущались: «Да, работа, безусловно, хорошая, качественная, но простите, мэтр Скорпо, вы что же, возмечтали всех нас, как якобы не справившихся со своим предназначением, на големов заменить?! Пусть даже и такого класса...»

Не пущать! Запретить! Главного виновника лишить регалий, пристыдить, пытками наказать, позору предать, тюрьмы у нас, конечно, нет, но заточить куда-нибудь надо, а еще лучше — на костре раскаяния заживо спалить!

И чем бы все кончилось, неизвестно, может быть, Мийяру и взаправду живьем зажарили, но тут один из беснующихся, видимо до конца не поняв, что тролль не моргающая игрушка, а вполне разумное, то есть способное обижаться создание, заявляет:

— Скорпо, ты что же, хочешь вложить в куриные мозги этого раздолбая искусство магии?! Не проще ли будет всунуть в руки пьяной обезьяне Кристалл Мертвых, если ты так жаждешь, чтобы этот мир перевернулся и настал конец света!

Лукка-Висельник вдруг побагровел, рыкнул и... ухватив обидчика за грудки, заорал во все горло, заглушая остальных:

— Кого ты назвал пьяной обезьяной, а?! Я — тролль, слышишь, ты, развалина в халате! Я — тролль, и я НИКОГДА не пьянею! И вообще, чтоб ты знал, недоумок: для того чтобы перевернуть этот мир, мне не нужен этот ваш хренов Кристалл, для этого я просто найду точку, ты слышишь, фахтр?!!

Что разбушевавшийся тролль имел в виду, неизвестно, но скорей всего последняя фраза и остановила грядущую расправу.

— Какую точку? — сделал шаг вперед мастер Лео. — Что именно ты хотел сказать, парень?

— Опоры, конечно, бестолочь! Ну и хороший рычаг, разумеется, будет нужен... — еще рыча, просветил «гомункул» главу Конклава.

В зал с луками наизготовку ворвались два стража.

— Прекратить! Я СКАЗАЛ — ПРЕКРАТИТЬ!!! Арта лан скад-уд! — скомандовал Лео.

Големы послушно опустили оружие и, синхронно развернувшись, вышли вон.

Пока Лео о чем-то шептался с Либром, Скорпо, не удержавшись, повернулся к троллю.

— Лукка, — прошептал колдун, — удовлетвори мое любопытство. Откуда ты знаешь про этот фокус с рычагом?

— Старая родовая легенда... — насупился тот. — А если серьезно, то... — Висельник пустился в долгие объяснения.

Договорить им не дали. Мастер Лео, темнее тучи, подал знак рассесться по своим местам и начал свою речь.

— Несмотря на все доводы, приведенные мастером Скорпо, я ставлю вопрос о возможности физического существования данного... мм... *создания* на всеобщее голосование. Ввиду сложности и важности данной темы принимаются только «да» или «нет», варианты «или», «не знаю» приниматься не будут. Естественно, голосуют только маги — без участия мастера Скорпо как лица заинтересованного. Голосование состоится здесь, в этом зале, через два часа. А пока прошу вас всех разойтись по вашим комнатам для принятия честного и справедливого решения, — и первым двинулся из зала, бросив ненавистный взгляд на Лукку.

«Два часа? Гемине... Где эта скотина?!» — Полный достоинства, мэтр Скорпо кивнул Лукке следовать за ним и неспешным шагом отправился в приготовленные покои.

Дверь осторожно приоткрылась, и лихорадочно-бледный маг еле протиснулся в открывшийся проем, словно тот был узок для него.

Сидящий в глубоком кресле Скорпо даже не пошевелился, выжидаяще глядя на дрожащего знакомого. Только когда Гемине наконец вошел в комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь, Мийяра поднялся навстречу, протягивая сухую ладонь:

— Еще раз добрый день, мэтр...

— Добрый день, добрый, — торопливо проговорил гость, из-под низко надвинутого капюшона осторожно осматривая комнату. Убедившись, что, кроме хозяина и его гомункула-ученика никого больше нет, он расслабился и отбросил с лица капюшон.

— Я могу говорить при нем? — Гемине кивнул на дремлющего у стены тролля.

— Не обращайтесь на него внимания — парень спит... — Усевшись обратно, Скорпо приглашающе указал на стоящее напротив кресло. — Как вы себя чувствуете?

Вместо ответа гость лишь тяжело вздохнул, облизывая почти белым языком пересохшие губы.

Не став томить страждущего, Мийяра выложил на столик кожаный мешочек. Схватив фэл, Гемине, еле сдерживаясь, провел рукой над столешницей, как можно спокойнее выговаривая заклинание. Чуть заискрившись, воздух стал плотным, затем, превратившись в густой туман, тут же растаял, оставив после себя несколько блюд с закусками и два кувшина вина.

«М-да... истина... Мастерство не пропьешь. Истина».

Молча смешав в бокале порошок с красным, как кровь, напитком, мэтр Гемине залпом выпил все это и, откинувшись в кресле, прикрыл глаза в ожидании прилива сил.

Скорпо терпеливо ждал, прекрасно понимая, что, пока фэл не подействует, разговаривать о чем-либо бесполезно.

Наконец лицо гостя зарумянилось, он открыл чуть слезящиеся глаза и, приосанившись, уселся поудобней.

— Я принес, что вы просили... — И уже в свою очередь Гемине выложил на стол сверток.

Как можно безразличней, хотя внутри все напряглось от нетерпения, Инвар Мийяра снял потертую кожу обертки, извлекая на свет почти прозрачную от времени рукопись.

Какое-то время он молча всматривался в причудливые символы.

— Сударь, я не так силен в разных календарях и гороскопах, как вы. Не будете ли вы любезны подсказать, какой сейчас месяц? Я имею в виду по зодиаку Лиу-Аноа.

— Все же вам удалось прочесть этот свиток?! Вы меня удивляете все больше и больше. По зодиаку Лиу-Аноа сейчас заканчивается месяц Серебряного Плюща года Льяного Орла.

— Хорошо. Значит, следующий год, который наступает через две недели, будет называться годом...

— ...Бархатной Утки.

— Правда?... А когда же в таком случае наступает месяц Деревьев?

— Месяц Бриллиантовых Деревьев? Через три месяца.

— Вы уверены?

— Скорпо?!

— Последний вопрос, мэтр.

Скорпо налил себе вина, с удовлетворением отметив, что рука не дрожит. Всё встало на свои места, указывая день и час, когда он может принять в свои руки Бунп Лоуусу, и тогда!.. Но время!!! Его совершенно не было. Надо торопиться действовать. Сейчас! Немедленно Минуту назад! Еще только два последних штриха. В каком году родился «ключ» и кто он? Точнее, она... Но это уже потом, в Кинблоу.

— Когда последний раз был год Аиста? Точнее, год Мертвого Аиста.

— Семнадцать лет назад. Девять тысяч двести пятьдесят третий год от создания миров, если быть точнее, — подсчитал Гемине и поморщился. — Отвратительный был год. Знаменья, болезни, две войны подряд. Я чуть не умер.

Осторожно свернув манускрипт, Мийяра вернул его гостю и, чуть замешкавшись, положил рядом еще один мешочек.

— Примите это в качестве приза. Вы в расчете со мной, дорогой Гемине, — с некоторой грустью проговорил Инвар, не поднимая взгляда, боясь выдать себя. — Ступайте. До конца совещания осталось совсем немного. Не следует, чтобы нас видели вместе.

— Да-да... Вы правы... — Тяжело встав, чародей нерешительно попятился. — Вы... — Он запнулся. — Мы с вами действительно в расчете?

Вместо ответа Скорпо посмотрел на него укоризненно.

— Простите... — Гемине хотел уже уйти, как вдруг, обернувшись, быстро-быстро заговорил. — Я не должен вам этого открывать, но Лео договорился с магами. Ваше создание уничтожат. Сегодня. Он не смог простить вам то, что ему так и не удалось.

«Вот вам и повод смотаться по-быстренькому!» — На миг Инвару даже стало совестно, что в «призовой» фэл он подмешал немного яда.

Оказавшись у самой дороги, тварь снова напоролась на укрытую снегом корягу, разодрав себе то, что должно было бы называться левой рукой.

Зашипев, Скорпо дернулся, понимая, что на этот раз он попал в капкан надолго... Сколько пройдет времени, пока нарощая плоть не поможет выбраться из этого капкана? Неделя? Месяц? Вечность...

У самого лица, взъерошив снег, мелькнула полевка.

Рефлекторно кинув вперед обезображенное тело, Инвар попытался схватить зубами шустрю добычу и... провалился в занесенную обочину...

Над головой смыкалось небо.

Безбрежное в своем величии и гнетущее в своей бесконечности.

Дальнейшие несколько дней превратились в оживший кошмар героической легенды.

Надо было действовать, и действовать немедленно.

Из замка Лео они с троллем ушли через окно. И как! С боем прорвались через стражей Башни, не дав задержать себя. Висельник умудрился открутить одному гомункулу голову, а другого, «удачно» приземлившись, просто раздавил в лепешку.

Затем они потеряли день, кружа по лесу вокруг холма, на котором стоял замок, не разобрав дороги в крошечной тьме зимней ночи.

Попав в деревню, где они получили отдых и приют, Скорпо почувствовал себя полным ничтожеством, простаком, севшим играть в чужую, незнакомую игру! Трапеза подходила к концу, когда в дом вошел... Регул. Слуга и ученик мастера Лео.

Мийяра уже был готов пожертвовать троллем, отдав его Конклаву, но... Регул без всяких объяснений вернул беглецам их вещи и лошадей и так же, без объяснений, удалился.

Потом всю дорогу к заветному городу гномов, когда они пробивались сквозь снежный буран, из головы мага не выходила мысль: почему Лео так поступил? Было ли это признание побежденным победителя, или глава Круга Двенадцати преследовал свои, известные только ему самому, цели? Скорпо пребывал в недоумении.

Наступил день, и они вступили в Кинблоу. Прекрасно помня наставления, данные Таром Архатом, королем Голубых Гор, Мийяра нашел нужного ему гнома. И вот сюрприз (или оскал Судьбы?) — им оказалась гном-женщина. И не кто-нибудь, а жена покойного Катт-Арра, того самого, что поставлял Скорпо всякие магические штучки и который-то и вывел потерявшего способности чародея на Бунп Лоуусу. Как сей достопочтенный муж встретил свой последний час, Инвар старался не вспоминать.

Несколько нудных, тягучих часов, потраченных на бессмысленные разговоры, и Скорпо выходит за порог, зная имя того, кто откроет заветную дверь, за которой томится в ожидании свободы Всевластие.

Девушка Винетта. Единственная дочь правителя соседнего Вильсхолла, Гиера Одиннадцатого. Она сейчас в монастыре на содержании. И будет торчать там до тех пор, пока папаша не исполнит долг перед единоверцами, взявшими на себя воспитание будущей королевы. И у Скорпо возникает гениальный план, как заполучить *ключ*, да еще при благоприятном стечении обстоятельств... Ну, это все потом, сейчас главное — деньги, время и... справится ли тролль самостоятельно, ибо магу при всех «за» монашки девушку не отдадут, а сам он слишком известная личность, чтобы выдавать себя за другого.

Небеса уловили душевные смятения Инвара, прислав ему гнома, Дожа — Дырявого Мешка. Поборов в себе нежелание связываться с этим типом, тщательно проинструктировав его и тролля и снабдив их всем необходимым, Скорпо благословил друзей в путь.

Всего-то дел: найти Кривого Ра, отдать ему большую партию фэла, получить за него необходимую для выкупа сумму, доехать до монастыря и обменять золото на девушку, представившись посланцами ее родителя.

До того дня, когда перед его взором наконец не появились основательно прокопченные тролль и гном в сопровождении долгожданной девушки и совершенно недожданными эльфом и... кентавром, которых его двое остолопов подцепили по дороге, Скорпо и не знал, что это такое — «острая боль в области сердца»!

А когда эта четверка обрисовала, каким образом Судьба свела их воедино...

Скорпо, плюнув, успокоил себя: когда он завладеет артефактом, ему будет абсолютно все равно, устроят на него гонения за разрушенный монастырь единоверцы и родственники убиенного короля Гиера или нет. Богов наказывают только боги, а не кучка параноидального сброда. О смерти Кривого Ра и говорить не стоило.

И вот наступил ответственный миг.

Еще до рассвета Дня Волхвов Скорпо, облаченный в новую мантию, в сопровождении вольных и невольных свидетелей вышел к пещере, за стенами которой томился Бунп Лоуусу.

С первыми лучами солнца появился Краса Неба. Выйдя из чащи леса, единорог направился к ожидающим его людям.

Повинуясь зову Книги, Рох-Тилион двинулся в глубь тайника.

И тут все пошло наперекосяк...

У самой стены-двери, произнося *ленивитанские* заклинания приветствия, Мийяра увидел, что страж не только не реагирует на него, но еще и не видит в приведенной девушке «ключа».

Быстро прокрутив в голове все условия и найдя все верным, чародей попробовал еще раз... Потом еще... Результат тот же — Рох-Тилион вырывается и, как простое напуганное животное, норовит броситься наутек, а сама гора, в свою очередь, начинает дрожать, готовая вот-вот рассыпаться. Последнее было понятным: если вор среди бела дня пытается открыть не тем ключом дверь, на шум являются либо сердобольные соседи, либо хозяева. Те, кто заточил в этой глуши Бунп Лоуусу, не могли оставить подобное нахальство без внимания.

Еще раз, горя от нетерпения, сын Лысой Мийяры прокручивал в голове условия. Год? Этот! День? Сегодняшний! Так что же не так?! Почему единорог отворачивается от девушки, словно она... она...

— Милая девушка, — с дрожью в голосе обратился он к Винетте. — Боюсь показаться невежливым и даже грубияном и хамом, но обстоятельства таковы, что я вынужден задать вопрос, который вправе задавать только отец, мать и священник!.. — Сейчас должно решиться все. Жизнь или бесславная смерть. — Вы... девушка?

Наследница Вильсхолла побледнела, а затем, покраснев, сложила руки на груди.

— Ну, не юноша же, господин волшебник!

— Это я вижу! — задышался от волнения Мийяра. — Вы прекрасно поняли мой вопрос.

Поэтому я не буду его повторять. Итак?

В ответ ни слова. Лишь дрожат от негодования тонкие девичьи губки, да в глазах блестят слезы обиды.

— Сучка! Ты была с мужчиной или нет? Отвечай!!! — совершенно потерял разум Скорпо.

— Да! Да! Была! Я что, не вправе делать что хочу? Или я не хозяйка сама себе?

С сердцем стало плохо... земля уходила из-под ног... и перед глазами проплыла ухмыляющаяся физиономия Локо Мийяры, правителя Бревтона, что был в прошлой жизни родным братом волшебника.

— Все. Это конец... — прошептал Инвар, чувствуя, как силы покидают его.

— Дело в том, господа, что единороги общаются, а значит, и слушаются только девственников, — не без ехидства начал объяснять кентавр. — Именно поэтому многие белые маги сходят с ума от многолетнего воздержания. Кстати, некоторые деятели культа, посвятившие свою жизнь служению, трогаются умом также именно по этой причине. Отсюда вспышки религиозного фанатизма и как следствие — войны, репрессии... Но это моя личная теория.

Полуконь-получеловек продолжал бы рассуждения и дальше, но здесь пещера затряслась от нового подземного толчка, и с потолка посыпалась обильная каменная крошка.

— А не пора ли нам? Как полагаете, господин Скорпо? — Дырявый Мешок простуженно шмыгнул носом. — Ну не случилось, ну не повезло, может, в следующий раз... — и осекся, глядя на враз обезумевшего чародея.

— ЛУККА!!! Хватай единорога, быстро! — не своим голосом проорал маг. — Что вылупился, хватай! За шею!

Так бывает в плохом сне. Пытаешься вырваться из водоворота кошмара, понимая, что *такого быть не должно*, и хватаешься за соломинку, которая означает для тебя спасение, луч, разбивающий тягучую муть безысходности. Что? Зачем? Для чего? Да какая разница! Вперед, а там, дай Небо, разберемся...

Окопиу схватил несчастного Рох-Тилиона. Тот даже не шелохнулся в попытке вырваться.

— Охо-хохо-ньки!.. — сочувственно покачал головой гном, наблюдая, как единорог нежно приник к могучей груди тролля. — Что здесь можно сказать? У парня есть еще о чем мечтать в этой жизни!

— Давай, бей его рогом в стену! — пролаял сквозь кашель Скорпо, разрывая ворот мантии. — Бей, отца твоего в ссад!

Краса Неба, почуяв неладное, свирепо заржал и попытался освободиться от объятий Лукки. Удержать вставшего на дыбы стража было непросто. Как Висельник оседлал единорога, словно обычную лошадку, осталось непонятным, да и не время было это выяснять.

Рох-Тилион прыгал из стороны в сторону, вертелся на месте, но сбросить нечаянного седока ему было не по силам. И, крутанувшись в очередной раз, страж всем своим весом угодил в заветную стену.

Соприкоснувшись с рогом, камень задымился... и треснул, разбрасывая в стороны

осколки.

Гора снова протестующе загудела, не в силах стерпеть насилия.

В образовавшийся проем следом за ввалившимися туда Луккой и единорогом вошел Скорпо, таща за собой Винетту.

— Возьми его в руки и передай мне! — приказал чародей, указывая на стоящий на каменной тумбе среди просторного зала ларец.

Текст формулы он помнил наизусть. Повторял его, как святоша молитву, изо дня в день вместо утреннего завтрака и перед грядущим сном. Оттачивал интонацию, высоту каждого звука, смысл каждого слова. И не беда, что утратил Инвар магическую силу, оставались заклинания — произнеси их даже невинный, ничего не смыслящий в чародействе ребенок, Вселенная перевернется вверх дном!

В недрах притихшей в ожидании горы погасло последнее слово.

Щелчок, и крышка ларца с тяжелым скрипом поднялась, обнажая нутро. Сгорая от нетерпения, Скорпо протянул руки, и яркий огненный столб света ударил вверх, ослепляя непрошенных гостей.

Из живого огня выплыл огромный, намного превосходящий его вековое хранилище фолиант.

Принявшие артефакт ладони обожгло невыносимой болью, когда Бунп Лоуусу лег на них. Мийяра, сжав зубы, стерпел, чувствуя, как разливается по телу давно забытое ощущение силы.

Свершилось...

И перед глазами всплыло перекошенное в страхе лицо Локо Мийяры, правителя Бревтона, что стал в этой жизни ненавистным врагом великого волшебника, равным которому был, может быть, только Создатель Кристалла.

Время не ждет. Оно спешит навстречу, насмешливо хохоча.

Кого ждете вы? Что ищете? Чего алчете?

Вечен только ветер звезд, что родился по велению космоса.

Чем засеваете вы свои поля? Что собираете с деревьев к трапезе своей? Неужели не видите, слепцы? Не чувствуете вкуса? Или просто не в силах признаться себе?

Гниль на блюдах ваших столов. Гниль целуете вы на супружеском ложе. Рожденные гнилью, вы рождаете гниль.

Очнувшись, Инвар оглянулся на своих спутников.

Тупые безучастные лица. Как муторно дышать здесь, среди тех, кто заиклен на самих себе. Понимают ли они, что произошло сейчас? Нет... не понимают. И никогда не поймут и не оценят по достоинству. Да и что тебе до них? Пока еще живых, но уже трупов. Гнилья.

Скорпо шепчет новое заклинание, и перед ним возникает узор портала. Более никаких манускриптов Сио и других подобных штучек. Все это позади. Только чистая магия.

Не оборачиваясь, он шагает вперед, скрываясь от взора своих помощников.

— Прощайте... *господа*... — и оказывается недалеко от Перекрестка Семи Дорог. — Вы более не нужны мне. Никто мне больше не нужен.

Прижав к впалой груди драгоценность и подобрав полы мантии, Инвар Мийяра шагает напрямик через заснеженный лес подальше ото всех. В спину настойчиво ударяют хлопья поднявшейся метели, но холода он не чувствует.

Останься он тогда хоть на одно мгновение в Красной Пещере, оглянись, присмотревшись, и никогда бы не сделал того, что делает через несколько часов. Ибо есть зрелища, которые предостерегают, молча крича. Обернись, и задумался бы... Положил бы добычу на место, покаявшись перед собой и Небом.

Рох-Тилион. Краса Неба. Страж Заблудшего Леса, призванный богами охранять бесценное в своей мощи сокровище.

Не справился. Не отвел беду. И застыл в немом ужасе от содеянного, вмиг вросший в толстую стену опустевшего хранилища.

Только глаза Стража остались живыми.

И теперь сквозь толщу осыпавшегося камня следят они за вором — и в глазах его вечный укор.

— Глаза на стене. ГЛАЗА!!! — зарыдала полуживая тварь, выбираясь на тракт.

Как Скорпо и ожидал, Сила начала покидать его. Все верно, ведь он даже по-настоящему не попробовал вкус напитка. Только глотнул.

До деревни оставалось совсем немного — уже были слышны беззлая брехня дворовых собак да перестук в кузнице. Осмотревшись, чародей выбрал симпатичный пенек и, проваливаясь по колено в сугробе, насилу добрал до него. Осторожно, словно хрупкий сосуд, он возложил книгу на то, что осталось от спиленного дерева. Раскрыл, любуясь исписанными забытым богом страницами. Глаза выхватывали древние символы, складывали в слова. Инвар не заметил, как вокруг вдруг стало темно.

Оторвавшись от Книги, он с удивлением ощутил себя в комнате, подобной той, что сдают путникам на постоялых дворах.

На грубо сколоченной кровати с довольной усмешкой, заложа руки за голову, лежал неопрятно одетый молодой человек. Почему-то Скорпо не мог оторвать глаз от его сношенных, покрытых кусками засохшей грязи сапог, с которыми тот взобрался на чистую, хотя и застиранную простыню.

— Что вылупился, дяденька? — Голос незнакомца был сиплым. — Заходи, раз приперся. Вон табурет стоит, на него и плюхайся. Но если хочешь, можешь и дальше стоять, как... — Тут паренек выдал такое сравнение, что у повидавшего мир Инвара мгновенно запылали щеки.

Чародей перевел взгляд на лицо нахала, внутренне вздрагивая от отвращения.

Урод. И другого слова быть не может! Верхняя губа, сросшаяся с носом, обнажала гнилые черные зубы, издавек казавшиеся острыми. Левый глаз заплыл в бугристом наросте кожи. Зато правый, идеально правильной формы, под резко очерченной тонкой бровью сверкал изумрудом. Длинные немые всклокоченные волосы, возможно, все-таки светлые; разбросаны по худым непропорциональным плечам.

— Охренел, дядя? — Незнакомец был явно доволен произведенным эффектом.

— Не то слово... — сглотнул Скорпо, проведя языком по зубам. Свои вроде целы и на месте.

— Тем и берем! — Он легко сел, спустив ноги на заплеванной пол, и теперь было видно, что он ко всему еще и горбат. — Ты садиться будешь? У нас с тобой разговор долгим получится.

— А ты... — Мийяра сел на указанный табурет и чуть не упал: он был совсем расшатан. — Вы кто?

— Схад с переулочка! — хохотнул уродец. — Здрасьте вам! Своими же ветками из дыры достал, а теперь и не узнает!

«БУНП ЛОУУСУ???!»

Инвар почувствовал, что задыхается:

— Не может быть...

— А почему нет? — В голосе горбуна зазвучала детская обида. — Я что, должен выглядеть как первая красавица Елгекея? Нет, подружка, я такой, каков есть. Хотя внутри я посимпатишней буду.

Встав, Бунп Лоуусу доковылял до убитого мага.

— Да не мучь себя, старый хрен! — фамиллярно хлопнув по плечу, он поправил себе ширинку. — Лучше давай подумаем, как дальше сосуществовать... — Он чуть задумался. — Да! Именно *сосуществовать* будем.

— А?.. — замялся Скорпо. — Что? Простите, я вас не понял...

— Ты чё, дурак? Ладно, давай проще. Ты ж меня не просто так вытащил, значит, чего-то хочешь. Так давай не томи с заказом, или думаешь, что у меня своих дел нет?

— Стоп! — Мийяра вскочил со стула, протестующе выставяя руки. — Что значит «своих дел нет»?! Разве...

— Что «разве»?! Голуба... ну нельзя же быть таким наивным! Или ты искренне считал, что я буду служить тебе до самой *твоей* смерти? А откуда мне знать, сколько ты еще протянешь? Может, ты вообще умирать не собираешься и надеешься протянуть до самой кончины мира. Так что же мне с тобой схад его знает сколько нянчиться? Извиняйте... меня не для этого создавали. Кстати... — Он перешел на трагический шепот: — Ты вообще умирать собираешься? В этой жизни?

— Ну... — Скорпо начал терять нить разговора. — Вроде как бы и...

— «Как бы и нет». Хорошо, запишем. Ладно, возбуди свою фантазию. Чего хочешь? Власти? смерти недругов? денег немерено? чтоб стоял всегда? Стоп, давай сам угадаю. Хочешь свои силы магические обратно вернуть, да желательно сторицей? Дельное желание. Похвальное. Давай посчитаем, сколько ж тебе точно сверху накинуть. Приблизительно ведь нельзя... Тупо, наверху не поймут. Ведь у них там все по полочкам, все должно быть правильно. Эх, брат, если б ты знал... — Калека, обреченно махнув рукой, высморкался себе в ладонь. — Так, ты у нас магический импотент уже сколько? Ага... так... Плюс банковский процент, амортизация, минус коэффициент... Что, дядя, воздух глотаешь? Небось и слов-то таких не знаешь! Ну да время у тебя еще будет — изучишь, главное, чтоб тельце силищу такую выдержало. Кстати, предупреждаю сразу. Силы буду давать по кусочкам — если сразу, надорвешься. Как случится нетерпеж, ну там в бабью баню сквозь стену прошмыгнуть или еще чаво — открываешь и просто меня читаешь, а дальше все автоматом пойдет. Так, с этим пока все. Что ты еще хочешь? Братику отомстить? Знаешь, это ты уж сам, без меня. Еще пожелания будут?

— Вопрос будет. — Наконец придя в себя, чародей понял, что к чему. Его просто использовали. Навели на Бунп Лоуусу и, воспользовавшись его, Скорпо, беспомощностью, но горячим желанием, освободили артефакт. Естественно, не бесплатно. Но вот кто? Зачем? Что будет дальше...

— Не бери в голову, дядя, — зевнул горбун. — Легче проглотить будет. И вообще!..

Мийяра снова очутился в лесу, сидя с раскрытой на коленях Книгой.

В наступивших сумерках буквы горели огнем, отбрасывая блики на лицо.

Скорпо попробовал встать. Не ожидая такой боли в онемевших ногах, охнул, заваливаясь на бок. Лежа на снегу, он с удовольствием осознал, что что-то в этом мире решительно изменилось.

Прикрыв глаза, он стал прислушиваться к себе.

Он расслабился, представил... запах того чудного цветка, что увидел во время путешествия по Южной Квентиании.

Тонкий аромат ударил в голову. Открыв глаза, Инвар оглянулся и около себя обнаружил то самое растение.

«Получилось... ПОЛУЧИЛОСЬ!!! А теперь...»

Он встал. Огляделся. И, наметив заваленное дерево, начал *внутренним взором* поднимать его. Сбрасывая комья снега, тяжелый ствол резко поднялся вверх.

«Спокойней... спокойней... Теперь следует научиться контролировать *такую* силу... Стоп! Это еще что?!»

Мийяра понял, что он сейчас здесь не один.

Кто-то настойчиво пытался влезть в его разум, даже как следует, не потрудившись отыскать стоящую лазейку.

Старые знания возвращались быстро. Моментально выставлены зеркала — смотрите, пожалуйста, увидите лишь то, что захотите сами, а скорей всего, полную абракадабру, в которой сам Отродье голову сломит. А коли обман раскроете, честь вам и хвала, но... барьер уже не пройти — ни сил не хватит, ни умения. Здесь надо быть мастером, а к таким, уважаемый Лео, вы при всем желании не относитесь. Ни вы, ни остальные десять недотеп, назвавшихся чародеями.

«Значит, Конклав начал меня искать. Почему? Из-за «ученика» или был замечен всплеск энергии? И хотя первая причина довольно основательная, скорей всего заметили вспышку. Еще бы, освободить такой артефакт, как Бунп Лоуусу, и не нарушить энергетическое равновесие... Допустим, это так. Что они могут предпринять? Отнять у меня Бунп Лоуусу и завладеть им? Или просто спрятать от греха подальше — уничтожить его они не посмеют, ибо последствия непредсказуемы. Конечно, хотелось бы пообщаться с кем-нибудь из наших, узнать последние новости... А почему и нет?!»

В разум Гемине Скорпо вошел по привычке, совершенно забыв, что несколько недель назад самолично подсунил ему фэл, смешанный с отравой. А тут... мэтр Гемине жив, хотя и не вполне здоров — мучается животом.

«Так что же, порция была маленькой или?..» — Хлопнув себя по лбу, Мийяра рассмеялся. Кто-то когда-то говорил ему, что фэл нейтрализует некоторые яды. И как результат — старый знакомый пребывает в своеобразной эйфории: ощущение беспредельного полета над выгребной ямой среди полчищ алчущих тропических насекомых.

Отсмеявшись, Инвар глубже окунулся в разум Гемине. И убедился в своей догадке. Кто-то из Круга действительно почувствовал не просто перепад, а настоящий взрыв, словно в Кристалле народилась еще одна грань. А ее эпицентр находился в Заблудшем Лесу, то есть в обычной резиденции мэтра Скорпо.

Помяная последнюю выходку, у главы Конклава нестерпимо зачесались руки придушить этого индивидуума и враз избавиться от вечной головной боли.

«Какие, скажите на милость, можно проводить исследования, если после них мир готов, развалившись, опуститься в бесконечную бездну пустоты. Всем, всем, всем! Немедленно

найти именующего себя восьмым мастером Круга Двенадцати Скорпо, урожденного Инвара Мийяра. Использовать любые средства — последствия беру на себя».

Выйдя из транса, Инвар судорожно прислушался к себе — так и есть, сила, что вдохнул в него Бунп Лоуусу, постепенно уходила. Была необходима новая порция. Чародей был уверен, что рано или поздно могущество полностью вернется к нему и он не будет нуждаться в подобных дозах. Только когда это будет? Завтра? Через неделю? Месяц?

Невыносимо хотелось покончить со всем одним махом. Вернуть утраченное. Отомстить... Вот прямо сейчас явиться к брату и за все спросить с него! Стоп... Не этого хотелось... Почему он должен умереть, не познав, что это такое — десятилетия беспомощности, лишений и позора. Не такой участи он достоин... не такой...

В голове одна за другой пронеслись картинки. Вот Локо просит милостыню у Храма Единому; деревенские мальчишки кидают камни в спину бредущего Локо; Локо, дрожащий под проливным осенним дождем на улицах незнакомого города; Локо, копающийся в мусоре в поисках съестного; Локо плачущий; Локо на дыбе; Локо, голыми руками роющий себе могилу в жаркой пустыне.

«А чем сейчас занимается старший братик?»

Собравшись с силами, Скорпо снова вошел в транс, отыскивая разум Владыки Бревтона. Нашел и... наткнулся на холодную стену запрета.

«Идиот! У него же амулет! Значит, он так и не расстался с ним...»

Инвар представил, как сейчас Локо трет мгновенно нагревшуюся сережку, зовет старшего тайника и отдает распоряжения усилить личную охрану и направить десяток расторопных парней в Заблудший Лес.

«Предупредил. Напугал и предупредил. А ведь еще и к Лео за помощью кинется — ведь недаром «Закон об ограничении магии и преследовании за колдовство» отменил. Локо просто так делать ничего не будет, уверен, с главой Конклава у него какой-нибудь договорчик да имеется. И что теперь делать? Спокойно, только не поддаваться панике, выход всегда есть!»

При слове «выход» вспомнилась пещера, все эти годы служившая жилищем. Там, в одной из дальних комнат, лежал целый арсенал оружия, не иначе как на целую армию. Когда-то Скорпо, как один из вариантов мести, готовился снарядить наемников, но идея обернулась провалом — лихой народец ни за какие деньги не пожелал идти против целого государства, да еще того самого, что молчаливо разрешило базировать лагеря на своей территории. Но оружие-то осталось... а значит...

Собравшись с духом, Скорпо вновь раскрыл Бунп Лоуусу — ему была нужна новая порция сил. И немедленно!

Кипятком вспузырилась земля, и из-под черных комьев показались еще не сгнившие пальцы.

— Смелее... смелее... — шептал волшебник. — Поднимайся...

Наконец рука показалась полностью, а уже затем и коричневая, местами полностью сгнившая голова. Ввалившиеся яблоки глаз мертвеца уперлись в стоящего над ним человека.

— Добро пожаловать в мир живых, дорогой! — ухмыльнулся волшебник.

Зорситэ ответил стоном, продолжая высвобождаться из могилы.

Тошнотворный запах гнили окружил вызвавшего, послышался стон, от которого нормального человека обратило бы в бегство, но Он стоял, радостно щерясь на дело рук

своих.

А мертвецы, разбуженные смертным, поднимались из своих жилищ и шли к Скорпо, оставляя за собой на снегу слизистые следы. Они встали вокруг, ожидая, что прикажет Повелитель.

— Все же маловато вас, — критически оглядывая свою *армию*, вслух размышлял Мийяра, — да и мясцом неплохо было бы обрасти. А то от первой же стрелы рассыплетесь.

План был прост. Наслать армию мертвых на Уилтаван. Во-первых, появление подобной силы только добавит дрожи в коленях Локо, и мысли о скорой расправе над младшим братом уйдут на потом. А во-вторых, Конклав, разбираясь с мертвецами и природой их появления, также забудет о Скорпо, полностью отдавшись «работе». А уж чтоб работа для них была постоянной, это Мийяра гарантировал: ведь не просто из всей черной магии был выбран именно вызов зорситэ, способных быстро регенерировать и создавать себе подобных из раненых и убитых ими людей.

Скорпо было нужно время, и восставшие его обеспечат.

Сзади раздался испуганный вопль. Маг обернулся, увидев, как удирал к деревне запоздалый прохожий. Зорситэ угрожающе прогудел, не решаясь двинуться без приказа.

— Голод... — со свистом произнес ближайший, еще недели две назад бывший мужчиной мертвец. В его голосе звучала мольба. — Дай нам жизни... Повелитель... Мы хотим есть...

— Да, подкрепиться, наверное, стоит, — кивнул чародей и указал на видневшиеся за деревьями дома, — это все ваше. Ступайте!

Еле передвигая ноги, зорситэ двинулись вперед.

— А как ни крути, неплохой задался денек, а? — захохотал за спиной Бунп Лоуусу, и Скорпо, вздрогнув от неожиданности, обернулся.

— Что Властелин мира желает еще? — Горбун равнодушно смотрел, как мертвецы приближались к околице обреченной деревни. — Мож, по пивку? Как тебе, дядя, такая мысль? И с хорошей соленой рыбкой. Тебя слюна еще не душит? Ну не хочешь, как хочешь. Я чего приперся-то... Хочу тебе передать привет с благодарностью за прекрасно заделанный труд. Догадываешься от кого? Нет? Так вот на! Держи! — и кинул в руки оторопевшего волшебника четки наподобие монашеских.

— Мир вам, достопочтенный Мийяра, — мягкий завораживающий голос струился как бы отовсюду. — Вы меня не помните, но мы с вами уже давно знакомы. Я не буду заставлять вас вспоминать день нашего знакомства, ибо сейчас это не имеет абсолютно никакого значения. Тем паче, что в тот раз я предстал пред вами в чужом обличий. Я не планировал встречаться, но некоторые шаги, предпринятые вами сегодня, заставили меня назначить это свидание, а также принять некие меры к вашей персоне. Лестно вам это или нет, но с самого рождения вам была отведена роль Избранного. Не удивляйтесь и постарайтесь принять это как свершившийся факт. Вы должны были отыскать и получить в руки Бунп Лоуусу — артефакт, спрятанный здесь Старейшими богами. Не буду утомлять вас подробностями, скажу лишь, что весь этот мир, или, по-вашему, грань, был реставрирован и предназначен лишь для хранения этого бесценного сокровища. Имей вы возможность путешествовать по Кристаллу, вы бы наверняка обратили внимание на некоторые несоответствия, присутствующие на восьмой грани. Простите, я отвлекся. Продолжаю. Вам была уготована честь завладеть Бунп Лоуусу. В результате стечения многих обстоятельств, а если быть точнее, по воле Старейших, вас лишили магических способностей, дабы вы не смогли

выполнить свое предназначение.

На мой взгляд — полнейшая глупость, ибо проще было бы вас убить. Скорей всего, они просто заигрались, совершенно искренне полагая, что полностью контролируют ситуацию. Еще раз простите за невольные рассуждения. Итак, вас лишили способностей, но благодаря собственному упорству и находчивости (я забыл упомянуть о жажде мести как об основном движущем факторе), вы добились желаемого и завладели Бунп Лоуусу. Примите мои поздравления. Теперь первое «но». Уважаемый маг, я не буду вас учить. Вы сами прекрасно знаете, когда и при каких обстоятельствах возможно изъятие. Неужели было так трудно проверить все, до самой последней мелочи? Хорошо, в том, что девушка оказалась не девственницей, на первый взгляд нет вашей вины. Но, простите, неужели было так трудно дать слугам более подробные инструкции? А путаница с календарями? Вы выбрали не тот день, и в результате... Неужели вы полагаете, что, получив Бунп Лоуусу подобным образом, а если быть абсолютно справедливым, то через... кое-как, он будет служить вам? Скажу больше, с самого начала, конечно, предполагалась некая награда, но... Вы не заслужили даже ее. Итог? У Бунп Лоуусу дурной характер, вполне соответствующий его внешности. Он волен поступать с вами, как ему вздумается. Даже я не вправе как-либо влиять на него. Право слово, этот артефакт задумывался как ключ к моему свободному проходу к границам. Теперь я в сомнениях, смогу ли я воспользоваться предложенным путем: уж очень ненадежен этот мостик. Хотя ваш вызов зорситэ и дает мне призрачный шанс, коим я, несомненно, воспользуюсь, но... Боюсь, мой вассал не справится с поставленной задачей. Хотя... Не зря же его подняли из Царства Небытия?

Что же касается вас... Простите, но дальнейшая ваша судьба меня не интересует. Прощайте, Мийяра...

Голос стих. Скорпо беспомощно оглянулся на горбуна. Тот сосредоточенно мочился, не без любопытства вслушиваясь в крики о помощи, идущие со стороны деревни.

— Слышь, подружка, знатная гулянка идет, а?! Желания присоединиться нет? — оправив одежду, дух Книги повернулся лицом к магу, и только сейчас тот заметил, что язык у парня... как у змеи, раздвоен на конце.

— Пообщались? — Урод сделал первый шаг к застывшему Инвару. — Старый пердун обожает трепаться по пустякам! Надо же, снизошел... удостоил чести... — Бунп Лоуусу остановился, взглядываясь в посеревшее лицо волшебника.

Скорпо был совершенно спокоен, прекрасно понимая, что он во власти этого сумасшедшего. И никакая магия не поможет, даже рыпаться не стоит. Смирился волшебник, приготовясь к смерти. Или того хуже...

— Не бежишь, дядя? Правильно... — Урод стоял так близко, что Скорпо чувствовал запах гнилых зубов из его рта. — И не дрожишь... Молодец! Слушай! А ты мне все-таки нравишься! Живи... Как ты тогда сказал? «Как бы и нет, умирать не собираюсь»? Значит, живи долго и счастливо. Как и просил. Звиняй, только одно желание исполню. Это только в сказках можно три загадывать. Но ведь мы... — Он озорно улыбнулся, отдельно проговаривая слова. — Но ведь мы живем не в сказке... Поэтому только одно. Но зато по максимуму, дядя! По МАКСИМУМУ!!! — и захохотал, брызгая слюной. — Ой, подружка Кажется, это к тебе! — кивнул горбун за плечо мага.

Медленно, очень медленно Скорпо обернулся, зная, что сейчас увидит.

Зорситэ возвращались из деревни. И их было очень много.

— Вот такие дела, понимаешь! — Бунп Лоуусу стоял рядом, почесывая подмышку. —

Пойду я, родной, потихоньку. Не люблю, знаешь, я эту кровяищу. Жестокость там всякую. Меня, если честно, от таких картин просто тошнит. Уснуть потом невозможно... А ты держись. Счас тебя немного поедят, а потом, как надоест, бросят. Глядишь, тебе даже понравится. А что? Говорят, боль тоже приносит удовольствие...

Мертвецы окружили их, но не трогали, видимо сдерживаемые присутствием духа Книги.

— Спаси... — тихо попросил Скорпо. Но в голосе его не было ни мольбы, ни надежды.

— Спааа-ссс-иии!.. — передразнил горбун. — Хреново просишь, дядя. Да и что тебя спасать? Ты же у нас почти как бог!..

Инвар резко обернулся на кривляку, и во взгляде чародея прочел отчаяние.

— Жить долго, сударь... — совершенно чистым ровным голосом произнес дух Бунп Лоуусу, — означает — жить вечно. Это мой прощальный подарок. А уж как вы им воспользуетесь... — и захохотал, выплясывая точно деревенский юродивый. — Не мое, дядя, это сучье дело.

И исчез так же, как мгновение назад растворилась в воздухе великая Книга, созданная забытым богом в наказание тем, кто в своей гордыне отрекся, пойдя своей дорогой.

Поставить защитный купол у Скорпо так и не получилось. И не потому, что забыл, как это следует делать... Просто не было того, что помогает заклинаниям принять какую-то конкретную форму. Снова не было этой великой силы, коей наделены маги. Снова он был беспомощен. Закрыв лицо руками, Инвар, встав на колени, сжался, чувствуя, как нетерпеливая рука голодной твари, *той*, что поднял *он сам*, касается плеча.

Разрывает плотную ткань плаща и впивается ему под ухо. Туда, где порывисто бьется голубая жилка...

Его хватают, разрывая на части и выгрызая из живого тела мясо...

Сквозь волну нечеловеческой боли одна за другой мелькают две картины.

Стая волков, раздирающая загнанного олененка; и самодовольный Локо, нетерпеливо срывающий одежды с его Эльноры.

Инвар не помнил, когда это закончилось. Сколько прошло времени, пока он начал снова понимать окружающее.

Дни, недели, месяцы слились в одно целое — он ползет. Куда? Зачем? Скорей всего, вперед его двигал инстинкт.

Бунп Лоуусу не солгал. Он действительно подарил ему бессмертие. Когда зорситэ обглодали его чуть ли не до последней косточки, он не умер. То, что не могло бы называться человеком, те ошметки мяса и костей продолжали жить своей жизнью.

Почти сразу же после наступления затмения ему приснился сон.

Будто бы он лежит в пустом зале гостиницы «Южный Тракт», а вокруг стоят люди. Их много, только лиц совсем не различить. Грозный голос спрашивает: «Зачем, Скорпо, ты поднял мертвецов? Зачем ты обманывал своих товарищей, притворяясь искусным магом? Зачем показал Отродью дорогу в наш мир?»

И Инвар что-то отвечал. Ворочал языком, которого нет, и отвечал. Устало, без злости. Ведь спрашивают — почему не ответить? Говорить правду легко и приятно.

Люди с сожалением смотрят на него, а помочь не могут. Или не хотят? А впрочем, какая разница. Оставьте тварь в покое. Дайте ей сдохнуть по-человечески. Она буквально

вчера еще была человеком. Из сострадания... отпустите, если ничего больше не можете сделать. Палачей хватает и без вас.

И люди уходят. Оставляют его на полу с засохшей чужой кровью, сами растворяясь в дымке.

Сон заканчивает щенок.

Он подходит к твари, и Инвар уже не чувствует, как мягкий язычок вылизывает его череп. И тем паче так никогда и не вспомнит, как испуганный девичий голос отзовет дружка от человеческих остатков.

Восстановление тела протекает медленно. И за каждую клеточку кожи, каждый волос, каждую мышцу Скорпо платит болью.

Ни с чем не сравнимой болью.

Единственное чувство, оставленное ему. Кроме голода.

Он пожирал падаль, глотая мертвечину вместе с осколками своей челюсти и роняя проглоченное через раны на грязный снег. Он сам становился добычей лесных бродяг. Он пытался заснуть, но мороз будил его, отмораживая народившееся. Холод не давал ему дышать, но с тем же и спасал, не давая гнить заживо.

Весь мир превратился в туман, сквозь который пробиваются волны страха и боли. Он не понимал, что происходит. Он рождался заново. Только нужно ли ему это было?

Скоро морозы начнут ослабевать. Наступит весна. И зародившиеся яблочки глаз начнут различать свет. Появится трава, по которой побегут мелкие твари. Новый корм. Новая жизнь. Когда-нибудь он встанет на ноги. Даже сможет говорить. И все вспомнит. Всё. И захочется жить, дыша полной грудью. Только... как жить, когда внутри тебя живет червячок унижения? И как жить человеку, если то, для чего он создан, у него отобрали? Отобрали даже право на смерть.

Лишь однажды к Скорпо, буквально живому трупу, вернулся разум. Ненадолго. Что это было? Насмешка Судьбы или еще один прощальный «подарок» Бунп Лоуусу? Или само Отродье, сжалившись над ним, удовлетворило его жажду, с которой он брел по жизни тридцать с лишком лет?

Он очнулся на поле брани. Видимо, бой уже давно закончился. Кругом палили костры, сжигая трупы, и... Мийяра не поверил увиденному — заживо жгли раненых. Солдаты гвардии, «красные» легионеры и эльфы подбирали мертвые тела и несли их к погребальным кострам.

То там, то здесь слышались проклятия, хрипы и стоны. Черный дым стелился над землей в предраассветных сумерках зимнего утра.

Приглядевшись, Скорпо узнал Уилтаван. Непокоренный город стоял на холме, молчаливо взирая на павших сыновей, их союзников и врагов.

Тут его подхватили под мышки и понесли в сторону ближайшего кострища.

— Ну и дрянь... — пробасил чей-то голос, а Инвар даже не мог пошевелинуться, не то чтобы закричать: «Живой я! Люди, я живой! Не надо меня в огонь!»

— Я и похлеще видел! — сказал другой. — Там, у самой стены, такое...

— Да уж. Слава Небесам, что тролли очнулись, иначе нам бы всем несдобровать.

— Слава Ушедшему! Верно говоришь.

— Сегодня же в храм пойду. Окреститься хочу. А эльфы тоже молодцы. Как они их из луков ложили, а?!

— И не говори. Да, я с тобой пойду. Давно не причащался.

«Тролли? Эльфы? О чем они? Что здесь вообще произошло? Кто с кем бился?»

И тут он увидел с кем. Разрубленный пополам зорситэ пытался дотянуться до своих отброшенных в сторону ног. Проходящий мимо какой-то солдатик копьём отпихнул мертвеца в сторону, но тот, изловчившись, ухватился за человека, впиваясь ему в колено.

Скорпо бросили, видимо поспешив к своему на выручку.

Предоставленный самому себе, Инвар попытался отползти в сторону... И откуда только взялись силы?! Он полз и полз... По трупам, по обломкам оружия, по выжженной земле.

И снова Мийяра не поверил себе, поняв, что оказался у самого шатра Владыки Бревтона. Десять дюжих гвардейцев в позолоченных доспехах охраняли расшитую золотыми нитями палатку.

До Скорпо донеслись идущие изнутри голоса. Один — незнакомый, спокойный и ровный. В другом, капризном и немолодом, он узнал голос старшего брата. Локо кричал, понося кого-то и насылая проклятия.

Инвар удивился солдатам, спокойно стоявшим на страже, — наверно, подобное поведение их господина было им не в диковинку.

Вдруг раздался истошный вопль... Раздался и перешел в хрип.

«Горло перерезали, — догадался Мийяра. — Да что ж там такое?»

Наконец отреагировали и гвардейцы. Бросив посты, они ворвались в шатер.

Молчание. А затем звучный голос над мертвым полем:

— УБИ-И-ИЛИ!!! ВЛАДЫКУ УБИЛИ!!! ПОКУШЕНИЕ!!!

Не донеся до костров, солдаты бросают трупы и мчатся на крик, на ходу выхватывая оружие. А вокруг уже бегают горе-охранники. Переворачивают все вверх дном, светят факелами по земле, ищут душегуба. А его нет — растаял, словно и не было никогда.

Над верхушкой шатра появился легкий невзрачный дымок. Взвился вверх и птицей поплыл над полем, отбрасывая тень от взошедшего солнца.

Инвар закричал — или это ему только показалось? Тень! Тень Знака восьмого мастера Круга Двенадцати бежала по земле... Его тень...

Тень Скорпиона.

И тут разум покинул его.

Как сын Лысой Мийяры выбрался с поля — неизвестно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Бор-От — воин-рыцарь, мастер боя. — Здесь и далее примеч. авт.

Здесь Девин Каяс обыгрывает название знаменитой книги путешественника и этнографа Мара По «Дикие обычаи всех времен и племен Северной и Северо-Восточной частей нашей Земли».

Олдоу (*орк.*) — буквально — поросенок; здесь — ребенок, юноша.

Тэндх (*орк.*) — человек.

Эртсго — слабый курительный наркотик, обладающий тонизирующими свойствами.

Вездамос — у гномов-наугов бог насилия и смерти. Изображается в виде человека-змеи. Именно ему, по одной из легенд, принадлежит изобретение оссари.

Ажигай (*орк.*) — злые духи.

Дхари (*орк.*) — быстро, живо.

Воло — аура; душа.

Вакхаб — оргия, шабаш.

Картурак — оркское название фэла.

Талион — дикий конь (*орк.*).

У гномов: быть униженным, оскорбленным.

«Орел не ловит мух»; «Великий человек не занимается мелочами» (*ант.*).

Многое.